

ФГОС
ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА

Г.С. Меркин

Литература

**Учебник для 5 класса
общеобразовательных
организаций**

**В двух частях
Часть II**

8-е издание

Рекомендовано Министерством просвещения
Российской Федерации

Экспертное заключение № 004569 от 19.12.2016 г.
(научная экспертиза)

Экспертное заключение № 004576 от 19.12.2016 г.
(педагогическая экспертиза)

Экспертное заключение № ОЭ/16-0223 от 26.12.2016 г.
(общественная экспертиза)

Соответствует Федеральному
государственному образовательному стандарту

Москва
«Русское слово»
2019

УДК 373.167.1:82*05(075.3)

ББК 83.я721

М52

Автор — Г.С. Меркин, доктор педагогических наук, профессор

**В создании учебно-методического комплекса принимали участие
сотрудники Литературного института им. А.М. Горького
(ректор — доктор филологических наук, профессор А.Н. Варламов):**

*И.И. Большев, А.Н. Варламов, А.В. Василевский, С.Ф. Дмитренко,
Е.В. Дьячкова, Г.Ю. Завгородняя, Л.А. Карпушкина, А.В. Королёв,
Б.А. Леонов, В.П. Смирнов, М.Ю. Стояновский, С.Р. Федакин.*

Меркин Г.С.

М52 Литература: учебник для 5 класса общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 2 / Г.С. Меркин. — 8-е изд. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2019. — 336 с.: ил. — (ФГОС. Инновационная школа).

ISBN 978-5-533-00813-6 (ч. 2)

ISBN 978-5-533-00814-3

Учебник соответствует программе по литературе для 5—9 классов (автор-составитель Г.С. Меркин), а также сохраняет преемственность по отношению к курсу «Литературное чтение» для 1—4 классов (автор Г.С. Меркин, Б.Г. Меркин, С.А. Болотова). Учебник знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно, содержит хрестоматийные тексты.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту, Примерной основной образовательной программе основного общего образования и Концепции преподавания русского языка и литературы; входит в систему учебников «Инновационная школа» (5—8 классы, автор Г.С. Меркин; 9 класс, авторы С.А. Зинин, В.И. Сахаров, В.А. Чалмаев).

Учебник предназначен для общеобразовательных организаций.

Дополнительные электронные материалы к учебнику размещены на сайте издательства «Русское слово» — русское-слово.рф.

УДК 373.167.1:82*05(075.3)

ББК 83.я721

ISBN 978-5-533-00813-6 (ч. 2)

ISBN 978-5-533-00814-3

© Г.С. Меркин, 2012, 2019

© ООО «Русское слово — учебник», 2012, 2019

Из русской литературы XX века

Успехи, достигнутые русской литературой в XIX, золотом, веке, были приумножены писателями XX столетия: Буниным, Куприным, Горьким; в поэзии заблистали имена Блока, Есенина, Твардовского...

В эту часть учебника вошли произведения русских прозаиков и поэтов XX века. Их стиль повествования близок к современному, но темы, которые они затрагивают, традиционны для русской литературы.

Единство народа в противостоянии злу, мужество соотечественников в борьбе за свободу переданы в стихотворениях о Великой Отечественной войне.

Особого внимания заслуживает раздел «Писатели XX века о родной природе», в котором представлены произведения, воспевающие красоту родной природы. Эта красота вызывает чувство гордости и понимание ответственности за её сохранение.

**ИВАН
АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН
1870—1953**

«Я родился 10 октября 1870 года¹. Отца моего звали Алексеем Николаевичем, мать — Людмилой Александровной... О начале нашем в “Гербовнике дворянских родов” сказано, между прочим, следующее: “Род Буниных происходит от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу. Правнук его Александр Лаврентьев сын Бунин служил по Владимиру и убит под Казанью. Стольник Козьма Лаврентьев Бунин жалован за службу и храбрость на поместья грамотой. Равным образом и другие многие Бунины служили воеводами и в иных чинах владели деревнями. Всё сие доказывается бумагами Воронежского дворянского депутатского собрания о внесении рода Буниных в родословную книгу в VI часть, в число древнего дворянства...”».

Бунин гордился своими предками, среди которых был поэт Василий Андреевич Жуковский. При этом с ранних лет Бунин был знаком с жизнью простых людей, общался с крестьянскими детьми. Детство будущего писателя прошло на хуторе Бутырки и в селе Озерки недалеко от Ельца. Бунин вспоминал: «Лет с семи началась для меня жизнь, тесно связанная в моих воспоминаниях с полем, с мужицкими избами...

¹ И.А. Бунин родился в г. Воронеже.

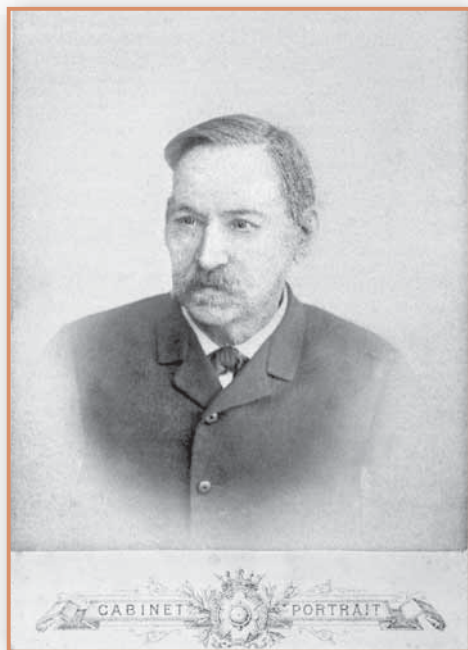

Герб рода Буниных

В апреле 1887 года я отправил в петербургский еженедельный журнал “Родина” стихотворение, которое появилось в одном из майских номеров. Утра, когда я шёл с этим номером с почты в Озерках, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал своё произведение, никогда не забуду. Писал и читал я в то лето особенно много, а чтобы ничто не мешало мне в этом и с целью “наблюдения таинственной ночной жизни”, месяца на два прекратил ночной сон, спал только днём».

В ЕЛЕЦКОМ КРАЕ

В Ельце Иван Бунин учился около четырёх с половиной лет — до середины зимы 1886 года, после чего он снова жил в деревне, в Озерках — в старосветской усадьбе, доставшейся матери по наследству от бабушки

Родители писателя.

Л.А. Бунина

и А.Н. Бунин.

Фотографии.

Конец XIX в.

Чубаровой, умершей в мае 1881 года. Озерки — зажиточная деревня, где были пруд, сады...

Жизнь Бунина в Озерках мало чем отличалась, по-видимому, от его жизни в Бутырках, где он дружил с крестьянскими ребятами, бывал с ними в ночном¹, рассказывал им сказки. Позже, в «Автобиографических заметках», он вспоминал: «От дворовых и матери я в ту пору много наслушался песен, сказок, преданий, слышал, между прочим, “Аленький цветочек”, “О трёх старцах”, то, что потом читал у Аксакова, у Толстого. Им же я обязан и первыми познаниями в народном и старинном языке».

«По вечерам он уходил на часок в очередную избу на посиделки, — пишет В.Н. Муромцева-Бунина, — куда вносил оживление своими шутками, а иногда и рассказами. Ходил и “на улицу”, где “страдали”, плясали, и он

¹ *Ночнóе* — выпас лошадей ночью в летнее время.

Дом, в котором жил И. Бунин в 1883—1885 гг.
Ныне Литературно-мемориальный музей И.А. Бунина
(Елец, ул. Горького, д. 16). Фотография. XX в.

сам иногда придумывал “страдательные” или плясовые, которые вызывали смех и одобрение».

С удовольствием слушал молодой поэт старинные песни, исполнявшиеся на посиделках. Несколько отрывков он записал...

По А.К. Бабореко

Вопросы и задания

1. Как характеризует И.А. Бунина интерес к истории своего рода?
2. В какой обстановке проходило детство И. Бунина? Что формировало будущего писателя?
3. Что вы знаете о своих предках? До какого колена (поколения)?

Возвращаясь к теме

1. В начальной школе вы читали и учили наизусть стихотворения русских писателей XX века о природе. Вспомните строки, назовите авторов. Какие прозаические произведения, посвящённые миру природы, вы читали?
2. В каких жанрах устного народного творчества отражён мир природы?

* * *

Густой зелёный ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шёл олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб —
И много хвойных крестиков, остинок¹
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил!

1905

Вопросы и задания

1. Расскажите, какое впечатление произвело на вас это стихотворение. Какие чувства оно вызвало?

¹ *Остёрнка* — тонкий заострённый отросток у растений.

2. В чём своеобразие картины, воссозданной в стихотворении? Как лирический герой узнаёт о произошедшем?
3. Внимательно перечитайте стихотворение. Подумайте, меняется ли при чтении интонация? Почему?

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

Мы уже неоднократно употребляли слово «тема». Тема — это то, о чём говорится в произведении. Как определить тему стихотворения? Самый правильный способ — по имени существительному.

Выпишем из стихотворения все существительные, распределим их по смысловым (тематическим) группам, к которым они относятся.

Природа (лес, поле, луг): *ельник, дорога, снега, тропинка, ёлка, крестики, остинки, макушка, сугроб, луг, ветка, долина* — 12 слов, 12 словоупотреблений.

Природа (олень): *олень, спина, след* (2 раза), *зуб, рога* (2 раза), *прыжок, бег, избыток, сила, стремительность* — 10 слов, 12 словоупотреблений.

Природа (собаки): *гон* — 1 слово, 1 словоупотребление.

Прочее: *красота, смерть* — 2 слова, 2 словоупотребления.

Теперь рассмотрим словарик и сделаем удивительные выводы.

Первый. Стихотворение Бунина о природе: из 27 словоупотреблений существительных к миру природы относятся 24, из них по 12 (поровну!) — к миру природы вообще (лес, поле, луг) и к его обитателю, главному образу стихотворения — оленю.

Второй. И образ природы, и образ оленя проработаны подробно, в деталях. В «лесу» — это не только *ельник*, но и *остинки, крестики, снега, сугроб, макушки (ёлок), ветки*. Образ *оленя* тоже выписан ярко: мы видим его

И.А. Бунин.
Фотография. 1887 г.

бег, (тяжкие) рога, стремительность, силу; здесь очень интересно слово «избыток»: *избыток сил*.

Итак, олень в лесу — основная тема. Причём олень молодой, царственно красивый, сильный. Природа дана поэтом так, чтобы подчеркнуть эту изысканность и величие. Бунин очень скуп на употребление глаголов. Большинство из них относятся к движениям оленя: *шёл* (1-я строфа); *натоптал, гнул, скрёб* (2-я); *уходил, уносил* (4-я). К образу леса относится глагол *осыпалось* и к собачьему гону — *теряется* (след собак).

Что же из этого следует? Первая строфа задаёт тему: природа (лес) и его замечательный обитатель — олень. Тема раскрывается не в движении, напряжении,

а в покое. Воспроизводится состояние природы, поэтому главное внимание уделяется частям речи, которые передают признаки предметов и явлений: *густой, зелёный, глубокий, пушистые, могучий, тонконогий, тяжкие*.

Кстати, выясните, какие из этих прилагательных — простые определения, а какие — определения художественные, то есть эпитеты. Какие особенности природы подчёркивает, выделяет поэт эпитетами?

Во второй строфе стихотворения глаголов уже больше: три из них относятся к оленю и один — к деревьям («И много хвойных крестиков, остинок / Осыпалось с макушки на сугроб»). Тема развивается, и Бунин определяет не только место события (лес) и образ природы (олень), но и передаёт их в динамике, движении. Мы словно видим это уверенное движение оленя в лесу: он спокоен («натоптал тропинок»); ему ничего не мешает: он гнул ветку (питался); видны следы его молодых зубов («белым зубом скрёб»). Олень — дома, в естественной и неопасной обстановке.

Совершенно особое место занимает третья строфа. Привычное, уверенно-спокойное состояние оленя ещё сохраняется в первом стихе, как вдруг всё решительно меняется.

Приближается кульминационный момент. Олень почувствовал опасность. Удивительным образом передаёт это состояние поэт. Меняется ритм, конструкция фразы, пунктуация. Появляется слово *вдруг*. Оно само по себе уже говорит о новом повороте событий, о неожиданности. Эта неожиданность подчёркивается и тире. В данном случае оно усиливает впечатление и стремительности, и паузы одновременно. Стремительность обозначена очень точно: *вдруг — прыжок!*

Обратите внимание на восклицательный знак. Он ведь не случаен, он подчёркивает эмоциональное на-

пряжение. И сразу — результат: олень ушёл от беды. Только сейчас мы понимаем, что беда была рядом, близко: «*И далеко в лугу / Теряется собачий гон...*» Здесь нас поджидает самое удивительное, неожиданное. Бунин сознательно идёт на нарушение грамматики во имя точности художественной картины. Внимательно прочитайте всё предложение: «*И далеко в лугу / Теряется собачий гон — и ветки, / Обитые рогами на бегу...*» От собачьего гона переход к веткам, обитым рогами на бегу?! Да ещё многоточие в конце фразы, которое подчёркивает и её незаконченность, и продолжение бега оленя?! Так вроде бы неправильно с точки зрения правил языка, не закончена, брошена одна мысль — о собачьем гоне. Пауза (тире) подчёркивает стремительный бег оленя, уходящего от погони, причём бега нет, но мы-то его почувствовали: он передан через деталь — сбитые на бегу могучими рогами ветки. В грамматике так нельзя, а в поэзии — не только возможно, но иногда необходимо! Здесь тот самый случай. Бунин добился главного: передана динамика, картина не только представлена, но и прочувствована, не только увидена, но и в деталях рассмотрена.

Вот и последняя строфа. Прочитаем внимательно, медленно:

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил!

Первая фраза — торжество: олень ушёл; он вне опасности. Молодость и сила победили... Что победили?

Вот здесь мы и подходим к самому важному — двум словам, стоящим в самой последней строчке: *красота* — с одной стороны, *смерть* — с другой.

Вот, оказывается, о чём стихотворение, вот его основная, неочевидная, скрытая тема: о победе красоты над смертью. А не только (и не столько!) о природе.

Здесь нас ждёт ещё одно важное открытие. Стихотворение прочитано, но оно не отпускает нас от себя. Мы продолжаем о нём думать. Оказывается, есть ещё нечто. Это человек. Он не назван, но ведь не сами же пришли в лес на «гон» охотничьи собаки! Их ведь кто-то привёл. И появляется мысль о победе добра (красота — это добро) над злом: смерть — это зло.

В ДЕРЕВНЕ

I

Когда я был маленьким, мне всегда казалось, что вместе с рождественскими праздниками начинается весна. «Декабрь — вот это зима», — думал я. В декабре погода, по большей части, суровая, серая. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета; солнца целый день не видно, и только вечером замечаешь след его потому, что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжёлой мгле на западе... Да, это настоящая зима!

Я с нетерпением ждал Святки. Когда в конце декабря я бегал по утрам в гимназию, видел в магазинах сотни блестящих игрушек и украшений, приготовленных для ёлок, видел на базаре целые обозы с этими зелёными, загубленными для праздника ёлочками, а в мясных рядах — целые горы мёрзлых свиных туш, поросят и битой, ошипанной птицы, я с радостью говорил себе:

— Ну, теперь уж близко праздник! Скоро настоящая зима кончится, и дело пойдёт на весну. Я на целые две недели уеду в деревню и буду там встречать начало весны.

И мне казалось, что только в деревне и можно заметить, как начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие светлые, солнечные дни. И правда, ведь в городе мы забываем о солнце, редко видим небо, а больше любимся на вывески да на стены домов.

И вот наконец наступал давно желанный, радостный день. Вечером вдруг раздавался звонок в сенях нашей квартиры. Я стремглав бежал в прихожую и наталкивался там на высокого человека в большой енотовой шубе. Воротник этой шубы и шапка на голове высокого человека были в инее.

— Папочка! — взвизгивал я в восторге.

— Уйди, уйди, я — холодный, — говорил отец весело, и, действительно, от него так хорошо пахло морозной свежестью, снегом и зимним воздухом.

Весь этот вечер я не отходил от отца. Никогда я не любил его так, как в эти вечера, никогда не засыпал так сладко!

Я засыпал упоённый мечтами о завтрашнем путешествии в деревню, и правда — это было весёлое путешествие! Поезд быстро бежит среди ровных снежных полей, вагон озарён утренним солнцем. Белый дым волнующимися клубами плывёт перед окнами, плавно упадает и стелется по снегу около дороги, а по вагону ходят широкие тени. Свет солнца от этого то будто меркнет, то снова врывается в окна яркими, янтарными полосами... Даже весело то, что в вагоне так много народу, так тесно и шумно!

Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда!

Откинешься на задок саней, прикроешь глаза и только покачиваешься и слышишь, как заливается колокольчик над тройкой, запряжённой впротыжку, как визжат и постукивают на ухабах полозья. Коренник¹ сеет иноходью², передние поджарые³ лошади, пофыркивая, несутся вскачь, комья снега бьют в передок, а около саней быстро-быстро, как змея, вьётся длинный кнут кучера. Обернёшься — и кажется, что полоса дороги выскальзывает из-под полозьев, бежит назад, в ровное снежное поле...

А потом — шагом по занесённым выюгами лугам, под обрывами с нависшими тяжёлыми снегами! Огромными раковинами завиваются внутрь гребни снеговых навесов. Ясно и резко отделяются их чистые, холодные изваяния от фона неба: небо снизу кажется тёмно-тёмно-синим! Пристяжные⁴ играют, на ходу хватают губами и отбрасывают снег...

— Балуй! — грозно кричит кучер, щёлкая кнутом, — и опять постукивают сани на ухабах и звонко заливается колокольчик под мерно качающейся дугою...

А между тем уже догорает короткий день; встали лиловые тучи с запада, солнце ушло в них, и наступает тихий, зимний вечер. Над посиневшими снегами залегает к востоку морозная мгла ночи. Сливается с нею вдали снежная дорога, и мёртвое молчание царит над степью. Только полозья тихо скрипят по снегу и задумчиво позванивают колокольчик: лошади идут шагом. Овсянки бесшумно перелетают перед ними по дороге... Мужик на розвальнях пристал за

¹ *Коренник* — средняя лошадь в тройке.

² *Иноходь* — движение лошади, при котором она одновременно выносит то обе правые ноги, то обе левые.

³ *Поджарый* — худой и мускулистый.

⁴ *Пристяжная* — лошадь в тройке, находящаяся слева или справа от коренника.

нами где-то на перекрёстке, и заиндеветшая морда его шершавой, низенькой и бокастой лошадки, которая трусит рысцой за нашими санями, равномерно дышит тёплым паром в мой затылок.

— Не наезжай! — раздаётся иногда голос нашего кучера среди мёртвого молчания поля.

И мужик тоже что-то покрикивает, соскакивает на раскатах и снова бочком, на бегу, вваливается в свои дровни.

А кругом всё темнеет и темнеет, и уже ночью въезжаем мы в знакомое село. Ночь тёмная, но звёздная; мелкие звёзды содрогаются острыми синими огоньками, крупные блещут переливчатым блеском разноцветных камней. На селе ещё краснеют кое-где оконца в смутно чернеющих избах... В чистом, морозном воздухе звонко отдаются скрип ворот или лай собачонки.

И чувство глубокого довольства и покоя наполняет душу, когда наконец медленно въезжаешь на сугроб перед крыльцом освещённого и тёплого деревенского домика!

II

— Но где же весна-то? — спросите вы.

А разве не весеннее радостное чувство наполняло душу за весь этот весёлый, солнечный день нашего путешествия в деревню? Разве не с весенним чувством открывал я глаза, проснувшись на другое утро в детской?

В больших комнатах нашего старинного дома с утра всегда стоял синий полусумрак. Это оттого, что дом был окружён садом, а стёкла окон сверху донизу зарисовал мороз серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками. Ещё до чая я успевал обегать все комнаты, осмотреть все эти рисунки, сделанные морозом за ночь, и даже — побывать в сенцах, где стоят лыжи.

— Папа, я пойду покатаюсь немного,— робко говорил я отцу тотчас после чая.

Отец пристально смотрел на меня и с улыбкой от-вечал:

— Ах ты, дикарь этакий! Настоящий вогул¹! Ведь ещё холодно, нос отморозишь!

— Я только на минутку...

— Ну, если так, — беги!

— Я вогул, я вогул! — кричал я, подпрыгивая от радости и поспешно снаряжаясь в путь.

Резкий, морозный воздух так и охватит всего, когда выйдешь из дому. За садом ещё холодно краснеет заря. Солнце только что выкатилось огнистым шаром из-за снежного поля; но вся картина села уже сверкает яркими и удивительно нежными, чистыми красками северного утра. Клубы дыма алеют и медленно расходятся над белыми крышами. Сад — в серебряном инее... Туда-то мне и нужно! И, став на лыжи, окружённый гончими, я спешил забраться в самую чащу, где можно с головой утонуть в снегу.

— Я вогул! — кричал я собакам, пробираясь по пушистому снегу к пруду под садом.

Там, на старых ракетах, до полудня держится густой, махровый иней. Весело отряхнуть его и чувствовать, как он осыпает лицо своим холодным пухом! А ещё веселее смотреть, как на пруде работники прорубают проруби и баграми вытаскивают из воды огромные льдины. Словно квадраты светлых горных хрусталей, сияют они на солнце, играя зеленоватыми и синими переливами...

К обеду солнечный день окончательно разыгрывается. С навеса крыльца падают капли. Как слоновою костью, блестят по деревенскому выгону отшлифованные ухабы дороги.

«Весна, весна близко!» — думаешь, прикрывая глаза под лаской солнца.

¹ *Вогу́л* (мáнси) — народ в России, составляющий коренное население Ханты-Мансийского автономного округа.

И весь день не хочется уходить со двора! Всё радуется. Забрёдёшь ли на двор, где около яслей дремлют, изредка глубоко вздыхая и раздувая бока, меланхоличные коровы, бродят похудевшие за зиму лошади и жмутся в кучу овцы; пройдёшь ли на гумно¹ и слышишь по дороге, как возятся и трещат воробы в кустах акаций, как они вдруг снимаются всей своей шумной стаей и дождём сыплются на крышу риги², — всё радуется... А на гумне, в затишье скирдов³ и соломенных валов, забитых снегом, особенно уютно. Хорошо полежать под солнцем в омёте⁴, в соломе, которая так резко пахнет мышами и снегом!

И весь праздник проходил у меня в этом очаровании солнечными днями, в светлых грёзах о близкой весне. Забудешь, бывало, об уроках, забудешь даже лыжи и всё сидишь в освещённой солнцем зале, всё глядишь на далёкие снежные поля, которые уже блестят по-весеннему золотистой слюдою крепкого наста.

III

— Ну, не скучай смотри,— говорил отец, когда, наконец, меня снова снаряжали в город.— Теперь и не увидишь, как наступит весна. Каких-нибудь два месяца, а там и Святая⁵, и лето. Приедешь тогда,— жеребчика верхового тебе подарю, будем верхом вместе ездить, за перепёлками ходить...

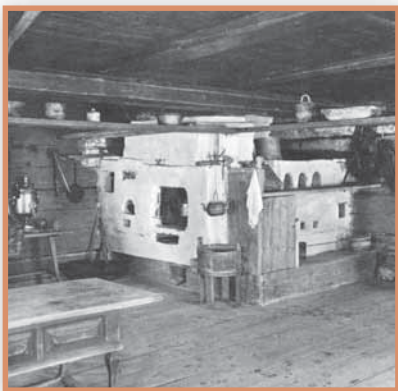
¹ *Гумно́* — огороженный участок земли в крестьянском хозяйстве, который предназначен для хранения и для молотбы зерна.

² *Рига* — сарай для сушки снопов.

³ *Ски́рды*, *скирд* — большой, обычно продолговатый стог сена для хранения под открытым небом.

⁴ *Омёт* — большая куча соломы.

⁵ *Свята́я* — имеется в виду праздник Пасхи и последующая неделя.

Русская крестьянская изба
XIX века: вид снаружи и
интерьер с русской печью.
Современные фотографии

Мне было грустно покидать родной дом, но я вполне соглашался с отцом: теперь уже скоро весна!

— А ведь правда, папа, совсем весной пахнет! — говорил и я, когда утром мы садились в сани, переваливались в воротах через высокий сугроб, набитый вчерашней метелью, и глубоко вздыхали свежим ветром с запахом молодого снега.

— А ты любишь весну? — спрашивал отец с улыбкою.

— Люблю, папа! Очень люблю!

— А деревню любишь?

— Конечно, люблю...

— Это хорошо, — прибавлял отец. — Когда ты вырастешь, ты поймёшь, что человек должен жить поближе к природе, любить родные поля, воздух, солнце, небо... Это неправда, будто в деревне скучно. Бедности в деревне много, — вот это правда, и, значит, надо делать так, чтобы было поменьше этой бедности, — помогать деревенским людям, трудиться с ними и для них... И хорошо можно жить в деревне!

«Правда, правда! — думаю я.— В городе даже весной не пахнет. А вот тут пахнет. И проруби вон уже почернели, оттаивать стали...»

Мы проезжаем по большому селу над рекою, и я спешу нагладеться на всё деревенское.

Кругом чернеют среди сугробов грязные избы; но скоро сугробы растают, и даже эти бедные избы станут чистенькими и весёлыми. Да и теперь весело в них, особенно в тех, кирпичных, где живут зажиточные семьи. И с каким удовольствием входил я в такую избу, когда мы останавливались покормить лошадей!

В кирпичных избах у богатых мужиков всегда сыро, угар зеленоватым паром стоит в тёплом воздухе, на полу — мокрая солома, но всегда аппетитно пахнет хлебами, народу много, и все за работой: кто отрывисто гудит тетивой, которая бьёт и вздымает пушистую белую «волну»; кто чинит хомут, с внезапной решительностью раздёргивая в разные стороны пропущенную в кожу дратву¹; а бывалый человек, портной, в жилетке, утыканной иголками, и с мотком ниток на шее, забавляет всех рассказами. Сидя на «конике»², скорчившись, — и ухитряясь держать большим пальцем босой ноги край сукна или овчины, он пристально шьёт, но говорит, не смолкая, и при этом задумчиво улыбается весёлыми, умными глазами, встряхивая со лба волосы и вдевая на свет нитку в иголку. И все глядят на него дружелюбно... Он везде свой человек, даже для детей, которых он нянчит по вечерам на руках, даёт им брать себя за бороду, а потом вдруг щёлкнет зубами, гамкнет, как собака, и схватит ртом детскую ручонку, отчего ребёнок, с замиранием сердца

¹ *Др́атва* — прочная льняная нитка.

² *Ко́ник* — здесь: лавка, скамья в крестьянской избе возле двери или печи в виде длинного ящика с крышкой.

ждавший «шутки», радостно взвизгивает и заливается смехом.

Я уже не раз видел его, и теперь смотрю на него с большим любопытством. Но пора ехать. Мы прощаемся с хозяевами и выходим на крыльцо. Хозяин, который нас провожает, стоит на крыльце в шапке, но в одной рубашке, смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

— Что ж, барчук, теперь, значит, до весны в город?

— До весны,— говорю я,— да ведь весна скоро!

— Скоро, скоро! — соглашается мужик.

Мы опять едем мимо чёрных сельских изб, по буграм, с которых катаются мальчишки на «ледяшках», по лугам, где на высоких лозинах качаются грациные гнёзда, а около горбом выросших краёв проруби бабы бойко полощут бельё в тёмной студёной воде и звонко переговариваются...

Но уже и село кончилось. Впереди только поле, белая пелена пушистого снега. Сколько его набило за ночь в лощинах!.. В поле опять стало ветрено; ветер заносит в сторону гривы и хвосты лошадей, дорога тяжёлая; но лошади застоялись, они как будто рады ветру и простору полей и быстро несут нас вперёд... Небо сплошь закрыто облаками, вдалеке чернеет лесок.

«Оттепели начались», — думаю я.

И мне представляется, как теперь надолго пойдут эти серые дни, когда на межах в пустой степи уныло качается прошлогодняя полынь от ветра. Но всё-таки весна близко! Этот же ветер скоро станет теплее, а когда наступит март, — шумно и весело пойдёт он по берёзовым лесам в блеске весеннего солнца, пробуждая природу от зимнего сна. А потом загремят по оврагам полые воды, налетят с далёкого юга птицы, зазеленеют поля...

Хорошо в полях!

1. Что вы можете рассказать о впечатлениях мальчика, его восприятии родной природы, деревни, её жителей? Как это восприятие окружающего мира отражает его взгляды, вкусы, характер?
2. В чём смысл советов отца?
3. Постарайтесь передать близко к тексту описание дороги к селу. Подумайте, какие литературные средства (эпитеты, сравнения, метафоры) помогают автору нарисовать картину зимней дороги.
4. Озаглавьте каждую часть рассказа. Выпишите из каждой части ключевые слова, определите тему.

ПОДСНЕЖНИК

Была когда-то Россия, был снежный уездный городишко, была Масленица — и был гимназистик Саша, которого милая, чувствительная тётя Варя, заменившая ему родную мать, называла подснежником.

Была оттепель, стояли тёплые и сырые дни, русские, уездные, каких было уже много, много в этом старом степном городишке, и приехал к Саше отец из деревни.

Отец приехал из глухой, занесённой сугробами усадьбы и, как всегда, остановился на Елецком подворье, в грязных и угарных номерах. Отец — человек большой и краснолицый, курчавый и седеющий, сильный и моложавый. Он ходит в длинных сапогах и в романовском полушубке¹, очень тёплом и очень

¹ *Романовский полушубок* — полушубок, изготовленный из шерсти особой породы овец, выведенной в Ярославской области.

Масленица. Блинный вторник.
Художник Б.М. Кустодиев. 1916 г.

вонючем, густо пахнущем овчиной и мятой. Он всё время возбуждён городом и праздником, всегда с блестящими от хмеля глазами.

А Саше всего десять лет, и поистине подобен он подснежнику не только в этих мерзких номерах Елецкого подворья, но и во всем уездном мире. Он такой необыкновенный, особенный? Нет, ничуть не особенный: разве не каждому даёт Бог то дивное, райское, что есть младенчество, детство, отрочество?

На нём новая длинная шинель, светло-серая, с белыми серебряными пуговицами, новый синий картуз с серебряными пальмовыми веточками над козырьком: он ещё во всём, во всём новичок! И до чего эта шинель, этот картуз, эти веточки идут к нему, — к его небесно-голубым, ясным глазкам, к его чистому, нежному личику, к новизне и свежести всего его существа, его младенчески-простодушного дыхания, его доверчивого, внимательного взгляда, ещё так недавно раскрывшегося на мир Божий, и непорочного звука голоса, почти всегда вопросительного!

Живёт Саша «на хлебах», в мещанском домишке. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни в чужой

семье. Какое же счастье, какой праздник, когда вдруг у ворот этого домишки останавливаются деревенские, набитые соломой сани, пара запряжённых впротыжку лохматых деревенских лошадей! С этого дня Саша переселяется на Елецкое подворье.

Отец просыпается рано, наполняет весь номер, и без того душный, едким табачным дымом, затем кричит в коридор, требуя самовар, пьёт чай и опять курит, а Саша всё спит и спит на диване, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что в гимназию идти не надо. Наконец, отец ласково будит его, шутя стаскивает с него одеяло. Саша молит дать поспать ему хоть одну минуточку, а потом сразу приходит в себя, садится на диване и, радостно оглядываясь, рассказывает, что снилось ему, будто у него передержка¹ по латыни, но только не в гимназии, а где-то на голубятне.

Умывшись, он становится во фронт и учтиво, но рассеянно крестится и кланяется в угол, потом шаркает отцу ножкой и целует его большую руку. Он счастлив, он свеж и чист, как ангел. Он кладёт в стакан целых пять кусочков сахара, съедает целый калач и опять шаркает ножкой:

— Мерси, папочка!

Он совершенно сыт, но отец уже надевает полушубок: пора идти на базар, в трактир, — завтракать. И, одевшись, они выходят, бросив тёплый, полный дыму номер раскрытым настежь. Ах, как хорош после комнаты зимний сырой воздух, пахнувший праздничным чадом из труб! И какой долгий прекрасный день впереди!

В трактире «чистая» половина во втором этаже. И уже на лестнице, необыкновенно крутой и донельзя затоптанной, слышно, как много в ней народу, как буйно носятся половые и какой густой, горячий угар стоит

¹ *Передержка* — переэкзаменовка.

повсюду. И вот отец садится, сняв шапку, распахнув полушубок, и сразу заказывает несколько порций, — селянку на сковородке, леща в сметане, жареной наваги, — требует графин водки, полдюжины пива и приглашает за стол к себе знакомых: каких-то рыжих мужиков в тулупах, каких-то чернявых мешчан в чуйках¹...

Казалось бы, какое мучение сидеть в этом чаду, в этой тесноте, среди бесконечных и непонятных разговоров и споров без всякой меры пьющих, закусывающих и пьянеющих людей! Сколько их кругом, этих мужиков, извозчиков, толстых купцов, худых барышников! Сколько красных, распаренных едой, водкой и духотой лиц, потных лбов, лохматых голов, густых бород, чучек, армяков, полушубков, тулупов, громадных сапог и тающих валенок, разводящих под табуретами целые лужи! Как везде натоптано, наплёвано, как дико и нелепо орут за некоторыми столиками и как ошалели половые в белых штанах и рубахах, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами в руках, с задранными головами, меж тем как спокоен только один высокий и худой старик, строгим и зорким командиром стоящий за стойкой! И, однако, как незаметно летит этот счастливый день, как блаженно и широко раскрыты лазурные детские глаза!

А в понедельник все это сразу кончается. Город принимает смиренный и будничный вид, пустеет даже базарная площадь — и великое горе надвигается на Сашу: отец уезжает.

Да, даже проснулся отец нынче уже совсем не таким, как просыпался все эти масленичные дни. Он прост, тих, чем-то озабочен. Он собирается, расплачивается. А там, во дворе, уже запрягают лошадей. Последний, самый горький час! Вот сию минуту вдруг войдёт коридорный:

¹ Чуйка — верхняя мужская одежда из тёмного сукна.

— Подано, Николай Николаич!

И отец, огромный, толстый от медвежьей шубы, надетой поверх полушубка, в чёрных, выше колен, валенках и в большой боярской шапке, сядет на диван и скажет:

— Ну, присядем, Сашенька, и Христос с тобой.

И тотчас же опять встанет и начнёт торопливо крестить, целовать его, совать руку к его губам...

А лошади уже стоят у крыльца. Они косматы, ресницы у них большие, на усах засохшее тесто — Боже, какой родной, не городской, а деревенский, зимний, бесконечно милый вид у них! Милые, деревенские и эти сани, набитые соломой! И работник уже стоит в их козлах, в буром и грубом армяке, надетом на полушубок, с вожжами и длинным кнутом в руках... Ещё минута — и побегут, побегут эти лошади, эти сани по Успенской улице вон из города, в серые снежные поля — и прости-прощай, счастливейшая в жизни неделя!

— До свиданья, Сашенька, Христос с тобой.

1927

Вопросы и задания

1*1. Какой глагол повторяется в первом предложении рассказа? Что с его помощью передаёт автор? Как вы понимаете слова «была когда-то Россия»?

2. Подберите синонимы к данным словам: *подворье*, *передержка* (по латыни), *стать во фронт*, *мещане*, *барышник*, *коридорный*.

3. В чём смысл названия рассказа? Прочитайте от слов: «На нём новая длинная шинель, светло-серая, с белыми серебряными пуговицами...» до слов: «...непорочного

¹ Здесь и далее знаком * отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

звука голоса, почти всегда вопросительного!» Какой образ создаёт писатель? Как он связан с заглавием?

4. Запишите ключевые слова, характеризующие образ главного героя. Составьте его портрет.

5. Почему Сашу не пугал и не отвращал трактир с его обитателями?

6. Отчего у мальчика возникло ощущение счастья и радости? Расскажите.

7. Какое чувство вызывало у Саши расставание с отцом? Выберите нужное и обоснуйте свой выбор: *грусти, огорчения, боли, страдания, надежды, безразличия*.

8. Найдите слова и сочетания слов, в которых настроение мальчика передано через описание города. Какой пространственный образ противопоставлен в рассказе городу? Найдите в тексте слова, посвящённые этому образу. Какие чувства он вызывает у маленького героя?

9. Рассмотрите репродукцию картины Б.М. Кустодиева «Масленица» (цветная вклейка). Что, по вашему мнению, сближает эту картину с рассказом И.А. Бунина «Подснежник»?

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ 1871—1919

Леонид Андреев родился в Орле 9 (21) августа 1871 года. Его отец был сыном предводителя дворянства и крепостной девушки, мать происходила из семьи разорившегося польского помещика. Семья была многодетной. Родители едва выбились из нищеты благодаря тому, что отец получил место в банке, купил дом, начал обзаводиться хозяйством. Анастасия Николаевна, мать писателя, беззаветно любила детей, с упоением рассказывала им всякие истории, в которых отделить быль от вымысла было невозможно.

Уже в гимназии юный Андреев почувствовал в себе способности к литературе. Он охотно писал за друзей сочинения, проникаясь стилем изучаемого автора. У него выходило и «под Толстого», и «под Чехова», и «под Гаршина». Но о профессии писателя всерьёз не думал. Мечтал о живописи. С увлечением занимался только рисованием. Учиться живописи в Орле не было никакой возможности, и не раз потом, уже став известным писателем, он с грустью говорил о своём неразвитом даре художника. Нередко писатель Андреев забрасывал перо, чтобы хотя бы на короткое время взяться за карандаш или кисть.

Помимо рисования, его в гимназические годы увлекали книги. Увиденные и придуманные им герои будущих повестей и рассказов жили в его сознании вместе с персонажами Диккенса, Жюль Верна, Майн Рида, Л. Толстого. Он читал не только художественную литературу; любил сочинения по философии.

После орловской гимназии Андреев учится на юридическом факультете вначале Петербургского, а затем Московского университета. Студенческие годы становятся важными страницами жизни будущего писателя.

После университета Андреев работает постоянным судебным обозревателем в газете «Курьер», там появляются его очерки и рассказы, затем выходит первая книга — «Рассказы». Талант Андреева был замечен многими писателями. Настоящая тоска и боль за человека с особой силой прозвучали в произведениях Л. Андреева о детях.

Вид города Орла со стороны Оки. Открытка. Начало XX в.

Вопросы и задания

Расскажите об увлечениях писателя в гимназические и студенческие годы.

Для вас, любознательные

- Прочитайте фрагмент из воспоминаний о Л.Н. Андрееве К.И. Чуковского. Это свидетельство современника даст вам возможность почувствовать своеобразие и необычность характера писателя.

ОН ЛЮБИЛ ОГРОМНОЕ

В огромном кабинете, на огромном письменном столе стояла у него огромная чернильница. Но в чернильнице не было чернил. Напрасно вы совали туда огромное перо. Чернила высохли.

— Уже три месяца ничего не пишу, — говорил Леонид Андреев. — Кроме «Рулевого», ничего не читаю...

«Рулевой» — журнал для моряков. Вон на конце стола последний номер этого журнала; на обложке нарисована яхта.

Андреев ходит по огромному своему кабинету и говорит о морском — о брамселях¹, якорях, парусах. Сегодня он моряк, морской волк. Даже походка стала у него морская. Он курит не папиросу, а трубку. Усы сбрил, шея открыта по-матросски. Лицо загорелое. На гвозде висит морской бинокль.

Вы попытаетесь заговорить о другом. Он слушает только из вежливости.

— Завтра утром идём на «Савве», а покуда...

¹ *Брамсель* — парус в форме трапеции.

Леонид Андреев в своём рабочем кабинете. 1910 г.

«Савва» — его моторная яхта. Он говорит об авариях, подводных камнях и мелях.

Ночь. Четыре часа. Вы сидите на диване и слушаете, а он ходит и говорит монологи...

Но вот наконец он устал. Монолог прерывается длинными паузами. Походка становится вялой. Он... берёт свечку и уходит к себе:

— Завтра утром идём на «Савве».

Вам послано рядом, в башне. Вы ложитесь, но не можете заснуть. Вы думаете: как он устал! Ведь в эту ночь он прошёл по своему кабинету не меньше восемнадцати вёрст¹, и, если бы записать, что он говорил в эту ночь, вышла бы не маленькая книга. Какая безумная трата сил.

¹ *Верста́* — устаревшая русская единица измерения, равная 1,06 км.

Утром на баркасе «Хамоидол» мы отправляемся в море. И откуда Андреев достал эту кожаную рыбачью норвежскую шапку? Такие шапки я видал лишь на картинках в журнале «Вокруг света». И высокие непромокаемые сапоги, совсем как у кинематографических пиратов. Дайте ему в руки гарпун — великолепный китобой из Джека Лондона.

Вот и яхта. Вот и садовник Степаныч, загримированный боцманом. До позднего вечера мы носимся по Финскому заливу, и я не перестаю восхищаться гениальным актёром, который уже двадцать четыре часа играет — без публики, для самого себя — столь новую и трудную роль. Как он набивает трубку, как он сплёвывает, как он взглядывает на игрушечный компас! Он чувствует себя капитаном какого-то океанского судна. Широко расставив могучие ноги, он сосредоточенно и молчаливо смотрит вдаль; отрывисто звучит его команда... На пассажиров — никакого внимания: какой же капитан океанского судна разговаривает со своими пассажирами!..

Когда через несколько месяцев вы снова приезжали к нему, оказывалось, что он живописец.

У него длинные волнистые волосы, небольшая борода эстета¹. На нём бархатная чёрная куртка. Его кабинет преобразён в мастерскую. Он... не расстаётся с кистями весь день. Вы ходите из комнаты в комнату, он показывает вам свои золотистые, зеленовато-жёлтые картины...

Всю ночь он ходит по огромному своему кабинету и говорит о Веласкесе, Дюрере², Врубеле³. Вы сидите

¹ *Эстét* — поклонник всего изящного.

² *Дюрер Альбрехт* (1471–1528) — великий немецкий живописец и график. Автор картин «Портрет молодого человека», «Четыре апостола», гравюры «Три крестянина» и др.

³ *Вру́бель Михаил Александрович* (1856–1910) — русский живописец. Автор картин «Демон», «Сирень» и др.

на диване и слушаете. Внезапно он прищуривается, отступает назад, окидывает вас взором живописца, потом зовёт жену и говорит:

— Аня, посмотри, какая светотень!

...Когда он играет художника, он забывает свою прежнюю роль моряка; вообще он никогда не возвращается к своим прежним ролям, как бы блистательно они ни были сыграны...

К.И. Чуковский

Живое слово

Каким вы представляете себе Л.Н. Андреева после чтения воспоминаний К.И. Чуковского? Попробуйте устно воссоздать портрет писателя.

ПЕТЬКА НА ДАЧЕ (В сокращении)

Осип Абрамович, парикмахер, поправил на груди посетителя грязную простынку, заткнул её пальцами за ворот и крикнул отрывисто и резко:

— Мальчик, воды!

Посетитель, рассматривающий в зеркало свою физиономию с тою обострённою внимательностью и интересом, какие являются только в парикмахерской, замечал, что у него на подбородке прибавился ещё один угорь, и с неудовольствием отводил глаза, попадавшие прямо на худую, маленькую ручонку, которая откуда-то со стороны протягивалась к подзеркальнику и ставила жестянку с горячей водой. Когда он поднимал глаза выше, то видел отражение парикмахера, странное и как

будто косое, и подмечал быстрый и грозный взгляд, который тот бросал вниз на чью-то голову, и безмолвное движение его губ от неслышного, но выразительного шёпота. Если его брил не сам хозяин Осип Абрамович, а кто-нибудь из подмастерьев, Прокопий или Михайла, то шёпот становился громким и принимал форму неопределённой угрозы:

— Вот, погоди!

Это значило, что мальчик недостаточно быстро подал воду и его ждёт наказание. «Так их и следует», — думал посетитель, кривя голову набок и созерцая у самого своего носа большую потную руку, у которой три пальца были оттопырены, а два другие, липкие и пахучие, нежно прикасались к щеке и подбородку, пока туповатая бритва с неприятным скрипом снимала мыльную пену и жёсткую щетину бороды.

<...> Мальчик, на которого чаще всего кричали, назывался Петькой и был самым маленьким из всех служащих в заведении. Другой мальчик, Николка, насчитывал от роду тремя годами больше и скоро должен был перейти в подмастерья. Уже и теперь, когда в парикмахерскую заглядывал посетитель попроще, а подмастерья, в отсутствие хозяина, ленились работать, они посылали Николку стричь и смеялись, что ему приходится подниматься на цыпочки, чтобы видеть волосатый затылок дюжего дворника. Иногда посетитель обижался за испорченные волосы и поднимал крик, тогда и подмастерья кричали на Николку, но не всерьёз, а только для удовольствия окорначенного простака. Но такие случаи бывали редко, и Николка важничал и держался как большой: курил папиросы, сплёвывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал. Вместе с подмастерьями он бегал на соседнюю улицу посмотреть на крупную драку, и, когда возвращался оттуда,

счастливый и смеющийся, Осип Абрамович давал ему две пощёчины: по одной на каждую щёку.

Петьке было десять лет; он не курил, не пил водки и не ругался, хотя знал очень много скверных слов, и во всех отношениях завидовал товарищу. Когда не было посетителей и Прокопий, проводивший где-то бессонные ночи и днём спотыкавшийся от желания спать, приваливался в тёмном углу за перегородкой, а Михайла читал «Московский листок» и среди описания краж и грабежей искал знакомого имени кого-нибудь из обычных посетителей, — Петька и Николка беседовали. Последний всегда становился добрее, оставаясь вдвоём, и объяснял «мальчику», что значит стричь под полку, бобриком или с пробором.

Иногда они садились на окно, рядом с восковым бюстом женщины, у которой были розовые щёки, стеклянные удивлённые глаза и редкие прямые ресницы, — и смотрели на бульвар, где жизнь начиналась с раннего утра. Деревья бульвара, серые от пыли, неподвижно млели под горячим, безжалостным солнцем и давали такую же серую, не охлаждающую тень. На всех скамейках сидели мужчины и женщины, грязно и странно одетые, без платков и шапок, как будто они тут и жили и у них не было другого дома. Были лица равнодушные, злые или распушенные, но на всех на них лежала печать крайнего утомления и пренебрежения к окружающему. Часто чья-нибудь лохматая голова бессильно клонилась на плечо, и тело невольно искало простора для сна, как у третьеклассного пассажира, проехавшего тысячи вёрст без отдыха, но лечь было негде. По дорожкам расхаживал с палкой ярко-синий сторож и смотрел, чтобы кто-нибудь не развалился на скамейке или не бросился на траву, порывевшую от солнца, но такую мягкую, такую прохладную. Женщины, всегда одетые более чисто, даже с намёком на моду, были все как будто на одно

лицо и одного возраста, хотя иногда попадались совсем старые или молоденькие, почти дети.

<...> Николка знал по именам многих женщин и мужчин, рассказывал о них Петьке грязные истории и смеялся, скаля острые зубы. А Петька изумлялся тому, какой он умный и бесстрашный, и думал, что когда-нибудь и он будет такой же. Но пока ему хотелось бы куда-нибудь в другое место... Очень хотелось бы.

Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже один на другой, как два родные брата. И зимою, и летом он видел всё те же зеркала, из которых одно было с трещиной, а другое было кривое и потешное. На запятнанной стене висела одна и та же картина, изображавшая двух голых женщин на берегу моря, и только их розовые тела становились всё пестрее от мушиных следов, да увеличивалась чёрная копоть над тем местом, где зимою чуть ли не весь день горела керосиновая лампа-молния. И утром, и вечером, и весь Божий день над Петькой висел один и тот же отрывистый крик: «Мальчик, воды», и он всё подавал её, всё подавал. Праздников не было. По воскресеньям, когда улицу перестали освещать окна магазинов и лавок, парикмахерская до поздней ночи бросала на мостовую яркий сноп света, и прохожий видел маленькую, худую фигурку, сгорбившуюся в углу на своём стуле и погружённую не то в думы, не то в тяжёлую дремоту. Петька спал много, но ему почему-то всё хотелось спать, и часто казалось, что всё вокруг него не правда, а длинный неприятный сон. Он часто разливал воду или не слышал резкого крика: «Мальчик, воды» — и всё худел, а на стриженной голове у него пошли нехорошие струпья. Даже нетребовательные посетители с безгливостью смотрели на этого худенького, веснушчатого мальчика, у которого глаза всегда сонные, рот полуоткрытый и грязные-прегрязные руки и шея. Около глаз и под

Свидание. Художник В.Е. Маковский.
1883 г.

носом у него прорезались тоненькие морщинки, точно проведённые острой иглой, и делали его похожим на состарившегося карлика.

Петька не знал, скучно ему или весело, но ему хотелось в другое место, о котором он ничего не мог сказать, где оно и какое оно. Когда его навещала мать, кухарка Надежда, он лениво ел принесённые сласти, не жаловался и только просил взять его отсюда. Но затем он забывал о своей просьбе, равнодушно прощался с мате-

рю и не спрашивал, когда она придёт опять. А Надежда с горем думала, что у неё один сын — и тот дурачок.

Много ли, мало ли жил Петька таким образом, он не знал. Но вот однажды в обед приехала мать, поговорила с Осипом Абрамовичем и сказала, что его, Петьку, отпускают на дачу, в Царицыно, где живут её господа. Сперва Петька не понял, потом лицо его покрылось тонкими морщинками от тихого смеха, и он начал торопить Надежду. Той нужно было, ради пристойности, поговорить с Осипом Абрамовичем о здоровье его жены, а Петька тихонько толкал её к двери и дёргал за руку. Он не знал, что такое дача, но полагал, что она есть то самое место, куда он так стремился. И он эгоистично позабыл о Николке, который, заложив руки в карманы, стоял тут же и старался с обычною дерзостью смотреть на Надежду. Но в глазах его вместо дерзости светилась глубокая тоска: у него совсем не было матери, и он в этот момент был бы не прочь даже от такой, как эта толстая Надежда. Дело в том, что и он никогда не был на даче.

Вокзал с его разноголосю суетолокою, грохотом приходящих поездов, свистками паровозов, то густыми и сердитыми, как голос Осипа Абрамовича, то визгливыми и тоненькими, как голос его больной жены, торопливыми пассажирами, которые всё идут и идут, точно им и конца нету, — впервые предстал перед оторопелыми глазами Петьки и наполнил его чувством возбуждённости и нетерпения. Вместе с матерью он боялся опоздать, хотя до отхода дачного поезда оставалось добрых полчаса; а когда они сели в вагон и поехали, Петька прилип к окну, и только стриженная голова его вертелась на тонкой шее, как на металлическом стержне.

Он родился и вырос в городе, в поле был первый раз в своей жизни, и всё здесь для него было поразительно ново и странно: и то, что можно видеть так далеко, что

лес кажется травкой, и небо, бывшее в этом новом мире удивительно ясным и широким, точно с крыши смотришь. Петька видел его с своей стороны, а когда оборачивался к матери, это же небо голубело в противоположном окне, и по нём плыли, как ангелочки, беленькие радостные облачка. Петька то вертелся у своего окна, то перебегал на другую сторону вагона, с доверчивостью кладя плохо отмытую ручонку на плечи и колени незнакомых пассажиров, отвечавших ему улыбками. Но какой-то господин, читавший газету и всё время зевавший, то ли от чрезмерной усталости, то ли от скуки, раза два неприязненно покосился на мальчика, и Надежда поспешила извиниться:

— Впервой по чугунке едет — интересуется...

— Угу!.. — пробурчал господин и уткнулся в газету.

Надежде очень хотелось рассказать ему, что Петька уже три года живёт у парикмахера и тот обещал поставить его на ноги, и это будет очень хорошо, потому что женщина она одинокая и слабая и другой поддержки на случай болезни или старости у неё нет. Но лицо у господина было злое, и Надежда только подумала всё это про себя.

Направо от пути раскинулась кочковатая равнина, тёмно-зелёная от постоянной сырости, и на краю её были брошены серенькие домики, похожие на игрушечные, а на высокой зелёной горе, внизу которой блистала серебристая полоска, стояла такая же игрушечная белая церковь. Когда поезд со звонким металлическим лязгом, внезапно усилившимся, взлетел на мост и точно повис в воздухе над зеркальной гладью реки, Петька даже вздрогнул от испуга и неожиданности и отшатнулся от окна, но сейчас же вернулся к нему, боясь потерять малейшую подробность пути. Глаза Петькины давно уже перестали казаться сонными, и морщинки пропали. Как будто по этому лицу кто-нибудь провёл

горячим утюгом, разгладил морщинки и сделал его белым и блестящим.

В первые два дня Петькина пребывания на даче богатство и сила новых впечатлений, лившихся на него и сверху и снизу, смяли его маленькую и робкую душонку. В противоположность дикарям минувших веков, терявшимся при переходе из пустыни в город, этот современный дикарь, выхваченный из каменных объятий городских громад, чувствовал себя слабым и беспомощным перед лицом природы. Всё здесь было для него живым, чувствующим и имеющим волю. Он боялся леса, который покойно шумел над его головой и был тёмный, задумчивый и такой страшный в своей бесконечности; полянки, светлые, зелёные, весёлые, точно поющие всеми своими яркими цветами, он любил и хотел бы приласкать их, как сестёр, а тёмно-синее небо звало его к себе и смеялось, как мать. Петька волновался, вздрагивал и бледнел, улыбался чему-то и степенно, как старик, гулял по опушке и лесистому берегу пруда. Тут он, утомлённый, задыхающийся, разваливался на густой сыроватой траве и утопал в ней; только его маленький веснушчатый носик поднимался над зелёной поверхностью. В первые дни он часто возвращался к матери, тёрся возле неё и, когда барин спрашивал его, хорошо ли на даче, — конфузливо улыбался и отвечал:

— Хорошо!..

И потом снова шёл к грозному лесу и тихой воде и будто допрашивал их о чём-то.

Но прошло ещё два дня, и Петька вступил в полное соглашение с природой. Это произошло при содействии гимназиста Мити из Старого Царицына. У гимназиста Мити лицо было смугло-жёлтым, как вагон второго класса, волосы на макушке стояли торчком и были совсем белые — так выжгло их солнце. Он ловил

в пруде рыбу, когда Петька увидал его, бесцеремонно вступил с ним в беседу и удивительно скоро сошёлся. Он дал Петьке поддержать одну удочку и потом повёл его куда-то далеко купаться. Петька очень боялся идти в воду, но когда вошёл, то не хотел вылезать из неё и делал вид, что плавает: поднимал нос и брови кверху, захлёбывался и бил по воде руками, поднимая брызги. В эти минуты он был похож на щенка, впервые попавшего в воду. Когда Петька оделся, то был синий от холода, как мертвец, и, разговаривая, ласкал зубами. По предложению того же Мити, неистощимого на выдумки, они исследовали развалины дворца: лазали на заросшую деревьями крышу и бродили среди разрушенных стен громадного здания. Там было очень хорошо: всюду навалены груды камней, на которые с трудом можно взобраться, и промеж них растёт молодая рябина и берёзки, тишина стоит мёртвая, и чудится, что вот-вот выскочит кто-нибудь из-за угла, в растрескавшейся амбразуре окна покажется страшная-престрашная рожа. Постепенно Петька почувствовал себя на даче как дома и совсем забыл, что на свете существует Осип Абрамович и парикмахерская.

— Смотри-ка, растолстел как! Чистый купец! — радовалась Надежда, сама толстая и красная от кухонного жара, как медный самовар. Она приписывала это тому, что много его кормит. Но Петька ел совсем мало, не потому, чтобы ему не хотелось есть, а некогда было возиться: если бы можно было не жевать, глотать сразу, а то нужно жевать, а в промежутки болтать ногами, так как Надежда ест дьявольски медленно, обглаживает кости, утирается передником и разговаривает о пустяках. А у него дела было по горло: нужно пять раз выкупаться, вырезать в орешнике удочку, накопать червей, — на всё это требуется время. Теперь Петька бегал босой, и это в тысячу раз приятнее, чем в сапогах с толстыми

подошвами: шершавая земля так ласково то жжёт, то холодит ногу. Свою подержанную гимназическую куртку, в которой он казался солидным мастером парикмахерского цеха, он также снял и изумительно помолодел. Надевал он её только вечерами, когда ходил на плотину смотреть, как катаются на лодках господ: нарядные, весёлые, они со смехом садятся в качающуюся лодку, и та медленно рассекает зеркальную воду, а отражённые деревья колеблются, точно по ним пробежал ветерок.

В исходе недели барин привёз из города письмо, адресованное «куфарке Надежде», и, когда прочёл его адресату, адресат заплакал и размазал по всему лицу сажу, которая была на переднике. По отрывочным словам, сопровождавшим эту операцию, можно было понять, что речь идёт о Петьке. Это было уже ввечеру. Петька на заднем дворе играл сам с собою в «классики» и надувал щёки, потому что так прыгать было значительно легче. Гимназист Митя научил этому глупому, но интересному занятию, и теперь Петька, как истый спортсмен, совершенствовался в одиночку. Вышел барин и, положив руку на плечо, сказал:

— Что, брат, ехать надо!

Петька конфузливо улыбался и молчал.

«Вот чудак-то!» — подумал барин.

— Ехать, братец, надо.

Петька улыбался. Подошла Надежда и со слезами подтвердила:

— Надобно ехать, сынок!

— Куда? — удивился Петька.

Про город он забыл, а другое место, куда ему всегда хотелось уйти, — уже найдено.

— К хозяину Осипу Абрамовичу.

Петька продолжал не понимать, хотя дело было ясно как Божий день. Но во рту у него пересохло и язык двигался с трудом, когда он спросил:

— А как же завтра рыбу ловить? Удочка — вот она...

— Что же поделаешь!.. Требуется. Прокопий, говорит, заболел, в больницу свезли. Народу, говорит, нету. Ты не плачь: гляди, опять отпустит, — он добрый, Осип Абрамович.

Но Петька и не думал плакать и всё не понимал. С одной стороны был факт — удочка, с другой призрак — Осип Абрамович. Но постепенно мысли Петькины стали проясняться, и произошло странное перемещение: фактом стал Осип Абрамович, а удочка, ещё не успевшая высохнуть, превратилась в призрак. И тогда Петька удивил мать, расстроил барыню и барина и удивился бы сам, если бы был способен к самоанализу: он не просто заплакал, как плачут городские дети, худые и истощённые, — он закричал громче самого горластого мужика и начал кататься по земле, как те пьяные женщины на бульваре. Худая ручонка его сжималась в кулак и била по руке матери, по земле, по чём попало, чувствуя боль от острых камешков и песчинок, но как будто стараясь ещё усилить её.

Своевременно Петька успокоился, и барин говорил барыне, которая стояла перед зеркалом и вкалывала в волосы белую розу:

— Вот видишь, перестал, — детское горе непродолжительно.

— Но мне всё-таки очень жаль этого бедного мальчика.

— Правда, они живут в ужасных условиях, но есть люди, которым живётся и хуже. Ты готова?

И они пошли в сад Дипмана, где в этот вечер были назначены танцы и уже играла военная музыка.

На другой день, с семичасовым утренним поездом Петька уже ехал в Москву. Опять перед ним мелькали зелёные поля, седые от ночной росы, но только убегали не в ту сторону, что раньше, а в противоположную.

Подержанная гимназическая курточка облекала его худенькое тело, из-за ворота её выставлялся кончик белого бумажного воротничка. Петька не вертелся и почти не смотрел в окно, а сидел такой тихонький и скромный, и ручонки его были благонаравно сложены на коленях. Глаза были сонливы и апатичны, тонкие морщинки, как у старого человека, ютились около глаз и под носом. Вот замелькали у окна столбы и стропила платформы, и поезд остановился.

Толкаясь среди торопившихся пассажиров, они вышли на грохочущую улицу, и большой жадный город равнодушно поглотил свою маленькую жертву.

— Ты удочку спрячь! — сказал Петька, когда мать довела его до порога парикмахерской.

— Спрячу, сынок, спрячу! Может, ещё приедешь.

И снова в грязной и душной парикмахерской звучало отрывистое: «Мальчик, воды», и посетитель видел, как к подзеркальнику протягивалась маленькая грязная рука, и слышал неопределённо угрожающий шёпот: «Вот, погоди!» Это значило, что сонливый мальчик разлил воду или перепутал приказания. А по ночам, в том месте, где спали рядом Николка и Петька, звенел и волновался тихий голосок и рассказывал о даче, и говорил о том, чего не бывает, чего никто не видел никогда и не слышал. В наступавшем молчании слышалось неровное дыхание детских грудей, и другой голос, не по-детски грубый и энергичный, произносил:

— Вот черти! Чтоб им повылазило!

— Кто черти?

— Да так... Все.

Мимо проезжал обоз и своим мощным громыханием заглушал голоса мальчиков и тот отдалённый жалобный крик, который уже давно доносился с бульвара: там пьяный мужчина бил такую же пьяную женщину.

1899

1. Что вы можете рассказать о Петьке? Как проходили его обычные дни? Какие впечатления получил он от дороги за город? Как вёл себя на даче? Чем завершилось его пребывание там?
2. Подумайте, что хотел сказать автор концовкой рассказа. Какие чувства и настроения вызвал у вас рассказ?
3. Сформулируйте 2—3 вопроса к эпизодам «В парикмахерской».
4. Внимательно перечитайте три эпизода. Первый — от слов: «Петькины дни тянулись удивительно однообразно...» до слов: «Петька не знал, скучно ему или весело...»; второй — от слов: «Но прошло ещё два дня...» до слов: «Смотри-ка, растолстел как!»; третий — от слов: «Но Петька и не думал плакать...» до слов: «Вот видишь, перестал...» Озаглавьте каждый эпизод.
5. Охарактеризуйте настроение мальчика в каждом из трёх эпизодов. С помощью каких изобразительных средств оно передаётся писателем? Ответ на вопрос дайте письменно.
6. Известно, что прототип Петьки всё-таки выбился в люди, стал знаменитым парикмахером, бывал в Париже. Как вы думаете, почему автор закончил рассказ по-другому?

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Л.Н. АНДРЕЕВА

Леонид Андреев — мастер художественной детали. Писатель строит фразу таким образом, чтобы мы быстро и точно вообразили себе происходящее, ярко представи-

ли характер персонажа. Вот, например, детали, создающие портрет посетителя парикмахерской. Это обострённая внимательность, с которой он рассматривает себя в зеркале; угорь, увиденный на подбородке. Благодаря деталям образ второстепенного персонажа входит в сознание читателя. Он запоминается.

1. Найдите в тексте рассказа детали, с помощью которых ярко представляешь себе условия жизни и работы Петьки.

Рассказ — жанр короткого эпического повествования. Л.Н. Андреев использует в нём разнообразные средства выразительности: деревья бульвара (обратите внимание: деревья не на бульваре, деревья бульвара!) «млели под горячим солнцем».

2*. Какой художественный приём использует писатель в данном фрагменте?

Одним из важных средств выразительности в рассказе является приём контраста, противопоставления; он пробуждает в читателе желание рассуждать, сопереживать.

Контра́ст — сопоставление противоположных качеств, способствующее их усилению. В отличие от антитезы, контраст может быть скрытым, то есть не обозначенным в тексте словами-антонимами.

3. Перечитайте рассказ внимательно. Что чему и кто кому противопоставлены в рассказе? Как вы думаете, чего добивается этими противопоставлениями автор?

4. Какими кажутся Петьке деревня и город? Что в характере героя мы понимаем лучше, размышляя об этом противопоставлении?

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ
КУПРИН**
1870—1938

Александр Иванович Куприн родился в городе Наровчате Пензенской губернии. Его отец рано умер от холеры, оставив жену и детей совсем без средств. Саша боготворил свою мать, но часто стыдился унижений, которые ей приходилось терпеть ради детей, когда она обращалась к высокопоставленным лицам.

Матери удалось поместить Сашу в Разумовский сиротский приют. С шести лет началось для мальчика детство, которое он впоследствии во многих своих произведениях назовёт «поруганным» и «казённым».

В 1880 году Саша Куприн выдержал вступительные экзамены во 2-ю Московскую военную гимназию, преобразованную вскоре в кадетский корпус. Порядки там были суровые. Так, в автобиографическом рассказе «На переломе» Куприн описывает, как за незначительный проступок героя приговорили к десяти ударам розгами. «В маленьком масштабе он испытал всё, что чувствует преступник, приговорённый к смертной казни». И кончается рассказ словами: «Прошло очень много лет, пока в душе Буланина не зажила эта кровавая, долго сочившаяся рана.

Да полно — зажила ли?»

Л.А. Куприна —
мать писателя

А.И. Куприн — кадет

Тема телесного наказания звучит и в рассказе «Механическое правосудие».

Уже с тринадцатилетнего возраста Саша Куприн пишет стихи, чаще всего сидя в карцере за буйный нрав.

В 1888 году, уступив слёзным просьбам матери, которой казалось, что военная карьера обеспечит сына на всю жизнь, Саша поступил в Александровское военное училище в Москве. Там за «тяжёлый проступок» — за первый напечатанный рассказ «Последний дебют» — Куприн был приговорён к карцеру на двое суток.

Позднее он описал впечатления детства и юности в своих произведениях. Поэтому, когда его попросили написать автобиографию, он ответил, что почти все его произведения автобиографичны.

По К.А. Куприной

Не могу точно сказать, когда случилось это чудо. Во всяком случае, — если не в день летнего солнцестояния, 21 июня, то очень близко к нему. А происходило оно на даче, в Виль д'Авра, в десяти километрах от Парижа.

Я тогда проснулся ещё до света, проснулся как-то внезапно, без мутного перехода от сна к яви, с чувством лёгкой свежести и со сладкой уверенностью, что там, за окнами, под открытым небом, в нежной ясности занимающегося утра происходит какое-то простое и прелестное чудо. Так, иногда меня ласково пробуждали до зари — весёлая песня скворца или дерзкий, но мелодичный свист чёрного дрозда.

Я распахнул окно и сел на подоконник. В ещё холодном воздухе стояли наивные ароматы трав, листьев, коры, земли. В тёмных паникадилах¹ каштанов ещё путались застрявшие ночью, как тончайшая кисея, обрывки ночного тумана. Но деревья уже проснулись и поёживались, открывая радостно и лениво миллионы своих глаз: разве деревья не видят и не слышат?

Но весёлый болтун-скворец и беззаботный свистун-дрозд молчали в это утро. Может быть, они так же, как и я, внимательно, с удивлением, прислушивались к тем странным, непонятным, никогда доселе мною не слыханным звукам — мощным и звонким, — от которых, казалось, дрожала каждая частица воздуха.

Я не вдруг понял, что это пели петухи. Прошло много секунд, пока я об этом догадался. Мне казалось, что по всей земле трубят золотые и серебряные трубы, посылая ввысь звуки изумительной чистоты, красоты и звонкости.

¹ *Паникади́ло* — люстра или подсвечник в церкви.

Я знаю силу и пронзительность петушиного крика. В прежние времена, охотясь на весенних глухариных токах в огромных русских лесах, в десяти, пятнадцати верстах от какого-либо жилья, я перед восходом солнца улавливал своим напряжённым слухом лишь два звука, напоминающих о человеке: изредка отдалённый паровозный свисток и петушиные крики в ближних деревнях. Последними земными звуками, которые я слышал, поднимаясь в беззвучном полёте на воздушном шаре, всегда были свистки уличных мальчишек, но ещё дольше их доносился победоносный крик петуха. И теперь, в этот стыдливый час, когда земля, деревья и небо, только что выкупавшиеся в ночной прохладе, молчаливо надевали свои утренние одежды, я с волнением подумал: ведь это сейчас поют все петухи, все, все до единого, старые, пожилые, молодые и годовалые мальчуганы, — все они, живущие на огромной площади, уже освещённой солнцем, и на той, которая через несколько мгновений засияет в солнечных лучах. В окружности, доступной для напряжённого человеческого слуха, нет ни одного городка, ни одной деревни, фермы, двора, где бы каждый петух, вытягивая голову вверх и топорща перья на горле, не бросал в небо торжествующих прекрасно-яростных звуков. Повсюду — в Версале, в Сен-Жермене и Мальмезоне, в Рюелле, Сюрене, в Гарше, в Марн-ла-Кокет, в Вокресоне, Медоне и на окраинах Парижа — звучит одновременно песня сотен тысяч восторженных петушиных голосов. Какой человеческий оркестр не показался бы жалким в сравнении с этим волшебным и могучим хором, где уже не было слышно отдельных колен петушиного крика, но полнозвучно льётся мажорный аккорд на фоне пурпурно-золотого *do!*

Временами ближние петухи на несколько мгновений замолкали, как будто выдерживая строгую, точную паузу, и тогда я слышал, как волна звуков катилась всё

дальше и дальше, до самых отдалённых мест, и, точно отразившись там, возвращалась назад, увеличившись, нарастая, взмывая звонким певучим валом до моего окна, до крыш, до верхушек деревьев. Эти широкие звуковые валы раскатывались с севера на юг, с запада на восток в какой-то чудесной, непостижимой фуге. Так, вероятно, войска великолепного Древнего Рима встречали своего триумфатора-цезаря. Когорты, расположенные на холмах и высотах, первые успевали увидеть его торжественную колесницу и приветствовали её отдалёнными восклицаниями радости, а внизу кричали металлическими голосами восторженные легионы, чьи ряды один за другим уже озарились сияющим взглядом его лучезарных глаз.

Я слушал эту чудесную музыку с волнением, почти с восторгом. Она то оглушала ухо, то сладостно наполняла и насыщала слух. Что за странное, что за необыкновенное утро! Что случилось сегодня с петухами всей окрестности, может быть, всей страны, может быть, всего земного шара? Не празднуют ли они самый долгий солнечный день и радостно воспевают все прелести лета: теплоту солнечных лучей, горячий песок, пахучие вкусные травы, бесконечные радости любви и бурную радость боя, когда два сильных петушиных тела яростно сталкиваются в воздухе, крепко бьются упругие крылья, вонзаются в мясо кривые стальные клювы и из облака крутящейся пыли летят перья и брызги крови. Или, может быть, сегодня празднуется день трёхсотого тысячелетия памяти Древнего Петуха — праотца всех петухов на свете, того, кто, как воин и царь, не знавший выше себя ничьей власти, полновластно господствовал над необозримыми лесами, полями и реками?

И наконец, может быть, думал я, сегодня, перед самым длинным трудовым днём лета, тучи на востоке задержали солнце на несколько мгновений и петухи-солнцепоклонники, обожествившие свет

и тепло, выкликают в священном нетерпении своего огнеликого бога?

Вот и солнце. Ещё никогда никто — ни человек, ни зверь, ни птица — не сумел уловить момента, когда оно появляется, и подметить секунды, когда всё в мире становится из бледного розового — розово-золотым, золотым. Вот уже золотой огонь пронизал всё: и небо, и воздух, и землю. Напрягая последние силы, в самозабвенном экстазе, трепеща от блаженства, закрыв в упоении глаза, поёт великолепное славословие бесчисленный петушиный хор! И теперь я уже не понимаю — звенят ли золотыми трубами солнечные лучи, или петушиный гимн сияет солнечными лучами? Великий Золотой Петух выплывает на небо в своём огненном одиночестве. Вот он, старый прекрасный миф о Фениксе — таинственной птице, которая вчера вечером сожгла себя на пышном костре вечерней зари, а сегодня вновь восстала на востоке из пепла, дыма и раскалённых углей!

Постепенно смолкают земные петухи. Сначала ближние, потом дальние, ещё более дальние, и, наконец, где-то совсем уже на краю света, почти за пределами слуха, я улавливаю нежнейшее пианиссимо. Вот и оно растаяло.

Целый день я находился под впечатлением этой очаровательной и могущественной музыки. Часа в два мне пришлось зайти в один дом. Посреди двора стоял огромный лоншанский петух. В ярких солнечных лучах почти ослепительно сверкало золото его мундира, блестели зеленью и голубым отливом его доспехов воронёной стали, развевались атласные ленты: красные, чёрные и белые. Осторожно обходя этого красавца, я нагнулся и спросил:

— Это вы так хорошо пели сегодня на заре?

Он кинул на меня боковой недовольный взгляд, отвернулся, опустил голову, черкнул туда и сюда клювом по песку и пробормотал что-то недовольным хриплым

баском. Не ручаюсь, чтобы я его понял, но мне послышалось, будто он сказал: «А вам какое дело?»

Я не обиделся. Я только сконфузился. Я знаю сам, что я всего лишь слабый, жалкий человек, не более. Моё сухое сердце не вместит неистовых священных восторгов петуха, воспевающего своего золотого бога. Но разве не позволено и мне скромно, по-своему, быть влюблённым в вечное, прекрасное, животворящее, доброе солнце?

1923

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА **А.И. КУПРИНА**

Русский язык вызывал у Куприна благоговейное чувство. Образцы литературного творчества, оставленные великими русскими писателями, в особенности Пушкиным, Тургеневым, Чеховым, учили его неустанно совершенствовать собственный стиль. Работая над своими произведениями, он всегда стремился к простоте, предметности, пластичности изображения в сочетании с широкой доступностью слова.

Куприн отвергал всякое ненужное и насильственное словотворчество (создание новых слов), не терпел какого бы то ни было искажения русского языка. Он знал народные говоры, быстро их схватывал, но никогда не увлекался диалектизмами¹, игрой в «фольклорные бирюльки».

Куприн понимал «прелесть старинных, иногда чуть-чуть книжных, иногда чисто народных оборотов речи, юмор не словечек, а положений, многозначительность пауз, меткие, лепкие сравнения» и очень скорбел о том, что у него, как у большинства писателей, нет привычки записывать по свежей памяти.

¹ *Диалекти́зм* — слово или оборот речи, заимствованные литературным языком из какого-нибудь диалекта, т.е. из местного наречия, говора.

А.И. Куприн. 1900-е гг.

— Всё нам некогда! — говорил он, укоризненно качая головой.

Язык простых людей писатель называл «цельным», имея в виду его меткость, способность попадать прямо в цель.

Куприн — большой мастер эпитетов. Они у него по большей части свежие, ёмкие, точно нацеленные.

Избегая многословия, он строго отбирал слова, пользуясь только такими, которые служат общему делу и не повторяют друг друга. При этом Куприн отстраняет всё, что может помешать восприятию центрального образа.

Не увидим мы у Куприна и бесцельного украшательства. Случайная, служащая только красоты деталь не привлекает его, а все подробности несут смысловую нагрузку, рисуя эпоху, быт, характеры людей. Даже

наиболее яркие детали сливаются с общей картиной повествования.

Правдивую жизненность купринского рассказа можно объяснить тем, что писатель в большинстве случаев не излагает и не описывает, а показывает то, чем он хочет поделиться с читателем и что его самого поразило и разволновало. Для него решающее значение имеет им самим наблюдаемый и переживаемый случай. Он всегда стремится образно раскрыть внутренние пружины человеческих поступков. Внутренняя жизнь героев почти всегда связана с их поступками или внешними обстоятельствами.

По Н.К. Вержбицкому

1. Что восхитило рассказчика в петушином хоре, что он услышал в нём?
2. Передаётся ли Куприным особое звучание петушиного пения? Как это сделано в рассказе?
3. Какие образные средства позволяют почувствовать настроение писателя?
4. Найдите в тексте рассказа слова и словосочетания, передающие звуки и краски окружающего мира. Какое настроение они создают?
- 5*. Куприн пишет: «...где-то совсем уже на краю света, почти за пределами слуха, я улавливаю нежнейшее пианиссимо». Что значит — «нежнейшее пианиссимо»?
6. Очень сложная задача — проиллюстрировать рассказ Куприна. Как вы думаете, почему? Если бы вы были художником, какую иллюстрацию вы нарисовали бы к этому рассказу?
7. Составьте цитатный план рассказа.

Живое слово

Подготовьте устный рассказ о впечатлениях от услышанного или увиденного вами в удивительном мире природы.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК 1880—1921

В 1875 году профессор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов купил в Клинском уезде Московской губернии небольшую усадьбу Шахматово. Купил он усадьбу по совету старого своего друга, знаменитого химика Дмитрия Ивановича Менделеева.

Старый шахматовский дом с мезонином был невелик, но крепок. Он стоял на возвышенности — в какое окно ни взглянешь, стлались вокруг многовёрстные дали, темнели избы далёких деревень, синело небо, белели колокольни.

К дому подъезжали широким двором с круглыми куртинами¹ шиповника. Кусты черёмухи и сирени вплотную подступали к дому. Перед домом — песчаная площадка с цветниками, а за ней — развесистые вековые липы и две высокие, прямые, как натянутые струны, сосны.

Летом под липами ставили длинный стол. Гостеприимно посапывал самовар — огромный, жаркий, сияющий. Сюда собиралась вся большая и дружная бекетовская семья — отдохнуть, поболтать, обсудить несложные деревенские новости.

Андрей Николаевич особенно привязался к Саше. Летом он проводил с внуком всё свободное время, играл с ним, возился, сам напоминая огромного ребёнка.

¹ *Куртина* — клумба.

Иногда дед с внуком отправлялись на прогулку в тележке. Мальчик садился на козлы и, с трудом удерживая вожжи в своих ещё очень маленьких руках, правил тридцатилетним Серым — доброй, безропотной, полуслепой лошадью. Но эта чинная езда длилась недолго. Андрей Николаевич опрокидывал Сашу к себе на колени, тормошил и щекотал, мальчик визжал и смеялся от радости.

А когда Саша стал постарше, дед (он занимался ботаникой) брал его с собой на далёкие прогулки. Сколько раз бабушка и мать в беспокойстве подходили к калитке, что выводила к еловой аллее, круто спускавшейся к пруду, поглядеть, не возвращаются ли дед с внуком. А они — старый и малый, — позабыв обо всём на свете, часами бродили по лугам, болотам и дебрям, отыскивая корни трав и злаков для ботанических коллекций.

Андрей Николаевич с надеждой поглядывал на внука: а вдруг Саша продолжит его дело? Он знал: как бы много ни сделал учёный, его никогда не оставляет ощу-

Дом в Шахматове. В окне мезонина — А. Блок. 1894 г.

На крыльце дома в Шахматове. Гимназист Александр Блок в кругу семьи; в центре — А.Н. Бекетов. 1894 г.

щение, что главное — впереди. И может ли быть большее счастье, чем передать любимое дело в родные, крепкие, молодые руки, которые бережно примут самые заветные твои мысли, довершат их и понесут дальше — людям!

Но, кажется, мальчика влекло совсем иное...

Наверное, если бы Саша родился в другой семье, его бы считали странным ребёнком. Но в доме Бекетовых, где самый воздух был пропитан любовью к слову, преклонением перед литературой, поведение Саши не вызывало удивления и воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

В этой семье не только мать и бабушка причастны были к литературному труду. И тётки занимались

переводами, редактированием. Когда шестилетний мальчик вдруг среди самых резвых игр становился молчалив, задумчив и, что-то бормоча, держался в стороне от своих сверстников, все понимали: он сочиняет стихи.

По вечерам, когда Саша засыпал в маленькой комнате на кровати, занавешенной кисейным пологом от мух и комаров, а родные собирались в саду под старой липой за длинным столом, Александра Андреевна читала им вслух такие стихи:

Зая милый,	Жил-был маленький котёнок,
Зая серый,	И совсем ещё ребёнок.
Я тебя люблю.	Ну, и этот котя милый
Для тебя-то в огороде	Постоянно был унылый.
Я морковку	Почему? Никто не знал.
И коплю.	Котя это не сказал.

Это были Сашины стихи.

К пяти годам он научился бойко читать, а вскоре и писать. Теперь в ящиках Александры Андреевны, где хранились заветные бумаги и письма, стали одна за другой появляться тетрадки и альбомчики, исписанные старательным крупным детским почерком.

Саша сочинял коротенькие рассказы, стихи, ребусы и составлял из своих сочинений журналы. Случалось, что в свет выходил лишь один номер журнала и заполнены в нём были далеко не все страницы. Но разве могло остаться равнодушным материнское сердце при виде маленькой, величиной с игральную карту, тетрадки с нежным названием: «Мамулин альбом»?..

По Л.Б. Либединской

Вопросы и задания

Расскажите о детских годах А. Блока, проведённых в Шахматове. Что окружало будущего поэта? В какой атмосфере он рос?

Минуты творчества

Если вы пробовали сочинять, оформите свои произведения и «выпустите» их хотя бы в одном экземпляре — как это делал маленький Саша Блок.

ДЕТСТВО И КНИГИ

У ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова четыре дочери: Катя, Соня, Саша (Аля или Ася — зовут её в семье) и Маня. У них есть тетрадка «Касьян», куда раз в четыре года, 29 февраля (Касьянов день), они записывают важнейшие события и свои гадания о будущем.

«В 1880 году, — пишут они в 1884-м, — приехала Ася из Варшавы с мужем, решила с ним разойтись и остаться у нас. 16 ноября 1880 года родился у неё в ректорской квартире сын Саша... Саша ангелочек прелестный... Все вообще его любят...»

Действительно, как когда-то его мать, он — всеобщий кумир и баловень. В кабинете деда он рассматривает изображения различных зверей в толстых томах «Жизни животных» Брема, а потом шествует к бабушке, откладывающей ради его прихода очередной перевод или статью, над которыми она вечно трудится.

По вечерам няня читает ему сказки А.С. Пушкина.

А.А. Бекетова —
мать поэта.
1878 г.

Александр Блок
в детские годы.
1884 г.

За окном — «Невы державное течение, береговой её гранит»¹. Весной мимо начинают сновать барки и лодки. Стоя на подоконнике, придерживаемый кем-нибудь из взрослых, ребёнок часами дожидается, пока не раздастся хриплый гудок буксирного парохода. «Сморкается!» — радуется мальчик. Или ждёт, когда на Петропавловской крепости в полдень грянет привычный выстрел, вплетающийся в любимую «Сказку о царе Салтане...»:

Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.

Так очень рано в детскую память западает «весёлое имя: Пушкин».

¹ Строки из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник».

С ребёнком все возятся. Читают ему непременно «Стёпку-растрёпку», на котором воспитывались сами сёстры Бекетовы, вспоминают сказку о царе Балдахоне, которую когда-то сложил для них отец и даже иллюстрировал собственноручными рисунками («...а на Масленицу над его замком развевался огромный... блин!»), но декламируют уже и «Смальгольмского барона» Жуковского¹, и его переводы, и стихи Полонского².

Скоро он уже и сам твердит их наизусть, порой при няне и маме, порой и в полном одиночестве — для себя.

«С раннего детства, — писал Александр Блок в автобиографии, — я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные ещё с чьим-нибудь именем».

Литература не только предмет платонического³ увлечения и преклонения Бекетовых: почти все они пробуют в ней свои силы.

По А.М. Туркову

Вопросы и задания

1. Что значили книги для семейства Бекетовых? Расскажите подробно.
2. Что это за «лирические волны», которые набегали на Блока-ребёнка?
3. Выступая на торжественном собрании, посвящённом годовщине смерти А.С. Пушкина, Блок так начал свою речь: «Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин». Как вы понимаете слова поэта?

¹ Имеется в виду баллада В.А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (1822).

² Полонский Яков Петрович (1819–1898) — русский поэт.

³ Платони́ческий — лишённый практических целей, отвлечённый; бескорыстный.

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны.
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

1898

Вопросы и задания

1. Какой вам представляется картина летнего вечера, нарисованная А. Блоком? Какое настроение возникло у вас при чтении?
2. Какие художественные средства использует поэт?
3. Выучите стихотворение наизусть. Послушайте запись выразительного чтения этого стихотворения (см. электронные материалы к учебнику).

Минуты творчества

Нарисуйте иллюстрацию к этому стихотворению.

- Прочитайте воспоминания о Блоке разных лет и подумайте, как эти высказывания характеризуют поэта.

«Лет в шесть появился у Саши вкус к героическому, к фантастике, а также к лирике. Ему читали много сказок — и русских, и иностранных».

М.А. Бекетова

«Его кабинет был для меня неожиданностью: то был кабинет учёного, в кабинете преобладали иностранные и старинные книги; старые журналы, выходявшие лет двадцать тому назад, казались у него на полках новёхонькими. Мне бросились в глаза Шахматов, Веселовский, Потебня, и я впервые вспомнил, что Блок по своему образованию филолог, что и дед и отец его были профессора и что отец его жены Менделеев».

К.И. Чуковский

«...Мы втроем (Блок, Гумилёв¹ и я) обедаем (5 августа 1914 г.) на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилёв уже в солдатской форме). Блок в это время ходит по семьям мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы остались вдвоём, Коля сказал: “Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьёв”».

А.А. Ахматова

ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) — дочь А.Н. Бекетова, родная тётя А.А. Блока. Писательница, переводчица, автор трёх мемуарных книг о Блоке.

¹ *Гумилёв Николай Степанович* (1886–1921) — русский поэт, переводчик, литературный критик, муж А.А. Ахматовой.

Чуковский Корней Иванович (1882—1969) — писатель, переводчик, критик, автор книги «Александр Блок как человек и поэт».

Ахматова Анна Андреевна (1889—1966) — поэт, переводчик, литературовед, автор воспоминаний о Блоке.

* * *

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нём ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдёшь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

1898

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

А.А. БЛОКА

Прочитайте внимательно стихотворение Блока «Полный месяц встал над лугом...». Вы уже неоднократно знакомились с лирическими стихотворениями, встречались с различными художественными образами. Вспомним: в лирическом тексте могут быть представлены образы-пейзажи и образы-персонажи.

1. Какие образы представлены в данном стихотворении?

2. А.А. Блок передаёт состояние природы ночью, в часы полнолуния. Какие чувства в это время суток испытывает лирический персонаж?

В стихотворении передано состояние природы и человека. Обратите внимание на то, как Блок живописует цвет. Посмотрите — иногда ни цвет, ни оттенок цвета не названы, но они воссоздаются в восприятии читателя. Например, когда читаешь словосочетание *полный месяц*, ясно представляешь себе жёлтый диск луны в полнолуние.

3. Какие цвета и оттенки цветов возникают в вашем воображении при чтении следующих слов: *бледный, бледный луг цветущий, мрак ночной, солнце выйдет из тумана, солнце... поле озарит?*

Одним из художественных средств данного стихотворения является *антитеза (противопоставление)*. Она в большей степени, чем другие образно-выразительные средства, характеризует текст.

4. Вспомните определение антонимов. С помощью каких антонимов противопоставляются в стихотворении образы *мрак — солнце?*

Советуем прочитать

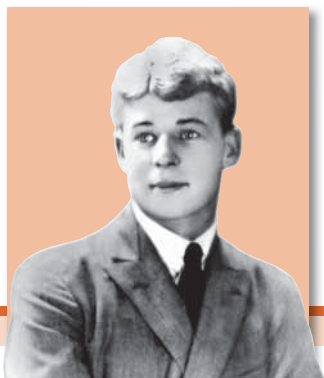

О городе Блока — Петербурге, о родных поэта, о любимом месте Блока — имении Шахматово вы можете прочитать в книге: *Крышук Н. «Открой мои книги...»: разговор о Блоке.* Л.: Детская литература, 1986.

После уроков

Подберите иллюстративный материал, составьте текст и проведите заочную экскурсию «По местам детства и юности А.А. Блока».

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН 1895—1925

В конце XIX — начале XX столетия Россия переходила на новый уклад жизни: от вековых устоев — к новым отношениям, вызванным ростом промышленного производства, и переход этот для крестьянского люда был непростым, а часто болезненным, потому что ломались традиции, менялся быт, формировались новые представления о судьбе страны и жизни человека. Есенин это остро чувствовал и с сыновьей любовью отражал в своём творчестве крестьянскую Россию: с её величием и болью, широтой, непоказным героизмом и бедностью. Он жил среди покосившихся избёнок, убогость которых подчёркивала внешне неброская, но неповторимая красота русских берёз, излучин рек, даль и синь полей, где без отдыха работал мужик, с великим трудом добывая себе средства на жизнь.

В автобиографии «О себе» Есенин писал:

«Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти всё моё детство. Дядья мои были ребята озорные и от-

С.А. Есенин с отцом (на фотографии слева) и дядей Иваном Никитичем Есениным. 1900-е гг.

чаянные. Трёх с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня бельё и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлёбывался, он всё кричал: “Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..” “Стерва” у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я

Константиново. Вид со стороны реки Оки.
На заднем плане — церковь Казанской иконы
Божией Матери, в которой был крещён Сергей Есенин.
Современная фотография

часто заменял охотничью собаку, плавал по озёрам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: “Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!” Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности её не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Так протекало моё детство...»

■ Познакомьтесь с фрагментами воспоминаний о С.А. Есенине.

«С Сергеем Есениным мы вместе ходили в Константиновское начальное училище. Школа наша была небольшая — всего четыре класса. Помещалась она почти напротив дома Есениных. Из учителей мы особенно любили Ивана Матвеевича Власова.

Есенин уже тогда выделялся среди нас. И учителя, и мы, ученики, любили его за прямоту и весёлый нрав. Был он первый заводила, бедовый и драчливый, как петух. Это он верно писал о себе позднее в стихах:

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

Но Есенин не только был мастер на разные выдумки и шалости. Одарён он был ясным умом. Отвечал на уроках бойко. Особенно когда читал стихи Некрасова, Кольцова и других поэтов. Надо сказать, что Иван Матвеевич стремился привить нам, деревенским ребятам, любовь к родной литературе. Была у нас и школьная библиотека. По тем временам неплохая. Имелись в ней книги Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Лермонтова, Толстого, стихи крестьянских поэтов Кольцова и Никитина.

Есенин любил читать. Если увидит у кого-нибудь новую книгу, так весь и загорится и уж каким-нибудь образом, но заполучит её.

О том, что Есенин сочиняет стихи, мы впервые узнали в третьем или четвёртом классе...»

Н.П. Калинин

«У Сергея я многое переняла. Он рано научил меня любить книги. Каждое лето он приезжал домой в деревню, но не отдыхать, а работать. Чемоданы, привезённые им, в основном были заполнены книгами. Сидя за столом, с керосиновой лампой, он читал целыми ночами, до рассвета. Уезжая из деревни, не брал с собой книг, и таким образом дома у нас собиралась своя библиотека, благодаря которой ещё девочкой 10—12 лет я знала очень много стихов Некрасова, Никитина, Кольцова, знала Тютчева, Фета, Майкова, Сурикова и многих других. Из писателей я особенно любила Гоголя.

С.А. Есенин среди односельчан.
Фрагмент фотографии. 1909 г.

Константиновское земское
училище. Начало XX в.

С.А. Есенин на открытии
памятника А. Кольцову
в Москве. Кадр докумен-
тальной киносъёмки.
3 ноября 1918 г.

Ф.А. Титов —
дед С.А. Есенина

Почти всё своё свободное время теперь Сергей проводил с Катей и со мной. Часто вечерами выбирались мы со своего огорода, шли за село, за церковь на гору. Хорошо на горе тихим лунным вечером. На западе частыми зарницами освещается тёмное ночное небо, внизу серебрится река, а за покрытыми туманом лугами чернеет вдали лес...

Над уснувшим селом величаво плывёт луна, освещая его своим бледным светом... Недолго ходим мы по селу, молча или разговаривая. Привыкшим жить и работать с песней трудно не петь в такой вечер, и обычно Сергей или Катя начинают тихонько, “себе под нос”, напевать какую-либо мелодию. А уж если запоёт один, то как же умолчать другим. Каждый из нас знает, что поёт другой, и начинает подпевать... Мы поём лирические песни и романсы. Например, “Ночь” Кольцова, у которой грустный мотив и такое же грустное содержание... Поём мы и пе-

реложенные на музыку в то время стихи Сергея “Есть одна хорошая песня у соловушки...”, “Письмо матери”, поём “Вечер чёрные брови насóпил”, мотив к которому мы подобрали сами...»

А.А. Есенина

ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

Калинкин Николай Петрович (?) — одноклассник и друг детства С.А. Есенина.

Есенина Александра Александровна (1911—1981) — младшая сестра Есенина, автор книги воспоминаний «Родное и близкое».

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у берёзки стан,
И её золотые косы,
И холщовый её сарафан.

Потому так и сердцу не жёстко —
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той берёзкой,
Что стоит под родимым окном.

1925

Вопросы и задания

1. Как проходило детство поэта?
2. Что полюбил поэт в своей родной стороне и как он говорит об этом в стихотворении, обращённом к сестре?
- 3*. Назовите художественные средства, которые использует поэт в этом стихотворении.

* * *

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,

Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА **С.А. ЕСЕНИНА**

Стихотворения С.А. Есенина «Поёт зима — аукает...» и А.А. Блока «Полный месяц встал над лугом...» посвящены природе. В обоих стихотворениях используется образно-выразительное средство — антитеза (у А. Блока это «ночь — утро», у С. Есенина «зима — весна»).

1. Сопоставьте два стихотворения. Какие ещё признаки сходства вы в них обнаружили?

Близость темы, некоторых художественных приёмов, неизбежная для стихотворений, относящихся к лирике о природе, — явление естественное. Но нас должны в не меньшей степени интересовать различия, если мы хотим проникнуть в тайны художественного замысла поэта, в мир его поэтического слова. Особенными для стихотворения С. Есенина являются его образы.

2. Назовите образы, созданные Есениным в стихотворении.

Образ художественный — форма отражения реальности в литературе: мысли автора, облачённые в форму конкретного героя, предмета или явления в художественном произведении.

3. Как в стихотворении передан цвет? Приведите все случаи цветообозначений.

В стихотворении Есенина не только создана живописная картина зимней природы. Оно наполнено звуками зимнего леса и голосами его обитателей.

4. С помощью каких слов в стихотворении переданы звуки зимнего леса?

Поэтический мир стихотворения С.А. Есенина близок народной песне. Как в народных песнях, так и в стихах поэта мы встречаем довольно много слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

5. Выпишите из текста стихотворения слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Примерами из произведений устного народного творчества подтвердите мысль о том, что в создании образов живой природы в этом стихотворении Есенин следует фольклорным традициям.

6. Укажите название образно-выразительного средства, используемого в следующих случаях:

1. *Поёт зима — аукает.* 2. *Мохнатый лес.* 3. *Седые облака.* 4. *Метелица ковром шелковым стелется.* 5. *Вьюга... стучит по ставням.* 6. *Вьюга злится.*

7. Вспомните определение ассонанса и аллитерации. Найдите эти выразительные средства в стихотворении.

Выразительная роль повторяющегося звука [y] состоит в том, что он передаёт шум и рёв вьюги. Повторе-

ние свистящего [с] и шипящего [щ] напоминает о свисте ветра, шуршании метели.

8. Сочетания каких согласных звуков использует поэт в последних строках стихотворения для создания образа весны?

9. Выпишите из словаря синонимов все синонимы к слову *белый*. Почему прилагательное *седые* наиболее точно характеризует зимние облака?

10. Какая метафора используется автором для создания противопоставляемого зиме образа весны?

Яркой отличительной особенностью поэзии Есенина является тяготение к древнерусской архаической¹ речи, которое проявляется в использовании устаревших слов. Однако в стихах поэта мы встречаемся и с противоположным явлением — использованием новых слов (неологизмов), созданных самим поэтом.

11. Внимательно прочитайте первую строфу стихотворения. Найдите слово, придуманное поэтом, и определите его выразительную роль.

12. Впервые стихотворение было опубликовано в журнале «Мирок» в 1910 году и имело заглавие «Воробышки».

Отражало ли это заглавие тему и основную мысль стихотворения? Как вы думаете, почему автор отказался от этого заглавия? Попробуйте дать своё название стихотворению.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

¹ *Архаический* — старинный.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

1917

Вопросы и задания

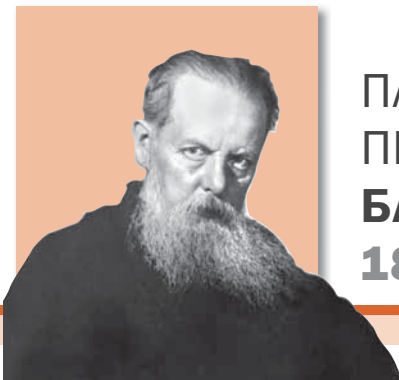

1. Какие поэтические образы стихотворения произвели на вас наиболее яркое впечатление? Почему?
2. Из содержания стихотворения видно, что поэт воспринимает природу и как крестьянин-землепашец. Подтвердите это предположение, приведя в доказательство образы из текста.
3. Выучите наизусть одно из стихотворений С.А. Есенина. Объясните свой выбор. Послушайте запись выразительного чтения двух стихотворений поэта (см. электронные материалы). Вам предложены два варианта исполнения стихотворения «Поёт зима — аукает...». Какой из них вам кажется наиболее удачным? Почему?

После уроков

Подготовьте материал для выставки «Есенинская родина». Экспонаты вы можете найти в альбомах живописи, книгах о Есенине, Интернете.

**ПАВЕЛ
ПЕТРОВИЧ
БАЖОВ
1879—1950**

Родился Павел Петрович Бажов в семье рабочего. Семья была дружная и трудовая. Симпатии к простому народу определились у будущего писателя с самого раннего детства. Горячо полюбил Павел сказы и побывальщины¹. Его ученье началось в школе, затем продолжилось в духовной семинарии. Жизнь Бажова-семинариста была совсем нелёгкой, подчас трудной и горькой. Смерть глубоко любимого отца, горе матери, нужда, утомительная работа «по самым неожиданным отраслям» в дополнение к не менее утомительной семинарской учёбе — всё это осложняло жизнь, оставляло немного времени для учёбы. Правда, в тяготах жизни была и своя положительная сторона: под ударами жизненных обстоятельств ум и сердце юноши крепили, учась преодолевать трудности и невзгоды.

Огромное воздействие на взгляды Бажова и его сверстников-семинаристов оказали «Пёстрые рассказы» (1886) А.П. Чехова. В дальнейшем у Бажова имела разумно подобранная библиотека, постоянно пополняемая. По воспоминаниям его жены, в библиотеке были «собрания сочинений Гоголя, Пушкина, Л. Тол-

¹ *Побывальщина* — фольклорный жанр, рассказ о действительном происшествии, быть.

стого, Чехова и других классиков. Павел Петрович очень много читал, делая выписки из книг. Уже тогда он вёл картотеку, работая над языком».

В 1936 году появились первые сказы Бажова. В сложные и разнообразные взаимосвязи поставлены в его сказках человек и природа. Объяснение этому надо искать, во-первых, в фольклоре — источнике сказов, а во-вторых, в творческом методе Бажова — создателя сказов.

По А.С. Саранцеву

П.П. БАЖОВ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Близкий к семье Бажовых уездный ветеринарный врач Николай Семёнович Смородинцев настойчиво советовал родителям Павла «учить сына дальше». Но — где учить? О гимназии, реальном или горном училищах нечего было и мечтать. Даже единственного ребёнка рабочая семья там учить не могла. Остановились на Екатеринбургском духовном училище: в нём самая низкая плата за обучение, не надо покупать форму, да ещё есть ученические квартиры, снимавшиеся училищем, — эти обстоятельства оказались решающими.

Прекрасно сдав вступительные экзамены, Бажов был зачислен в Екатеринбургское духовное училище. В то самое, где ранее учился писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Бажов сначала жил некоторое время у Смородинцева, в посёлке Верх-Исетского завода, а учиться ходил в город. Екатеринбург произвёл огромное впечатление на будущего писателя. Сколько удивительного ещё дома слышал о нём мальчик Бажов! Отец, бывалый человек, отзывался о Екатеринбурге: «На другие города наш не походит. Он вроде самого главного завода. На железе родился, железом кормится». Дед вторил: «Другого такого по всей нашей земле не найдёшь...» Правда, бабушка, тоже бывавшая в городе, осуждала решение

П.П. Бажов, учащийся
Пермской духовной семинарии

Пашиных родителей отдать его учиться «в чужие люди» и называла город «страховитым местом».

В 8 томе издания «Живописная Россия» о Екатеринбурге говорится, что этот «уездный город... как в отношении внешности, так и по развитию и характеру общественной жизни далеко оставляет за собою большинство губернских городов и поистине может называться столицей горнозаводского Урала».

Исключительное географическое положение в центре горного промышленного края определило и то, что Екатеринбург являлся резиденцией «главного начальника заводов хребта Уральского». Д. Мамин-Сибиряк писал о горнозаводском Урале: «Это было настоящее государство в государстве... тут были свои законы, свой суд, своё войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения».

«Наблюдения над удивительной жизнью города» занимали большое место в новом и небывало огромном «рационе впечатлений» Павла Бажова.

Главный герой бажовских сказов — русский народ. Все свои симпатии писатель отдаёт людям труда, верным и надёжным. Слово их твёрдо, они всегда готовы помочь в беде товарищам.

Многочисленные образы простых людей подкупают своей духовной красотой, твёрдой волей, ясным умом, пытливым творческой мыслью, трудолюбием, настойчивостью и упорством в достижении цели, правдивостью и честностью, умением выполнить свой долг, несмотря ни на какие препятствия.

Вопросы и задания

1. Расскажите о детских годах П.П. Бажова, его семье.
2. Подготовьте ключевые слова для ответа на вопрос о роли книги в жизни юного Павла Бажова.
3. Почему рабочая семья Бажовых не могла учить сына в «гимназии, реальном или горном училищах»?
4. Екатеринбург произвёл на мальчика Бажова «огромное впечатление». Чем?
- 5*. Знакомы ли вам сказы Бажова? Какие из них вы уже читали? Расскажите об одном из героев: о его характере, профессии, судьбе.

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Не одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, рассказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом вожгались¹, как его было довольно и сорт — выше нет. Вот из этого малахиту и выделывали

¹ *Вожгаться* — трудиться, биться над чем-то.

вали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как ему помогло.

Был в ту пору мастер Прокопъич. По этим делам первый. Лучше его никто не мог. В пожилых годах был.

Вот барин и велел приказчику поставить к этому Прокопъичу парнишек на выучку:

— Пущай-де переймут всё до тонкости.

Только Прокопъич, — то ли ему жаль было расставаться со своим мастерством, то ли ещё что, — учил шишко худо. Всё у него с рывка да с тычка. Насадит парнишке по всей голове шишек, уши чуть не оборвёт да и говорит приказчику:

— Не гош этот... Глаз у него неспособный, рука не несёт. Толку не выйдет.

Приказчику, видно, заказано было уболаговорять Прокопъича.

— Не гош так не гош... Другого дадим... — И нарядит другого парнишку.

Ребятишки прослышали про эту науку... Спозаранку ревут, как бы к Прокопъичу не попасть. Отцам-матерям тоже не сладко родного дитёнка на зряшную муку отдавать, — выгораживать стали своих-то, кто как мог. И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая. Вот и оберегаются люди.

Приказчик всё-таки помнит баринов наказ — ставит Прокопъичу учеников. Тот по своему порядку помытарит¹ парнишку да и сдаст обратно приказчику:

— Не гош этот...

Приказчик взъедаться стал:

— До какой поры это будет? Не гош да не гош, когда гош будет? Учи этого...

Прокопъич знай своё:

— Мне что... Хоть десять годов учить буду, а толку из этого парнишки не будет...

¹ *Помытáрить* — помучить.

— Какого тебе ещё?

— Мне хоть и вовсе не ставь, — об этом не скучаю...

Так вот и перебрали приказчик с Прокопьем много ребятишек, а толк один: на голове шишки, а в голове — как бы убежать. Нарочно которые портили, чтобы Прокопья их прогнал.

Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. Сиротка круглый был этот парнишечко. Годов, поди, тогда двенадцати, а то и боле. На ногах высоконогий, а худой-расхудой, в чём душа держится. Ну, а с лица чистенький. Волосёнки кудрявеньки, глазёнки голубеньки. Его и взяли сперва в казачки при господском доме: табакерку, платок подать, сбегать куда и протча. Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Другие парнишки на таких-то местах выюнами вьются. Чуть что — навятяжку: что прикажете? А этот Данилко забьётся куда в уголок, уставится глазами на картину какую, а то на украшение да и стоит. Ему кричат, а он и ухом не ведёт. Били, конечно, поначалу-то, потом рукой махнули:

— Блаженный какой-то! Тихоход! Из такого хорошего слуги не выйдет.

На заводскую работу либо в гору всё-таки не отдали — шибко жидко место, на неделю не хватит. Поставил его приказчик в подпаски. И тут Данилко не вовсе гош пришёлся. Парнишечко ровно старательный, а всё у него оплошка выходит. Всё будто думает о чём-то. Уставится глазами на травинку, а коровы-то — вон где! Старый пастух ласковый попался, жалел сироту, и тот временем ругался:

— Что только из тебя, Данилко, выйдет? Погубишь ты себя да и мою старую спину под бой подведёшь. Куда это годится? О чём хоть думка-то у тебя?

— Я сам, дедко, не знаю... Так... ни о чём... Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама

сизенька, и из-под крылышек у ней жёлтенько выглядывает, а листок широконыйкий... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зелёная-презелёная, ровно её сейчас выкрасили... А букашка-то и ползёт...

— Ну, не дурак ли ты, Данилко? Твоё ли дело букашек разбирать? Ползёт она — и ползи, а твоё дело за коровами глядеть. Смотри у меня, выбрось эту дурь из головы, не то приказчику скажу!

Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился — куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

— Сыграй, Данилушко, песенку.

Он и начнёт наигрывать. И песни всё незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, птички на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщины привечать Данилушку. Кто пониточек¹ починит, кто холста на онучи² отрежет, рубашонку новую сошьёт. Про кусок и разговору нет, — каждая норовит дать побольше да послаще. Старику пастуху тоже Данилушковы песни по душе пришлись. Только и тут маленько неладно выходило. Начнёт Данилушко наигрывать и всё забудет, ровно и коров нет. На этой игре и пристигла его беда.

Данилушко, видно, заигрался, а старик задремал по малости. Сколько-то коровёнок у них и отбилось. Как стали на выгон собирать, глядят — той нет, другой нет. Искать кинулись, да где тебе. Пасли около Ельничной... Самое тут волчье место, глухое... Одну только коровёнку и нашли. Пригнали стадо домой... Так и так — обсказали. Ну, из завода тоже побежали-поехали на розыски, да не нашли.

¹ *Пониточек* — верхняя одежда из домашнего сукна.

² *Онучи* — куски ткани, навёртываемые на ноги при ношении лаптей. Элемент русской крестьянской одежды.

Расправа тогда, известно, какая была. За всякую вину спине кажи. На грех, ещё одна-то корова из приказчиьего двора была. Тут и вовсе спуска не жди. Растянули сперва старика, потом и до Данилушки дошло, а он худенький да тощенький. Господский палач оговорился даже:

— Экой-то, — говорит, — с одного разу сомлеет, а то и вовсе душу выпустит.

Ударил всё-таки — не пожалел, а Данилушко молчит. Палач его вдругорядь — молчит, втретьи — молчит. Палач тут и расстервенился, давай полысать со всего плеча, а сам кричит:

— Я тебя, молчуна, доведу... Дашь голос... Дашь!

Данилушко дрожит весь, слёзы каплют, а молчит. Закусил губёнку-то и укрепился. Так и сомлел, а словечка от него не слышали. Приказчик, — он тут же, конечно, был, — удивился:

— Какой ещё терпеливый выискался! Теперь знаю, куда его поставить, коли живой останется.

Отлежался-таки Данилушко. Бабушка Вихориха его на ноги поставила. Была, сказывают, старушка такая. Заместо лекаря по нашим заводам на большой славе была. Силу в травах знала: которая от зубов, которая от надсады¹, которая от ломоты... Ну, всё как есть. Сама те травы собирала в самое время, когда какая трава полную силу имела. Из таких трав да корешков настойки готовила, отвары варила да с мазями мешала.

Хорошо Данилушке у этой бабушки Вихорихи пожилось. Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав, да корешков, да цветков всяких у ней насыщено да навешано по всей избе. Данилушко к травам-то любопытен — как эту зовут? где растёт? какой цветок? Старушка ему и рассказывает.

¹ *Надса́да* — повреждение чего-либо от чрезмерного напряжения сил, натуги.

— Ты, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь?

— Хвастаться, — говорит, — не буду, а все будто знаю, какие открытые-то.

— А разве, — спрашивает, — ещё неоткрытые бывают?

— Есть, — отвечает, — и такие. Папору¹ вот слышал? Она будто цветёт на Иванов день. Тот цветок колдовской. Клады им открывают. Для человека вредный. На разрыв-траве цветок — бегучий огонёк. Поймай его — и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок. А то ещё каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растёт. На Змеиный праздник полную силу имеет. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит.

— Чем, бабушка, несчастный?

— А это, дитёнок, я и сама не знаю. Так мне сказывали.

Данилушко у Вихориhi, может, и подольше бы пожил, да приказчиковы вестовщики² углядели, что парнишко мало-мало ходить стал, и сейчас к приказчику. Приказчик Данилушку призвал да и говорит:

— Иди-ко теперь к Прокопичу — малахитному делу обучаться. Самая там по тебе работа.

Ну, что сделаешь? Пошёл Данилушко, а самого ещё ветром качает.

Прокопич поглядел на него да и говорит:

— Ещё такого не доставало. Здоровым парнишкам здешняя учёба не по силе, а с такого что взыщешь — еле живой стоит.

Пошёл Прокопич к приказчику:

— Не надо такого. Ещё ненароком убьёшь — отвечать придётся.

Только приказчик — куда тебе, слушать не стал:

¹ *Па́пора* — папоротник.

² *Вестовщик* — любитель рассказывать новости, сплетник.

— Дано тебе — учи, не рассуждай! Он — этот парнишка — крепкий. Не гляди, что жиденький.

— Ну, дело ваше, — говорит Прокопъич, — было бы сказано. Буду учить, только бы к ответу не потянули.

— Тянуть некому. Одинокий этот парнишка, что хочешь с ним делай, — отвечает приказчик.

Пришёл Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малахитовую оглядывает. На этой досочке рез сделан — кромку отбить. Вот Данилушко на это место устался и головёнкой покачивает. Прокопъичу любопытно стало, что этот новенький парнишка тут разглядывает. Спросил строго, как по его правилу велось:

— Ты это что? Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

— На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его и срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

— Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь? Что ты понимать можешь?

— То и понимаю, что эту штуку испортили, — отвечает Данилушко.

— Кто испортил? А? Это ты, сопляк, мне — первому мастеру!.. Да я тебе такую порчу покажу... жив не будешь!

Пошумел так-то, покричал, а Данилушку пальцем не задел. Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал — с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором в самую точку попал. Прокричался Прокопъич и говорит вовсе уж добром:

— Ну-ко, ты, мастер явленный, покажи, как, по-твоему, сделать?

Данилушко и стал показывать да рассказывать:

— Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше — пустить досочку поўже, по чистому полю кромку отбить, только бы сверху плетешок малый оставить.

Прокопъич знай покрикивает:

— Ну-ну... Как же! Много ты понимаешь. Накопил — не просыпъ! — А про себя думает: «Верно парнишка говорит. Из такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стукни разок — он и ноги протянет».

Подумал так да и спрашивает:

— Ты хоть чей, экий учёный?

Данилушко и рассказал про себя.

Дескать, сирота. Матери не помню, а про отца и вовсе не знаю, кто был. Кличут Данилкой Недокормышем, а как отчество и прозвание отцовское — про то не знаю. Рассказал, как он в дворне был и за что его прогнали, как потом лето с коровьим стадом ходил, как под бой попал.

Прокопъич пожалел:

— Не сладко, гляжу, тебе, парень, житьишко-то задалось, а тут ещё ко мне попал. У нас мастерство строгое.

Потом будто рассердился, заворчал:

— Ну, хватит, хватит! Вишь, разговорчивый какой! Языком-то — не руками, — всяк бы работал. Целый вечер лясы да балясы! Ученичок тоже! Погляжу вот завтра, какой у тебя толк. Садись ужинать, да и спать пора.

Прокопъич одиночкой жил. Жена-то у него давно умерла. Старушка Митрофановна из соседей с находу у него хозяйство вела. Утрами ходила пострепать, сварить чего, в избе прибрать, а вечерами Прокопъич сам управлял, что ему надо.

Поели, Прокопъич и говорит:

— Ложись вон тут на скамеечке!

Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся, поёжился маленько, — вишь, холодно

в избе-то было по осеннему времени, — всё-таки вскорости уснул. Прокопчыч тоже лёг, а уснуть не может: всё у него разговор о малахитовом узоре из головы нейдёт. Ворочался-ворочался, встал, зажжёт свечку да и к станку — давай эту малахитову досочку так и сяк примерять. Одну кромку закроет, другую... прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной повернёт, и всё выходит, что парнишка лучше узор понял.

— Вот тебе и Недокормышек! — дивится Прокопчыч. — Ещё ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну и глазок! Ну и глазок!

Пошёл потихоньку в чулан, притащил оттуда подушку да большой овчинный тулуп. Подсунул подушку Данилушке под голову, тулупом накрыл:

— Спи-ко, глазастый!

А тот и не проснулся, повернулся только на другой бочок, растянулся под тулупом-то — тепло ему стало — и давай насвистывать носом полегоньку. У Прокопчыча своих ребят не бывало, этот Данилушко и припал ему к сердцу. Стоит мастер, любитесь, а Данилушко знай посвистывает, спит себе спокойненько. У Прокопчыча забота — как бы этого парнишку хорошенько на ноги поставить, чтоб не такой тощий да нездоровый был.

— С его ли здоровьишком нашему мастерству учиться. Пыль, отравка — живо зачахнет. Отдохнуть бы ему сперва, подправиться, потом учить стану. Толк, видать, будет.

На другой день и говорит Данилушке:

— Ты спервоначалу по хозяйству помогать будешь. Такой у меня порядок заведён. Понял? Для первого раз сходи за калиной. Её иньями прихватило, — в самый раз она теперь на пироги. Да, гляди, не ходи далеко-то. Сколько наберёшь — то и ладно. Хлеба возьми полишку, — естся в лесу-то, — да ещё к Митрофановне зайди. Говорил ей, чтоб тебе пару яичек испекла да молока в туесочек плеснула. Понял?

На другой день опять говорит:

— Поймай-ко ты мне щеглѣнка поголосистее да чечѣтку побойчее. Гляди, чтобы к вечеру были. Понял?

Когда Данилушко поймал и принѣс, Прокопѣич говорит:

— Ладно, да не вовсе. Лови других.

Так и пошло. На каждый день Прокопѣич Данилушке работу даёт, а всё забава. Как снег выпал, велел ему с соседом за дровами ездить — пособишь-де. Ну, а какая подмога! Вперѣд на санях сидит, лошадьё правит, а назад за возом пешком идѣт. Промнѣтся так-то, поест дома да спит покрепче. Шубу ему Прокопѣич справил, шапку тёплую, рукавицы, пимы¹ на заказ скатали. Прокопѣич, видишь, имел достаток. Хоть крепостной был, а по оброку² ходил, зарабатывал маленько. К Данилушке-то он крепко прилип. Прямо сказать, за сына держал. Ну, не жалел для него, а к делу своему не подпускал до времени.

В хорошем-то житѣе Данилушко живо поправляться стал и к Прокопѣичу тоже прильнул. Ну, как! — понял Прокопѣичеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор. То, другое Прокопѣичу расскажет да и спрашивает — это что да это как? Прокопѣич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется: «Ну-ко, я...» Прокопѣич глядит, поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Вот как-то раз приказчик и углядел Данилушку на пруду. Спрашивает своих-то вестовщиков:

¹ *Пімы* — сапоги из оленьей шкуры.

² *Оброк* — при крепостном праве: натуральный (продуктовый) или денежный сбор с крестьян, взимавшийся помещиком или государством.

— Это чей парнишка? Который день его на пруду вижу... По будням с удочкой балуется, а уж не маленький. Кто-то его от работы прячет...

Узнали вестовщики, говорят приказчику, а он не верит.

— Ну-ко, — говорит, — тащите парнишку ко мне, сам дознаюсь.

Привели Данилушко. Приказчик спрашивает:

— Ты чей?

Данилушко и отвечает:

— В ученье, дескать, у мастера по малахитову делу.

Приказчик тогда хватъ его за ухо:

— Так-то ты, стервец, учишься! — Да за ухо и повёл к Прокопъичу.

Тот видит — неладно дело, давай выгораживать Данилушко:

— Это я сам его послал окуньков половить. Сильно о свеженьких-то окуньках скучаю. По нездоровью моему другой еды принимать не могу. Вот и велел парнишке половить.

Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушко вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нём добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнёшки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

— Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушко запончик¹ надел, подошёл к станку и давай рассказывать да показывать. Что приказчик спросит — у него на всё ответ готов. Как околтáть² камень, как распилить, фасочку³ снять, чем когда склеить, как полер навести⁴, как на медь присадить, как на дерево. Одним словом, всё как есть.

¹ *Запóнчик* — фартук.

² *Околтáть* — обтесать камень, придать ему основную форму.

³ *Фáсочка* — скошенная часть ребра или кромки на каком-либо изделии.

⁴ *Пóлер навести* — отполировать.

Пытал-пытал приказчик да и говорит Прокопъичу:

— Этот, видно, гож тебе пришёлся?

— Не жалуюсь, — отвечает Прокопъич.

— То-то, не жалуешься, а баловство разводишь! Тебе его отдали мастерству учиться, а он у пруда с удочкой! Смотри! Таких тебе свежих окуньков отпущу — до смерти не забудешь, да и парнишке невесело станет.

Погрозился так-то, ушёл, а Прокопъич дивуется:

— Когда хоть ты, Данилушко, всё это понял? Ровно я тебя ещё и вовсе не учил.

— Сам же, — говорит Данилушко, — показывал да рассказывал, а я примечал.

У Прокопъича даже слёзы закапали, — до того ему это по сердцу пришлось.

— Сыночек, — говорит, — милый, Данилушко... Что ещё знаю, всё тебе открою... Не потаю...

Только с той поры Данилушке не стало вольготного житья. Приказчик на другой день послал за ним и работу на урок стал давать. Сперва, конечно, попроще что: бляшки, какие женщины носят, шкатулочки. Потом с точкой пошло: подсвечники да украшения разные. Там и до резьбы доехали. Листочки да лепесточки, узорчики да цветочки. У них ведь — у малахитчиков — дело мешкотное¹. Пустяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит! Так Данилушко и вырос за этой работой.

А как выточил зарукавь²-змейку из цельного камня, так его и вовсе мастером приказчик признал. Барину об этом отписал:

«Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитову делу — Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости ещё тихо. Прикажете на уроках его оставить али, как и Прокопъича, на оброк отпустить?»

¹ *Мешкотный* — медлительный, неторопливый.

² *Зарукавье* — браслет.

Работал Данилушко вовсе не тихо, а на диво ловко да скоро. Это уж Прокопъич тут сноровку поимел. Задаст приказчик Данилушке какой урок на пять дён, а Прокопъич пойдёт да и говорит:

— Не в силу это. На такую работу полмесяца надо. Учится ведь парень. Поторопится — только камень без пользы изведёт.

Ну, приказчик поспорит сколько, а дней, глядишь, прибавит. Данилушко и работал без натуги. Поучился даже потихоньку от приказчика читать, писать. Так, самую малость, а всё-таки разумел грамоте. Прокопъич ему в этом тоже сноровлял. Когда и сам наладится приказчиковы уроки за Данилушку делать, только Данилушко этого не допускал:

— Что ты! Что ты, дяденька! Твоё ли дело за меня у станка сидеть! Смотри-ка, у тебя борода позеленела от малахиту, здоровьем скудаться¹ стал, а мне что делается?

Данилушко и впрямь к той поре выправился. Хоть по старинке его Недокормышем звали, а он вон какой! Высокий да румяный, кудрявый да весёлый. Одним словом, сухота² девичья. Прокопъич уж стал с ним про невест заговаривать, а Данилушко знай головой потряхивает:

— Не уйдёт от нас! Вот мастером настоящим стану, тогда и разговор будет.

Барин на приказчиково известие отписал:

«Пусть тот Прокопъичев выученик Данилко сделает ещё точёную чашу на ножке для моего дома. Тогда погляжу — на оброк отпустить али на уроках держать. Только ты гляди, чтобы Прокопъич тому Данилке не пособлял. Недоглядишь — с тебя взыск будет».

¹ *Скудаться* — нуждаться, испытывать недостаток в чём-либо; болеть.

² *Сухота* — грусть, тоска; забота и беспокойство.

Приказчик получил это письмо, призвал Данилушко да и говорит:

— Тут, у меня, работать будешь. Станок тебе наладят, камню привезут, какой надо.

Прокопъич узнал, запечалился: как так? что за штука? Пошёл к приказчику, да разве он скажет... закричал только: «Не твоё дело!»

Ну, вот пошёл Данилушко работать на новое место, а Прокопъич ему наказывает:

— Ты, гляди, не торопись, Данилушко! Не оказывай себя.

Данилушко сперва остерегался. Примеривал да прикидывал больше, да тоскливо ему показалось. Делай не делай, а срок отбывай — сиди у приказчика с утра до ночи. Ну, Данилушко от скуки и сорвался на полную силу. Чаша-то у него живой рукой и вышла из дела. Приказчик поглядел, будто так и надо, да и говорит:

— Ещё такую же делай!

Данилушко сделал другую, потом третью. Вот когда он третью-то кончил, приказчик и говорит:

— Теперь не увернёшься. Поймал я вас с Прокопъичем. Барин тебе, по моему письму, срок для одной чаши дал, а ты три выточил. Знаю твою силу. Не обманешь больше, а тому старому псу покажу, как потворствовать! Другим закажет!

Так об этом и барину написал и чаши все три предоставил. Только барин, — то ли на него умный стих нашёл¹, то ли он на приказчика за что сердит был, — всё как есть наоборот повернул.

Оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопъича брать, — может-де, вдвоём скорее придумают что новенькое. При письме чертёж прислал. Там тоже чаша нарисована со всякими

¹ Стих нашёл — расположение духа, блажь, причуда, настроение.

штуками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки. Одним словом, придумано. А на чертеже барин подписал: «Пусть хоть пять лет просидит, а чтобы такая в точности сделана была».

Пришлось тут приказчику от своего слова отступить. Объявил, что барин написал, отпустил Данилушку к Прокопьючу и чертёж отдал.

Повеселели Данилушко с Прокопьючем, и работа у них бойчее пошла. Данилушко вскоре за эту чашу принялся. Хитрости в ней многое множество. Чуть неладно ударил, — пропала работа, снова начинай. Ну, глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватает — хорошо идёт дело. Одно ему не по нраву — трудности много, а красоты ровно и вовсе нет. Говорил Прокопьючу, а он только удивился:

— Тебе-то что? Придумали — значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они — толком не знаю.

Пробовал с приказчиком поговорить, так куда тебе. Ногами затопал, руками замахал:

— Ты очумел? За чертёж большие деньги плачены. Художник, может, по столице первый его делал, а ты пересуживать выдумал!

Потом, видимо, вспомнил, что барин ему заказывал, — не выдумают ли вдвоём-то чего новенького, — и говорит:

— Ты вот что... делай эту чашу по барскому чертежу, а если другую от себя выдумаешь — твоё дело. Мешать не стану. Камня у нас, поди-ко, хватит. Какой надо — такой и дам.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а своё придумать — не одну ночку с боку на бок повертишься.

Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает. Переводит в голове, какой цветок, какой листок к малахитову камню лучше подойдёт. Задумчивый стал, невесёлый. Прокопъич заметил, спрашивает:

— Ты, Данилушко, здоров ли? Полегче бы с этой чашей. Куда торопиться? Сходил бы в разгулку куда, а то всё сидишь да сидишь.

— И то, — говорит Данилушко, — в лес хоть сходить. Не увижу ли, что мне надо.

С той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное, ягодное. Травы все в цвету. Данилушко остановится где на покосе либо на полянке в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. Людей в ту пору в лесу и на покосах много. Спрашивают Данилушку — не потерял ли чего? Он улыбнётся этак невесело да и скажет:

— Потерять не потерял, а найти не могу.

Ну, которые и запоговаривали:

— Неладно с парнем.

А он придёт домой и сразу к станку да до утра и сидит, а с солнышком опять в лес да на покосы. Листки да цветки всякие домой притаскивать стал, а всё больше из *объеди*¹: *черемицу*² да *омег*³, *дурман* да *багульник*, да *резунцы*⁴ всякие. С лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял. Прокопъич вовсе забеспокоился, а Данилушко и говорит:

— Чаша мне покою не даёт. Охота так её сделать, чтобы камень полную силу имел.

Прокопъич давай отговаривать:

¹ *Объѣдья* — остатки растений, сена, соломы.

² *Череміца* — дикий чеснок.

³ *Омег* — ядовитое растение.

⁴ *Резунцы* — растения типа осоки.

— На что она тебе далась? Сыты ведь, чего ещё. Пущай бары тешатся, как им любо. Нас бы только не задевали. Придумают какой узор — сделаем, а навстречу-то им зачем лезть? Лишний хомут надевать, — только и всего.

Ну, Данилушко на своём стоит.

— Не для барина, — говорит, — стараюсь. Не могу из головы выбросить ту чашу. Вижу, поди-ко, какой у нас камень, а мы что с ним делаем? Точим да режем да полер наводим, и вовсе ни к чему. Вот мне и припало желанье так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать.

По времени отошёл Данилушко, сел опять за ту чашу, по барскому-то чертежу работает, а сам посмеивается:

— Лента каменная с дырками, каёмочка резная...

Потом вдруг забросил эту работу. Другое начал. Без передышки у станка стоит. Прокопъичу сказал:

— По дурман-цветку свою чашу делать буду.

Прокопъич отговаривать принялся. Данилушко сперва и слушать не хотел, потом, дня через три-четыре, как у него какая-то оплошка вышла, и говорит Прокопъичу:

— Ну, ладно. Сперва барскую чашу кончу, потом за свою примусь. Только ты уж тогда меня не отговаривай... Не могу её из головы выбросить.

Прокопъич отвечает:

— Ладно, мешать не стану, — а сам думает: «Уходит парень, забудет. Женить его надо. Вот что! Лишняя дурь из головы вылетит, как семьёй обзаведётся».

Занялся Данилушко чашей. Работы с ней много — в один год не укладёшь. Работает усердно, про дурман-цветок не поминает. Прокопъич и стал про женитьбу заговаривать:

— Вот хоть бы Катя Летемина — чем не невеста? Хорошая девушка... Похаять нечем.

Это Прокопъич-то от ума говорил. Он, вишь, давно приметил, что Данилушко на эту девушку сильно

поглядывал. Ну, и она не отворачивалась. Вот Прокопъич будто ненароком и заводил разговор. А Данилушко своё твердит:

— погоди! Вот с чашкой управлюсь. Надоела мне она. Того и гляди — молотком стукну, а он про женитьбу! Уговорились мы с Катей. Подождёт она меня.

Ну, сделал Данилушко чашу по барскому чертежу. Приказчику, конечно, не сказали, а дома у себя гулянку маленькую придумали сделать. Катя — невеста-то — с родителями пришла, ещё которые... из мастеров же малахитных больше. Катя дивится на чашу.

— Как, — говорит, — только ты ухитрился узор такой вырезать и камня нигде не обломил! До чего всё гладко да чисто обточено!

Мастера тоже одобряют:

— В аккурат-де по чертежу. Придаться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать, да и скоро. Так-то работать станешь — пожалуй, нам тяжело за тобой тянуться.

Данилушко слушал-слушал да и говорит:

— То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить.

— А где оплошал, — смеются мастера, — там подклеил да полером прикрыл, и концов не найдёшь.

— Вот-вот... А где, спрашиваю, красота камня? Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!

Горячиться стал. Выпил, видно, маленько.

Мастера и говорят Данилушке, что ему Прокопъич не раз говаривал:

— Камень — камень и есть. Что с ним сделаешь? Наше дело такое — точить да резать.

Только был тут старичок один. Он ещё Прокопьяча и тех — других-то мастеров — учил. Все его дедушком звали. Вовсе ветхий старичоночко, а тоже этот разговор понял да и говорит Данилушке:

— Ты, милый сын, по этой половице не ходи! Из головы выбрось! А то попадёшь к Хозяйке в горные мастера...

— Какие мастера, дедушко?

— А такие... в горе живут, никто их не видит... Что Хозяйке понадобится, то они и сделают. Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку.

Всем любопытно стало. Спрашивают, — какую поделку видел.

— Да змейку, — говорит, — ту же, какую вы на зарукавье точите.

— Ну, и что? Какая она?

— От здешних, говорю, на отличку. Любой мастер увидит, сразу узнает — не здешняя работа. У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик чёрненький, глазки... Того и гляди — клюнет. Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли.

Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал:

— Не знаю, милый сын. Слыхал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет.

Данилушко на это и говорит:

— Я бы поглядел.

Тут Катенька, невеста-то его, так и затрепыхалась:

— Что ты, что ты, Данилушко! Неуж тебе белый свет наскучил? — да в слёзы.

Прокопьяч и другие мастера сметили дело, давай старого мастера на смех подымать:

— Выживаться из ума, дедушко, стал. Сказки сказываешь. Парня зря с пути сбиваешь.

Старик разгорячился, по столу стукнул:

— Есть такой цветок! Парень правду говорит: камень мы не разумеем. В том цветке красота показана.

Мастера смеются:

— Хлебнул, дедушко, лишка!

А он своё:

— Есть каменный цветок!

Разошлись гости, а у Данилушки тот разговор из головы не выходит. Опять стал в лес бегать да около своего дурман-цветка ходить, а про свадьбу и не поминает. Прокопчыч уж понуждать стал:

— Что ты девушку позоришь? Который год она в невестах ходить будет? Того и жди — пересмеивать её станут. Мало смотниц-то?

Данилушко одно своё:

— Погоди ты маленько! Вот только придумаю да камень подходящий подберу.

И повадился он на медный рудник — на Гумешки-то. Когда в шахту спустится, по забоям обойдёт, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его да и говорит:

— Нет, не тот...

Только это промолвил, кто-то и говорит:

— В другом месте поищи... у Змеиной горки.

Глядит Данилушко, — никого нет. Кто бы это? Шутят, что ли... Будто и спрятаться негде. Поогляделся ещё, пошёл домой, а вслед ему опять:

— Слышишь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко, — женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало.

«Что, — думает, — за штука? Неуж сама? А что, если сходить на Змеиную-то?»

Змеиную горку Данилушко хорошо знал. Тут же она была, недалеко от Гумешек. Теперь её нет, давно всю срыли, а раньше камень поверху брали.

Вот на другой день и пошёл туда Данилушко. Горка хоть небольшая, а крутенькая. С одной стороны и вовсе как срезано. Глядельце тут первосортное. Все пласты видно, лучше некуда.

Подошёл Данилушко к этому глядельцу, а тут ма-лахитина выворочена. Большой камень — на руках не унести — и будто обделан вроде кустика. Стал оглядывать Данилушко эту находку. Всё, как ему надо: цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется. Ну, всё как есть... Обрадовался Данилушко, скорей за лошадьё побежал, привёз камень домой, говорит Прокопичу:

— Гляди-ко, камень какой! Ровно нарочно для моей работы. Теперь живо сделаю. Тогда и жениться. Верно, заждалась меня Катенька. Да и мне не легко. Вот только эта работа меня и держит. Скорее бы её кончить!

Ну, и принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопич помалкивает. Может, уgomонится парень, как охотку стешит. Работа ходко идёт. Низ камня отделал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие кучкой, зубчики, прожилки — всё пришлось лучше нельзя. Прокопич и то говорит — живой цветок-то, хоть рукой пощупать. Ну, а как до верху дошёл — тут заколодило¹. Стебелёк выточил, боковые листики тонёхоньки — как только держатся! Чашку, как у дурман-цветка, а не то... Не живой стал и красоту потерял. Данилушко тут и сна лишился. Сидит над этой своей чашей, придумывает, как бы поправить, лучше сделать. Прокопич и другие мастера, кои заходили поглядеть,

¹ *Заколóдить* — о случившейся задержке, препятствии, остановке.

дивятся, — чего ещё парню надо? Чашка вышла — никто такой не делывал, а ему неладно. Умётся парень, лечить его надо. Катенька слышит, что люди говорят, — поплакивать стала. Это Данилушко и образумило.

— Ладно, — говорит, — больше не буду. Видно, не податься мне выше-то, не поймать силу камня. — И давай сам торопиться со свадьбой. Ну, а что торопить, коли у невесты давным-давно всё готово. Назначили день. Повеселел Данилушко. Про чашу-то приказчику сказал. Тот прибежал, глядит — вот штука какая! Хотел сейчас эту чашу барину отправить, да Данилушко говорит:

— Погоди маленько, доделка есть.

Время осеннее было. Как раз около Змеиного праздника свадьба пришлась. К слову кто-то и помянул про это — вот-де змеи все в одно место соберутся. Данилушко эти слова на приметку взял. Вспомнил опять разговоры о малахитовом цветке. Так его и потянуло: «Не сходить ли последний раз к Змеиной горке? Не узнаю ли там чего?» — и про камень припомнил: «Ведь как положенный был! И голос на руднике-то... про Змеиную же горку говорил».

Вот и пошёл Данилушко. Земля тогда уже подмерзать стала, и снежок припорошивал. Подошёл Данилушко ко крутику, где камень брал, глядит, а на том месте выбоина большая, будто камень ломали. Данилушко о том не подумал, кто это камень ломал, вышел в выбоину. «Посижу, — думает, — отдохну за ветром. Потеплее тут». Глядит — у одной стены камень-серовик, вроде стула. Данилушко тут и сел, задумался, в землю глядит, и всё цветок тот каменный из головы нейдёт. «Вот бы поглядеть!» Только вдруг тепло стало, ровно лето воротилось. Данилушко поднял голову, а напротив, у другой-то стены, сидит Медной горы Хозяйка. По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу её признал. Только и то думает: «Может, мне это кажет-

ся, а на деле никого нет». Сидит — молчит, глядит на то место, где Хозяйка, и будто ничего не видит. Она тоже молчит, вроде как призадумалась. Потом и спрашивает:

— Ну, что, Данило-мастер, не вышла твоя дурман-чаша?

— Не вышла, — отвечает.

— А ты не вешай голову-то! Другое попытай. Камень тебе будет, по твоим мыслям.

— Нет, — отвечает, — не могу больше. Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок.

— Показать-то, — говорит, — просто, да потом жалеть будешь.

— Не отпустишь из горы?

— Зачем не отпущу! Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются.

— Покажи, сделай милость!

Она ещё его уговаривала:

— Может, ещё попытаешь сам добиться! — Про Прокосьича тоже помянула: — Он-де тебя пожалел, теперь твой черёд его пожалеть. — Про невесту напостила: — Души в тебе девка не чаёт, а ты на сторону глядишь.

— Знаю я, — кричит Данилушко, — а только без цветка мне жизни нет. Покажи!

— Когда так, — говорит, — пойдём, Данило-мастер, в мой сад.

Сказала и поднялась. Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну, всякие... Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и голк¹ дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная... Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Про-

¹ Голк — шум, гул, звон.

Иллюстрация к сказу.
Художник А.Б. Левашова. 2012 г.

меж деревьев-то змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идёт.

И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. На этих кустах большие зелёные колокольцы малахитовы, и в каждом сурьяная¹ звёз-

¹ *Сурьяный* (от *сурья*) — полуметалл серебристо-белого цвета с синеватым оттенком.

дочка. Огневые пчёлки над теми цветками сверкают, а звёздочки тонёхонько позванивают, ровно поют.

— Ну, Данило-мастер, поглядел? — спрашивает Хозяйка.

— Не найдёшь, — отвечает Данилушко, — камня, чтобы так-то сделать.

— Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу. — Сказала и рукой махнула.

Опять зашумело, и Данилушко на том же камне, в ямине-то этой оказался. Ветер так и свистит. Ну, известно, осень.

Пришёл Данилушко домой, а в тот день как раз у невесты вечеринка была. Сначала Данилушко весёлым себя показывал — песни пел, плясал, а потом и затуманился. Невеста даже испугалась:

— Что с тобой? Ровно на похоронах ты!

А он и говорит:

— Голову разломило. В глазах чёрное с зелёным да красным. Света не вижу.

На этом вечеринка и кончилась. По обряду невеста с подружками провожать жениха пошла. А много ли дороги, коли через дом либо через два жили. Вот Катенька и говорит:

— Пойдёмте, девушки, кругом. По нашей улице до конца дойдём, а по Еланской воротимся.

Про себя думает: «Пообдует Данилушку ветром, — не лучше ли ему станет».

А подружкам что... Рады-радёхоньки.

— И то, — кричат, — проводить надо. Шибко он близко живёт — провожальную песню ему по-доброму вовсе не певали.

Ночь-то тихая была, и снежок падал. Самое для разгулки время. Вот они и пошли. Жених с невестой попереду, а подружки невесты с холостяжником, который на вечеринке был, поотстали маленько. Завели девки

эту песню провожальную. А она протяжно да жалобно поётся, чисто по покойнику. Катенька видит — вовсе ни к чему это: «И без того Данилушко у меня невесёлый, а они ещё такое причитанье петь придумали».

Старается отвести Данилушку на другие думки. Он разговорился было, да только скоро опять запечалился. Подружки Катенькины тем временем провожальную кончили, за весёлые принялись. Смех у них да беготня, а Данилушко идёт, голову повесил. Сколь Катенька ни старается, не может развеселить. Так и до дому дошли. Подружки с холостяжником стали расходиться — кому куда, а Данилушко уж без обряду невесту свою проводил и домой пошёл.

Прокопъич давно спал. Данилушко потихоньку зажёг огонь, выволок свои чаши на середину избы и стоит, оглядывает их. В это время Прокопъича кашлем бить стало. Так и надрывается. Он, вишь, к тем годам вовсе нездоровый стал. Кашлем-то этим Данилушку, как ножом по сердцу, резнуло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика стало. А Прокопъич прокашлялся, спрашивает:

— Ты что это с чашами-то?

— Да вот гляжу, не пора ли сдавать?

— Давно, — говорит, — пора. Зря только место занимают. Лучше всё равно не сделаешь.

Ну, поговорили ещё маленько, потом Прокопъич опять уснул. И Данилушко лёг, только сна ему нет и нет. Поворочался-поворочался, опять поднялся, зажёг огонь, поглядел на чаши, подошёл к Прокопъичу. Постоял тут над стариком-то, повздыхал...

Потом взял балодку¹ да как ахнет по дурман-цветку, — только схрупало. А ту чашу, — по барскому-то чертежу, — не пошевелил! Плюнул только в серёдку и убежал. Так с той поры Данилушку и найти не могли.

¹ *Балодка* — небольшой кузнечный молот.

Кто говорил, что он ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал — Хозяйка взяла его в горные мастера.

На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет.

1938

Вопросы и задания

1. Подумайте, какая из представленных репродукций могла бы служить иллюстрацией к сказу П.П. Бажова (см. цветную вклейку).
2. Расскажите об отношении Данилушки к миру окружающей его природы.
3. Как вы думаете, каково значение рассказа бабушки Вихорихи о неоткрытых цветках?
4. Расскажите о жизни мальчика до его прихода к мастеру Прокопьючу.
5. Почему старый мастер Прокопьюч так быстро «потеплел» к Данилушке?
6. Прочитайте текст от слов: «Погрозился так-то, ушёл, а Прокопьюч дивуется...» до слов: «Что ещё знаю, всё тебе открою... Не потаю». Где в приведённом фрагменте выражено отношение Прокопьюча к Данилушке?
- 7*. Послушайте выразительное чтение фрагмента из сказа «Каменный цветок» (см. электронные материалы). Определите тему фрагмента, дайте ему название.
8. Прочитайте: «Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а своё придумать — не одну ночку с боку на бок повертись. Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу, а сам про другое думает». Найдите в этом отрывке афоризм.
9. О какой Хозяйке говорил Данилушке старый мастер? Что вы узнали о ней, прочитав сказ Бажова?
10. Как вы думаете, почему Хозяйка Медной горы подсказала Даниле-мастеру место, где он может найти нужный камень?

11. Перечитайте диалог Данилы и Хозяйки Медной горы. Почему, по вашему мнению, она не сразу выполняет просьбу Данилушки?

12. Мастер Данила столько времени, сил, труда, любви вложил в своё творенье — и разбил. Почему?

13. Объясните выражение: *полную силу камня показать*.

14. Какой эпизод сказа П.П. Бажова изображён на иллюстрации (с. 105)? Что вы можете сказать о характерах героев?

Сказ — повествование, имитирующее речь рассказчика (чаще всего — человека из простого народа) и ведущееся от его лица.

Живое слово

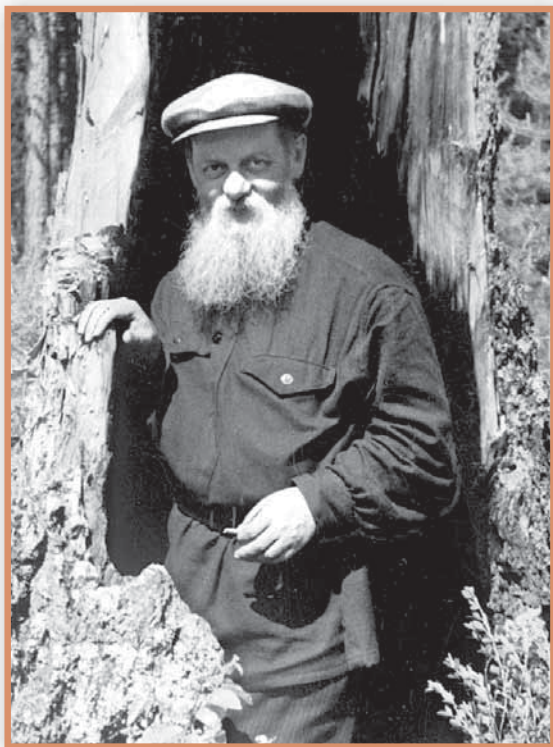

Подготовьте чтение сказа по ролям или подробный пересказ (на выбор).

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА П.П. БАЖОВА

Совсем недавно вы узнали об отношении А.И. Куприна к просторечным, диалектным словам. Оно, как вы помните, было отрицательным. Куприн не очень-то любил употреблять их в своих произведениях.

1. Представьте себе, что герои бажовского сказа говорят на языке купринских героев. Для того чтобы легче было это представить, возьмите некоторые слова, употреблённые П.П. Бажовым, и замените их словами из литературного языка, то есть подберите к ним синонимы: *вскорости, запечалиться, пособить, шибко худо*. Как вы думаете, язык персонажей от такой замены выиграет или проиграет? Аргументируйте свой ответ.

П.П. Бажов. 1940-е гг.

Часто речь героев сказа насыщается просторечными словами и выражениями, и это даёт возможность почувствовать особенность характера, своеобразие личности, ибо человек проявляется не только в деле, но и в слове. Посмотрите, какие сочные фразы присущи Прокопьючу, Данилушке, самому сочинителю: *слышь-ко*; *сходить в разгулку* (отдохнуть); *может-де*; *на неделю не хватит* (о здоровье Данилушки); *холостяжники* (неженатые парни); *дедушко*; *шибко жидко место*.

2. Подберите к следующим словам и словосочетаниям синонимы, проясняющие их значение.

Аккурат-де; вдругорядь; взыск будет; вожгаться; годов, поди, тогда двенадцати, а то и боле; дитёнок; заколодило; заместо сына держать; изъедаться; камню привезут, какой надо; работа на отличку; нарочно которые портили; неподобный; не оказывай себя; обсказать; околтать камень; оплошка выходит; отравы чистая; папор; парнишечко; полысать; помытарить; прокричался; протча; пущай; различка; расстервенился; серёдка; с лица, толк, видать, будет; хлеба полишку; чисто на музыке какой.

СКАЗ И СКАЗКА

Язык сказа близок к народному, сказочному. Но сказ отличается от сказки. Попробуем выделить основные отличия волшебной народной сказки от сказа.

Вспомните: где происходит действие в волшебной сказке? Где-то очень далеко («В некотором царстве, в некотором государстве», «за тридевять земель, в тридесятом царстве» и т.д.). Пространство сказки фантастическое, отдалённое. В сказе место действия реальное, конкретное, в нём живёт рассказчик — это *первое отличие*.

Второе отличие связано с образом рассказчика. Он в сказке не свидетель и не участник повествования; он рассказывает о «делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой». В сказе рассказчик либо свидетель, либо участник событий. Создаётся ощущение, что эти события происходили совсем недавно.

Время между рассказом и происходившими в волшебной сказке событиями отдалено, иногда до бесконечности. В сказе это время максимально приближено к моменту повествования. Это *третье отличие*.

Четвёртое — характеристика героев. В волшебной сказке характеры главных героев не зависят от соци-

Уральская малахитовая ваза

ального статуса (и Иван-царевич, и Иван — крестьянский сын одинаково положительные герои). В сказе это различие очевидно и очень значимо (приказчик не может быть положительным героем, а мастер-труженик не может быть отрицательным).

Наконец, *пятое отличие* — в характере волшебства. В сказке превращения, волшебство — это основа действия. Именно с помощью волшебной силы главный герой сказки побеждает врагов. В сказе волшебная сила — лишь источник вдохновения для мастера.

Живое слово

Сопоставьте сказ П.П. Бажова с русской волшебной сказкой. Оформите свои размышления в виде компьютерной презентации.

**АНДРЕЙ
ПЛАТОНОВИЧ
ПЛАТОНОВ
(КЛИМЕНТОВ)
1899—1951**

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия — Климентов) родился в Воронеже в семье слесаря железнодорожных мастерских. Сам он так писал об этом: «Я родился в слободе Ямской при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слёз любил, не видя её до двенадцати лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри... не дома, а хаты, куры, сапожники...

Работал я во многих местах, у многих хозяев. У нас семья была одно время в десять человек, а я — старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Кроме поля, матери и колокольного звона, я любил ещё (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машины, поющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что всё делается, а не само родится.

...И теперь исполняется моя долгая, упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно моё сердце...

Теперь исполняется эта мечта. Человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу!»

Учился Платонов в церковно-приходской школе, затем в городском училище. В пятнадцать лет начал

М.В. Климентова — мать писателя. 1927 г.

П.Ф. Климентов — отец писателя. 1930-е гг.

А.П. Климентов —
фотография писателя
в детстве. 1915 г.

работать, сменил несколько профессий — был подсобным рабочим, литейщиком, слесарем, мелиоратором, помощником машиниста, участвовал в электрификации Воронежской губернии, в осушении болот и строительстве колодцев. Ещё подростком писал стихи, которые печатались после революции в местных газетах и журналах. Одновременно писал и прозу, критические статьи, очерки. Работал журналистом в Воронеже. Участвовал в Великой Отечественной войне: с сентября 1942 года до конца войны в качестве специального корреспондента газеты «Красная звезда» находился на фронтах. Его корреспонденции и рассказы публиковались в газетах и журналах, выходили отдельными сборниками.

В последние годы жизни писатель, несмотря на тяжёлую болезнь, много работал: писал киносценарии, рассказы, обрабатывал народные сказки.

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушёл на главную работу — на войну и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет.

В избе и на всём дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернётся и тогда покормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, — говорила мать. — Ты умный теперь, а тут всё добро наше — в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету, — говорил Никита. — А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

— Да, а солнце ведь далече, — отвечал Никита, — и его облако закроет.

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу — горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пришёл пеший через порог и искал себе зёрнышко в жилой земле избы. Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и муху, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая

Иллюстрации к рассказу «Никита» —
художник Л.П. Дурасов. 1980-е гг.

бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днём он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живёшь, — приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком. — Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть, тебе трудовень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль!» — подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошёл от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся на бок либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был — тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, но живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до

земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стёжки.

У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы! — тихо попросил Никита. — Отец придёт с войны — всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель: я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

— Там житель в бочке живёт! — сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живёшь? — спросил Никита. — Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были

с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные, они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

— Я вам дам! — сказал в колодец Никита. — Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь ещё великан живёт и его дети!» — понял Никита.

— Дедушка! — поглядев на солнце, крикнул он вслух. — Дедушка, ты там? — И Никита побежал назад к дому.

У сарая он опомнился. Под плетнёвую стену сарая уходили две земляных норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи? Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрёт.

Никита побежал скорее домой, взял там два куса хлеба со стола и принёс их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пенёк. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова человека. У пня были глаза, нос и рот, и пенёк молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живёшь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пеньёк крикнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать. Мать в поле далеко, до неё добежать не успеешь. Никита ушёл от сердитого пня в сени избы. Там было нестрашно, там мать недавно дома была. В избе стало теперь жарко.

Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол — это тоже человек, только на четырёх ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась по-чёрному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда ещё живым был.

Банька была старая и омшелая вся, скучная избушка.

«Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! — в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. — Ишь, живёт себе, вон у неё голова есть — это не труба, а голова — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошёл во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть её в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом; значит, петух этот — тоже человек, только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к жёлтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием.

— Я думал, ты правда цвет! — сказал Никита. — А дай я посмотрю — что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель — тело цветка — и увидел в нём молоко.

— Ты маленький ребёнок был, ты мать свою сосал! — удивился Никита.

Он пошёл к старой бане.

— Бабушка! — тихо сказал ей Никита. Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» — подумал Никита.

Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно думало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками-ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

— Вы зачем тут живёте? — сказал Никита. — Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица людей отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи — они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лёг на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они корябаются руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живёт и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из чёрной застрехи сарая. Он обернулся к избе. Изба смотрела на него, как проходная старая тётка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутёвые, нарожали вас на свет — хлеб пшеничный даром жевать».

— Мама, иди домой! — попросил Никита далёкую мать. — Пускай тебе половину трудодня¹ запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошёл за сарай, он хотел поглядеть, не вылезает ли пень-голова из земли; у пня рот большой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой?

¹ *Трудодень* — форма учёта труда в коллективных хозяйствах — колхозах.

Никита издали робко посмотрел на пенёк в огороде. Сумрачное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморгающими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвался пенёк-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь как чужие люди и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако застило свет, и солнца теперь не было видно.

— Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвёл от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле.

Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом утомился и сел в тени овина на околице.

Никита сел ненадолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита пошёл было далее, в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки, взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита, — сказал солдат. — Ты уж давно позабыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушёл на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

— Это твой отец домой пришёл, Никитушка, — сказала мать и утёрла передником слёзы с лица.

Никита осмотрел отца — лицо его, руки, медаль на груди и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдёшь от нас?

— Нет, — произнёс отец. — Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали: видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не корябался оттуда наружу, на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошёл с ним по двору, оглядывая, — где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно, а что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мёртвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше её не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал разваливаться, он сотлел насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-голова не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец провёл сына домой в избу.

— Нет, он давно умер, — сказал отец. — Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луне покойная бабушка снова живёт.

— А на солнце дедушка! — сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были — и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай всё трудом работать, и все живые будут.

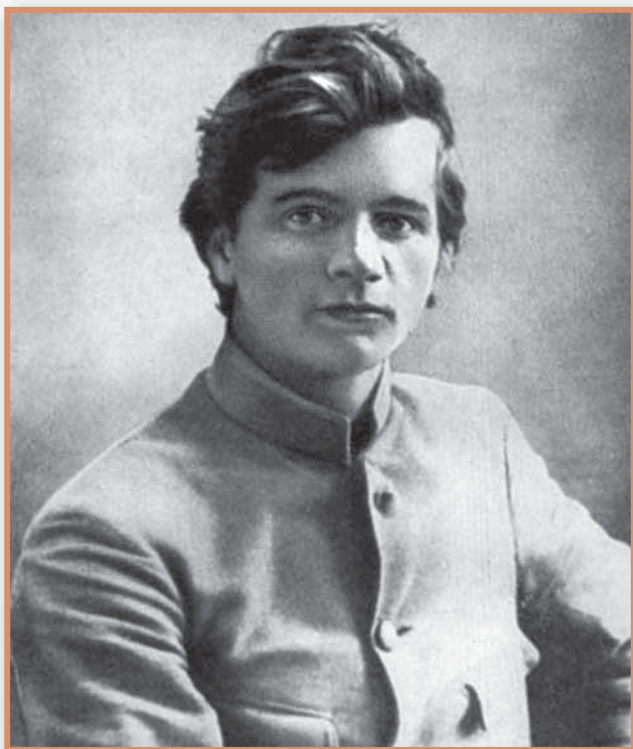
— Давай, сынок, — согласился отец. Отец верил, что Никита останется добрым на весь свой долгий век.

1945

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

Никита ведёт разговор с окружающим его миром вещей, предметов, явлений. Они предстают в совершенно разных «обличьях»: солнце доброе и далёкое — это дедушка; старый пень в огороде — голова человека, у которого «были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался»; в бочке живёт маленький человек. «Борода у него... длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стёжки». Борода совсем как у пушкинского Черномора или почти такая же! А в колодце «великан живёт и его дети».

Попытаемся объяснить это удивительное мировосприятие. С чем оно связано?

А.П. Платонов. 1920-е гг.

В первую очередь, конечно, с богатым воображением мальчика. Вспомните себя: вы ничего из окружающего вас мира вещей, предметов, явлений в доме, в лесу, в поле не представляли живыми существами? Не вели с ними беседы? Не пугались их? Может быть, вы расскажете об этом, если подобное с вами случилось?

Второе наблюдение, которое мы должны с вами сделать: этот мир явлений и предметов для мальчика чётко делится на два — добрый (солнце-дедушка) и опасный (бочка, вода в колоде, старый пенё), внушающий мальчику страх. От страха-то он и бежит за помощью к матери. «Мама, иди домой! — попросил

Никита далёкую мать. — Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!»

Обратите внимание на очень важную деталь: мальчик понимает, что отца нет и трудодень — это спасение для него и для мамы, но он согласен даже на половину трудодня, только бы не оставаться с этими чужими, что пришли и живут у них во дворе.

Эта неведомая сила, которую почти реально видит мальчик, приводит его в состояние тревоги, вызывает чувство страха, опасности: «Он занемог от страха; ноги его стали теперь как чужие люди и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить».

Между тем страхи мальчика не случайны. Они живут в нём как тысячелетняя память. Наверное, так же пугались и древние люди, представляя те или иные предметы и явления живой силой, вернее, наделяя их свойствами живых людей. Это состояние Никиты — проявление мифологического сознания, которое руководит мальчиком с богатой фантазией.

Зачем же Платонову понадобился этот приём? Никита один в этом пространстве, в этом мире. Он беззащитен. Исподволь готовится финал рассказа. Вспомните, как начинается повествование: «А отца в семействе не было; отец давно ушёл на главную работу — на войну и не вернулся оттуда». И вот — развязка событий: вернулся отец с войны; он не забывал мальчика никогда: «умирал и помнил». «Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать».

1. Расскажите о жизни и судьбе родителей Никиты.
2. Чем занимался мальчик, оставшись дома один?
3. Какими виделись ему предметы, находящиеся за пределами знакомого ему мира?
4. О ком вспоминает Никита, глядя на солнце? Почему?
5. Проследите, как меняется характер отношения мальчика к предметам. Найдите, прочитайте эти эпизоды. Отметьте ключевые слова.
6. Понял ли отец Никиту и как объяснил сыну, почему прежние предметы казались злыми?
7. В какой фразе наиболее точно, ёмко, полно проявляется главная мысль рассказа А.П. Платонова? Аргументируйте свою точку зрения.
8. Как вы понимаете предложение: «Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом»?
9. Объясните словосочетание: *буду век вековать*.
10. Всё ли в рассказе А. Платонова реально, как в жизни, или есть эпизоды неправдоподобные, фантастические? Вспомните определение фантастики. Как в этих эпизодах проявляется характер мальчика?
11. Как вы понимаете концовку рассказа?
- 12*. Можно ли сравнить детское восприятие мира и отношение древнего человека к мирозданию, выраженное в мифах? В чём сходство и различие?
13. Составьте описание первой иллюстрации художника Л.П. Дурасова. Отметьте особенности композиции рисунка. Почему художник на переднем плане изобразил героя рассказа, а на заднем — дом и солнце?

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, — сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду, — ответил дед. — Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать, — обещал дедушка Тит. — Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяти будет, глаза уж сами жмурятся.

— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь, ничего не видишь.

— Да я уж всё видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть живёт отдельно. Руки дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей

видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка! — попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мамы нету, папы нет, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже утомились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка, — просил Афоня. — Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю, — ответил дедушка Тит с печки.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолodu думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Всё, Афоня, я всё знаю.

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про всё!
— А? — произнёс дедушка Тит.
— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня умирался его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка, — сказал Афоня. А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит — тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдём сейчас белый свет пытаться.

Старый Тит испил квасу, взял Афонию за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афонию полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь — песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня. — Тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.

— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково, — сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его, или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднимающие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл опять в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед. — А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мёртвом песке живут?

— Не сказывали, — ответил Афоня. — Ты вон сколько живёшь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

— Правда твоя, — согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться, — сказал Афоня. — Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

<1946—1947>

Вопросы и задания

1. В рассказах А.П. Платонова «Никита» и «Цветок на земле» передано восприятие мира ребёнком. Есть ли что-то общее у маленьких героев? Расскажите.
2. Что сумел понять Афоня из объяснений дедушки?
3. В чём смысл названия рассказа «Цветок на земле»? В каких словах произведения этот смысл раскрывается наиболее полно?
4. Какие художественные средства использует писатель в рассказе?
- 5*. В чём проявляется отношение автора к происходящему и героям? Дайте развёрнутый ответ.
- 6*. Выпишите из текста рассказа «Цветок на земле» просторечные слова и выражения, необычные по строю и звучанию сочетания слов и предложений. Объясните, с какой целью они употребляются. Сформулируйте вывод о своеобразии художественного языка рассказа.
7. В чём, как вы думаете, проявляется незримое присутствие войны в рассказах А. Платонова «Никита» и «Цветок на земле»?
8. Рассмотрите репродукцию картины А.А. Пластова «Сенокос» (цветная вклейка). Что сближает эту картину с рассказом А.П. Платонова «Цветок на земле»?

ИЗ ПОЭЗИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В годы Великой Отечественной войны поэзия стала подлинным голосом народа, выражением чувств и мыслей людей, объединившихся для защиты страны. Как и миллионы соотечественников, советские писатели участвовали в войне. Воевали, переноса все тяготы и невзгоды, работали военными корреспондентами, а в перерыве между сражениями писали стихи. Пережитое складывалось в поэтические строки. Многие поэты не вернулись с фронта — погибли в боях за Родину. Некоторые взяли за перо уже после Победы. О войне писали и пишут и те, кто не воевал, но, обращаясь к прошлому своей страны, проживал грозные годы, словно был там: в окопах и блиндажах, в боях на суше и на море. Словно ходил в атаку и терял боевых товарищей.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РЫЛЕНКОВ (1909—1969)

Н.И. Рыленков ушёл на фронт в 1941 году, командовал сапёрным взводом, рыл окопы, возводил противотанковые рвы, а по ночам в землянке писал стихи.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА

На жаркое дело ушёл отряд,
Назад не вернётся до солнышка.
А ночь темна,
А раны болят,
Сестрица моя, Алёнушка!

Фашисты придут —
Вздохнуть не дадут,
Всю вытряхнут душу — до донышка.
Закрой же дверь,
Останься тут,
Сестрица моя, Алёнушка!

Ты слышишь, как плачет филин навзрыд,
Глухая, лесная сторонушка...
Склоняясь к изголовью его, говорит
Сухими губами Алёнушка:

«Скрипит под ногой часового наст,
Застыл пулемёт у пёнушка,
В обиду тебя никому не даст
Сестрица твоя — Алёнушка!»

1943

Вопросы и задания

1. Какой фольклорный образ напоминает героиня стихотворения Н.И. Рыленкова? В чём сходство и в чём различие этих образов?
2. В стихотворении поэт использует художественные средства, характерные для народного творчества. Какие?
- 3*. Где происходят события, изображённые в стихотворении? О каком отряде говорится в тексте? Что вы знаете о таких отрядах?

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДРУНИНА (1924—1991)

Ю.В. Друнина добровольцем ушла на войну, была санитаркой в пехотном полку, получила ранение. Война не отпускала Друнину всю жизнь — военная тема стала главной в её творчестве.

* * *

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я ещё, ребята, не жила...

И бойцы вокруг неё толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрагнет он и отойдёт к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле чёрного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
— Я ещё, ребята, не жила...

Вопросы и задания

1. Какой вы представляете себе восемнадцатилетнюю героиню?
2. Что объединяет центральные образы стихотворений Н.И. Рыленкова и Ю.В. Друниной? Какие качества характера присущи двум героиням? Запишите ключевые слова.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ (1921—1977)

С.С. Орлов воевал танкистом на Волховском и Ленинградском фронтах. В 1944 году горел в подбитом танке и едва остался жив. Танковому сражению, в котором он получил боевое крещение, поэт посвятил стихотворение «Это было 19 марта 1943 года».

* * *

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берёз
Победу Девятого мая
Отпразднуют люди без слёз.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.
Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду, —
Что было Девятого мая
Весной в сорок пятом году.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, когда «Победу Девятого мая / Отпразднуют люди без слёз»? Сегодня уже наступило это время?
2. Третья строфа и грустная, и оптимистическая одновременно. Почему?

3. Чему посвящена заключительная строфа? Что особенно дорого С.С. Орлову?

4*. Центральные образы стихотворения — Победа и Время. Как раскрывается идея произведения в этих образах?

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ФАТЬЯНОВ **(1919—1959)**

А.И. Фатьянов встретил войну, находясь на гастролях в авиагарнизоне под Брянском. Был в окружении, дважды получил ранение. Фатьянов очень много работал — ездил с ансамблем по стране, вёл концерты, писал стихи и сценарии. Вместе с композитором В.П. Соловьёвым-Седым создал песни, которые узнала и полюбила вся страна.

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот,
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесёт?

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным вёрстам счёт.
За победу мы б по полной осушили,
За друзей добавили б ещё.

Если ты случайно неженатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы видно было по всему, —
Здесь живёт семья советского героя,
Грудью защитившего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

1945 (1946)

Вопросы и задания

1. Песня «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» стала любимой у миллионов людей нашей страны. Простые искренние слова, трогательная, словно бы из самого сердца льющаяся музыка не могли оставить равнодушными тех, кто знал о войне не понаслышке. Послушайте песню, расскажите, какие чувства она вызвала у вас.
2. От чьего имени ведётся разговор? Кто центральный персонаж стихотворения? О чём он мечтает?
3. Какой самый главный подвиг совершили «боевые спутники» лирического героя? Дайте ответ строчкой из стихотворения.

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ (1938—1980)

В.С. Высоцкий — актёр театра и кино, поэт и певец, исполнитель собственных песен. Когда началась война, Володе было всего три года, и о войне он узнавал от отца-военнослужащего, из рассказов участников, из

кино и книг. Он так остро переживал её трагические и героические будни, что война стала одной из главных тем в его творчестве, и многие читатели, плохо знакомые с биографией поэта, считали, что песни написаны участником событий.

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему всё не так? Вроде — всё как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор,
Вдруг заметил я: нас было двое...
Для меня будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, будто из плена, весна —
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» — а в ответ — тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих...
Всё теперь одному, только кажется мне:
Это я не вернулся из боя.

1969

Вопросы и задания

1. О чём вспоминает лирический герой? Какие детали общения с другом возникают в его памяти? Почему именно они?
2. Какие сравнения использует поэт? Объясните их.
3. Как вы думаете, почему в этом стихотворении, своеобразном некрологе¹, вдруг появляется образ весны, которая словно «вырвалась из плена»?
4. Объясните строки, начинающиеся с повтора: «Наши мёртвые нас не оставят в беде, / Наши павшие — как часовые».
5. Как вы понимаете последнюю строфу?
6. Послушайте песню на эти стихи в исполнении автора. Расскажите, как исполнение барда² В.С. Высоцкого обогащает ваше восприятие его строк.

После уроков

1. В разделе «Из поэзии о Великой Отечественной войне» приведена очень краткая информация о каждом авторе. Найдите дополнительные материалы и подготовьте небольшой рассказ о жизни и творчестве одного из поэтов.
2. Составьте литературно-музыкальную композицию из фрагментов произведений, помещённых в учебнике и найденных самостоятельно. Подберите музыку и художественное оформление. Пригласите на представление учеников вашей школы, педагогов и родителей.

¹ *Некролог* — небольшая статья, посвящённая недавно ушедшему из жизни человеку.

² *Бард* — поэт и певец, автор-исполнитель собственных песен.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ 1908—1976

Николай Носов родился в 1908 году в посёлке Ирпень недалеко от Киева в семье эстрадного артиста. С младенческих лет он любил мечтать и в своих мечтах перепробовал десятки замечательных профессий. Особенно его влекла музыка, и он хотел «стать кем-то вроде Паганини¹». В девятнадцать лет он поступил в Киевский художественный институт, откуда в 1929 году перевёлся в Московский государственный институт кинематографии. Может быть, именно это помогло ему впоследствии так чётко и ярко видеть и создавать образы героев своих рассказов и повестей: Н.Н. Носов был режиссёром мультипликационных фильмов, учебных и научных лент. В годы Великой Отечественной войны он работал над созданием военно-технических фильмов.

Писателем, по его собственным словам, он стал случайно: после рождения сына приходилось часто рассказывать малышу различные истории, сочинять сказки, которые с удовольствием слушал не только сын, но и его маленькие приятели.

Первый его рассказ «Затейники» был напечатан в 1938 году. А первая тоненькая книжка «Тук-тук-тук» вышла в 1945 году. С тех пор были изданы десятки его

¹ *Паганини Никколо* (1782—1840) — известный итальянский скрипач, композитор.

книг, и за Н.Н. Носовым прочно закрепилась слава «самого весёлого писателя». Когда в 1954 году вышла одна из самых известных книг Н.Н. Носова — трилогия «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе» и «Незнайка на Луне», тысячи мальчишек и девчонок засыпали писателя просьбами, чтобы приключения Незнайки никогда не кончались.

Произведения Н.Н. Носова с увлечением читают дети не только в нашей стране. Его книги переведены на языки многих народов мира.

Возвращаясь к теме

Какие произведения Н.Н. Носова вы читали в начальной школе? Кто из героев писателя вам особенно понравился и запомнился? Почему?

Литературная игра

С творчеством Н.Н. Носова многие из вас хорошо знакомы. Разбейтесь на группы, пусть каждая команда подготовит сценку из любой книги Носова, а остальные отгадают, из какого произведения этот эпизод.

«Незнайка в Солнечном городе».
Художник А.М. Лаптев. 1950-е гг.

Жили-были три весёлых охотника: дядя Ваня, дядя Федя да дядя Кузьма. Вот пошли они в лес. Ходили, ходили, много разных зверушек видели, но никого не убили. И решили устроить привал: отдохнуть, значит. Уселись на зелёной лужайке и стали рассказывать друг другу разные интересные случаи.

Первым рассказал охотник дядя Ваня.

— Вот послушайте, — сказал он. — Давно это было. Пошёл я как-то зимою в лес, а ружья у меня в ту пору не было: я тогда маленький был. Вдруг смотрю — волк. Огромный такой. Я от него бежать. А волк-то, видать, заметил, что я без ружья. Как побежит за мной!

«Ну, — думаю, — не удрать от него мне».

Смотрю — дерево. Я на дерево. Волк хотел цапнуть меня, да не успел. Только штаны сзади зубами порвал. Залез я на дерево, сижу на ветке и трясусь от страха. А волк сидит внизу на снегу, поглядывает на меня и облизывается.

Я думаю: «Ладно, посижу здесь до вечера. Ночью волчишка заснёт, я от него удержу».

К вечеру, однако, ещё один волк пришёл. И стали они меня вдвоём караулить. Один волк спит, а другой стережёт, чтоб я не сбежал. Немного погодя пришёл третий волк. Потом ещё и ещё. И собралась под деревом целая волчья стая. Сидят все да зубами щёлкают на меня. Ждут, когда я свалюсь к ним сверху.

Под утро мороз ударил. Градусов сорок. Руки-ноги у меня закоченели. Я не удержался на ветке. Бух вниз! Вся волчья стая как набросится на меня! Что-то как затрещит!

«Ну, — думаю, — это кости мои трещат».

А оказывается, это снег подо мной провалился. Я как полечу вниз и очутился в берлоге. Внизу, оказывается, медвежья берлога была. Медведь проснулся, выскочил от испуга наружу, увидел волков и давай их драть. В одну минуту разогнал всех волчишек.

Я осмелел, потихоньку выглянул из берлоги. Смотрю: нет волков — и давай бежать. Прибежал домой, еле отдышался. Ну, моя маменька дырку на штанах зашила, так что совсем незаметно стало. А папенька, как узнал про этот случай, так сейчас же купил мне ружьё, чтоб я не смел без ружья по лесу шататься. Вот и стал я с тех пор охотник.

Дядя Федя и дядя Кузьма посмеялись над тем, как дядя Ваня напугался волков. А потом дядя Федя и говорит:

— Я раз тоже в лесу напугался медведя. Только это летом было. Пошёл я однажды в лес, а ружьё дома забыл. Вдруг навстречу медведь. Я от него бежать. А он за мной. Я бегу быстро, ну, а медведь ещё быстрее. Слышу, уже сопит за моей спиной. Я обернулся, снял с головы шапку и бросил ему. Медведь на минутку остановился, обнюхал шапку и опять за мной. Чувствую — опять настигает. А до дому ещё далеко. Снял я на ходу куртку и бросил медведю. Думаю: хоть на минуточку задержу его.

Ну, медведь разодрал куртку, видит — ничего в ней съедобного. Снова за мной. Пришлось мне бросить ему и брюки, и сапоги. Ничего не поделаешь: от зверя-то надо спастись!

Выбежал я из леса в одной майке и трусиках. Тут впереди речка и мостик через неё. Не успел я перебежать через мостик — как затрещит что-то! Оглянулся я, а это мостик под медведем рухнул. Медведь бултых в речку!

«Ну, — думаю, — так тебе и надо, бродяга, чтоб не пугал людей зря».

Только под мостиком было неглубоко. Медведь вылез на берег, отряхнулся как следует и в лес обратно ушёл.

А я говорю сам себе:

«Молодец, дядя Федя! Ловко медведя провёл! Только как мне теперь домой идти? На улице люди увидят, что я чуть ли не голышом, и на смех поднимут».

И решил: посижу здесь в кусточках, а стемнеет, пойду потихоньку. Спрятался я в кустах и сидел там до вечера, а потом вылез и стал пробираться по улицам. Как только увижу, что кто-нибудь идёт навстречу, сейчас же шмыгну куда-нибудь за угол и сижу там в потёмках, чтоб на глаза не попадаться.

Наконец добрался до дома. Хотел дверь открыть, хватать-похватать, а ключа у меня и нет! Ключ-то у меня в кармане лежал, в куртке. А куртку-то я медведю бросил. Надо бы мне сначала ключ из кармана вынуть, да не до того было.

Что делать? Попробовал дверь выломать, да дверь оказалась крепкая.

«Ну, — думаю, — не замерзать же ночью на улице».

Высадил потихоньку стекло и полез в окошко.

Вдруг кто-то меня за ноги хватать! И орёт во всё горло:

— Держите его! Держите!

Сразу людей набежало откуда-то. Одни кричат:

— Держите его! Он в чужое окошко лез!

Другие вопят:

— В милицию его надо! В милицию!

Я говорю:

— Братцы, за что же меня в милицию? Я ведь в свой дом лез.

А тот, который схватил меня, говорит:

— Вы его не слушайте, братцы. Я за ним давно слежу. Он всё время по тёмным углам прятался. И дверь хотел выломать, а потом в окно полез.

Тут милиционер прибежал. Все ему стали рассказывать, что случилось.

Милиционер говорит:

— Ваши документы!

— А какие у меня, — говорю, — документы? Их медведь съел.

— Вы бросьте шутить! Как это медведь съел?

Я хотел рассказать, а никто и слушать не хочет.

Тут на шум соседка тётя Даша из своего дома вышла. Увидала меня и говорит:

— Отпустите его. Это же наш сосед, дядя Федя. Он на самом деле в этом доме живёт.

Милиционер поверил и отпустил меня.

А на другой день купил я себе новый костюм, шапку и сапоги. И стал я с тех пор жить да поживать да в новом костюме щеголять.

Дядя Ваня и дядя Кузьма посмеялись над тем, что приключилось с дядей Федей. Потом дядя Кузьма сказал:

— Я тоже однажды медведя встретил. Это было зимой. Пошёл я в лес. Гляжу — медведь. Я бах из ружья. А медведь брык на землю. Я положил его на санки и повёз домой. Тащу его по деревне на санках. Тяжело. Спасибо, деревенские ребяташки помогли мне его довести до дома.

Привёз я медведя домой и оставил посреди двора. Сынишка мой Игорёк увидел и от удивления рот разинул.

А жена говорит:

— Вот хорошо! Сдерёшь с медведя шкуру, и сошьём тебе шубу.

Потом жена и сынишка пошли пить чай. Я уже хотел начать сдирать шкуру, а тут, откуда ни возьмись, прибежал пёс Фоксик да как цапнет медведя зубами за ухо! Медведь как вскочит, как рывкнет на Фоксика! Оказалось, что он не был убит, а только обмер от испуга, когда я выстрелил.

Фоксик испугался и бегом в конуру. А медведь как бросится на меня! Я от него бежать. Увидел у курятника лестницу и полез вверх. Взобрался на крышу. Гляжу, а медведь вслед за мной полез. Взгромоздился он тоже на крышу. А крыша не выдержала. Как рухнет! Мы с медведем полетели в курятник. Куры перепугались. Как закудахчут, как полетят в стороны!

Я выскочил из курятника. Поскорей к дому. Медведь за мной. Я в комнату. И медведь в комнату. Я зацепился ногой за стол, повалил его. Вся посуда посыпалась на пол. И самовар полетел. Игорёк от страха под диван спрятался.

Вижу я — бежать дальше некуда. Упал на кровать и глаза с перепугу зажмурил. А медведь подбежал, как тряхнёт меня лапой, как зарычит:

— Вставай скорее! Вставай!

Я открыл глаза, смотрю, а это жена меня будит.

— Вставай, — говорит, — уже утро давно. Ты ведь собирался идти на охоту.

Встал я и пошёл на охоту, но медведя в тот день не видал больше. И стал я с тех пор жить да поживать, да щи хлебать, да хлеб жевать, да в новом костюме щеголять, во!

Дядя Ваня и дядя Федя посмеялись над этим рассказом. И дядя Кузьма посмеялся с ними.

А потом все трое пошли домой. Дядя Ваня сказал:

— Хорошо поохотились, правда? И зверушки ни одной не убили, и весело время провели.

— А я и не люблю убивать зверушек, — ответил дядя Федя. — Пусть зайчики, белочки, ёжики и лисички мирно в лесу живут. Не надо их трогать.

— И птички разные пусть тоже живут, — сказал дядя Кузьма. — Без зверушек и пичужек в лесу было бы скучно. Никого убивать не надо. Животных надо любить.

Вот какие были три весёлых охотника.

1965

Вопросы и задания

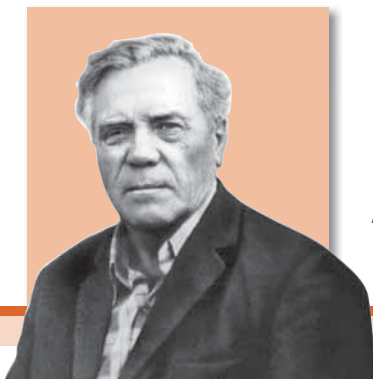

1. Рассказы охотников — это правда или весёлый вымысел? В чём смысл их историй? Найдите в тексте слова, важные для понимания отношения героев к природе.
- 2*. Найдите и рассмотрите репродукцию картины В.Г. Перова «Охотники на привале». Как вы думаете, может ли эта картина служить иллюстрацией к рассказу Носова? Почему?
3. Подготовьтесь дома к выразительному чтению рассказа, а в классе прочитайте рассказ по ролям.
4. Какие просторечные слова и выражения использует писатель? Как вы думаете, с какой целью?

После уроков

Подготовьтесь к викторине «Произведения Н.Н. Носова на экране: кинофильмы и мультипликация». Проведите эту викторину.

**ВИКТОР
ПЕТРОВИЧ
АСТАФЬЕВ
1924—2001**

Виктор Петрович Астафьев всю жизнь был верен родной земле — далёкой сибирской деревне Овсянка Красноярского края, где родился в 1924 году. Здесь был его дом — в нём он жил и работал, принимал самых высоких гостей, которые хотели с ним встретиться. По этой деревенской улице его проводили в последний путь односельчане и многочисленные ценители его таланта, похоронили, как он завещал, рядом с могилой дочери на сельском кладбище.

В семь лет он лишился матери: Лидия Ильинична утонула в 1931 году в Енисее. И только заботами бабушки Екатерины Петровны было скрашено сиротское детство. Нужно было обладать выносливостью, силой духа, особым характером, чтобы преодолеть все удары судьбы и сохранить душевное здоровье, уметь радоваться жизни, не согнуться и не сломаться. Достаточно перечислить профессии, которые переменил Астафьев, чтобы понять, как жизнь испытывала его на прочность: дежурный по вокзалу, литейщик, грузчик, ночной сторож, литературный сотрудник малотиражной газеты. А к этому надо добавить самое большое испытание — солдат Великой Отечественной войны: три года фронта, тяжёлое ранение, гос-

питали. «Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, которые не покидают, да и никогда, верно, не покинут тех, кто прошёл войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, порой не успев ещё и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поест, я думаю о ёлочке, которая растёт в лесу, на пне. Она уже, наверное, большая-пребольшая...» — писал Виктор Астафьев, рассказывая простенькую историю о ёлочке, которая растёт на прахе срубленного дерева и потому отличается особой жизнестойкостью среди хилых подружек, напрасно пытающихся выжить на голой каменистой почве. Этот рассказ-притча точно передаёт жизнестойкость человека, проживающего свою человеческую и писательскую жизнь, питаясь болью воспоминаний о «срубленных» войной товарищах по окопам. Писатель чувствовал вину перед теми, кто недоучился, недолюбил, недожил. Его согревали надежды о вечности их жизни в памяти людей.

В городе Игарке, где учился Астафьев, преподавал русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, ставший позже известным сибирским поэтом. «Преподавал он, как я теперь понимаю, свои предметы хорошо, заставлял нас “шевелить мозгами” и не слизывать из учебников изложения, а писать сочинения на вольные темы...» Одной из таких тем стали летние каникулы. «А я летом заблудился в тайге, много дней провёл один, и вот обо всём этом и написал. Сочинение моё было напечатано в рукописном школьном журнале под названием “Жив”. Много лет спустя я вспомнил о нём, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось “Васюткино озеро” — мой первый рассказ для детей».

1. Расскажите о жизни В.П. Астафьева. Какие факты его биографии кажутся вам самыми значительными?
2. Какой вы представляете себе личность В.П. Астафьева?

ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное для Васютки. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки — озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то что, скажем, Байкал, но Васютка сам нашёл его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек, потому что велика наша Родина, и, сколько по ней ни броди, всё будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина — Васюткиного отца — совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморозь и тёмные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Заспались рыбаки, рассолодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга тёплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

— Нету нам нынче фарту, — ворчал Васюткин дедушка Афанасий. — Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придёт время — ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать. Спорить с дедушкой — дело бесполезное, потому никто с ним не связывался. Далеко ушли рыбаки в низовье Енисея и наконец остановились. Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад учёной экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвернутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

— Шабаш, ребята! — сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка закончилась. — Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря дойти.

Он обошёл вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подправил съехавшие в сторону пластушины корья¹ на крыше. Спустившись по дряхлой лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину, а пока вести промысел паромами и перемётами. Лодки же, невода, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы. Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили невода, конопатили лодки, изготавливали якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли перемёты² и спаренные сети — паромы, которые ставили вдали от берега.

¹ *Корьё* — кора, снятая с дерева.

² *Перемёт* — рыболовная снасть со многими крючками.

Рыба в эти ловушки попадала ценная: осётр, стерлядь, таймень, частенько налим, или, как его в шутку называли в Сибири, поселенец. Но это спокойный лов. Нет в нём азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвётся наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню¹ вытаскивают рыбы по несколько центнеров.

Совсем скучное житьё началось у Васютки. Поиграть не с кем — нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнётся учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина рыбосборочного бота, уже учебники новые из города привёз. Днём Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки. Вечерами в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щёлкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедры он уже обколотил. С каждым днём приходилось забираться всё дальше и дальше вглубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнёт.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря и с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего десять дней. Потом засобирался по кедровые шишки.

Мать недовольно сказала:

— К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадаешь.

— Чего ты, мамка? Орехи кто-то должен добывать? Должен. Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

¹ *Тоня* — пространство реки или другого водоёма, на котором производится лов рыбы.

— «Охота, охота!» Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьём на плече и с патронташем на поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напомнила:

— Ты от затесей¹ далеко не отходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идёшь в лес — бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то ещё придерётся к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шёл он по тайге, следил за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таёжная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку на одном дереве, отойдёт немного, ещё топором тукнет, потом ещё. За этим человеком пойдут другие люди; собьют каблуками мох с валежин, притопчут траву, ягодники, отпечатают следы в грязи, и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что морщинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тропинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут. Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таёжника, рано появилась у Васютки. Он ещё долго думал бы о дороге и о всяких таёжных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

¹ *Затесь* — стёс, сделанный на дереве топором.

«Кра-кра-кра!..» — неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук. Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во всё горло. Ей так же горласто откликались подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружьё, прицелился и щёлкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков от роду.

— «Кра-кра!» — передразнил Васютка кедровку и запустил в неё палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружьё в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось её скрипучее «кра!».

— Тьфу, ведьма проклятая! — выругался Васютка и пошёл.

Ноги мягко ступали по мху. На нём там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнёздышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел её со всех сторон и покачал головой:

— Эх и пакость же ты!

Бранился Васютка так, для солидности. Он ведь знал, что кедровка — птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

Наконец Васютка облюбывал дерево и полез на него. Намётанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок и, не торопясь, закурил. Попыхивая сигаркой, оглядел окружающий лес и облюбовал ещё один кедр.

— Обоюсь и этот, — сказал он. — Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу.

Он тщательно заплевал сигарку, придавил её каблуком и пошёл. Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую чёрную птицу. «Глухарь!» — догадался Васютка, и сердце его замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему ещё не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостойну. Попробуй подкрасись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и поддразнивает её. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет. Васютка же, как назло, не позвал с собою Дружка. Обругав себя шёпотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затаивал, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперёд. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!

...Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... Тр-рах! — и чёрная птица, хлопая крыльями, полетела вглубь леса.

«Ранил!» — встрепенулся Васютка и бросился за подбитым глухарём.

Только теперь он догадался, в чём дело, и начал беспощадно корить себя:

— Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? Он чуть не с Дружка!..

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Глухарь слабел. Вот он, уже не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь всё — догоню!» — уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко. Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

— Стоп, голубчик, стоп! — радостно бормотал Васютка. — Не уйдёшь теперь! Ишь, какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю — будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любясь чёрными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, — прикинул он и сунул птицу в мешок. — Побегу, а то мамка наподдаст по загривку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывал, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно, тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Лишь кое-где виднелись хилые берёзки с редкими жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И все же от него веяло чем-то чужим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он быстро, внимательно присматриваясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

— Ффу-ты, чёрт! Где же затеси? — Сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. — Всё этот глухарина! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, — заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. — Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак... Почти голая сторона у ели — значит, в ту сторону север, а где ветвей больше — юг. Та-ак...

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на какой — новые. Но этого-то он и не приметил. Затеси и затеси.

— Эх, дубина!

Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

— Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдёшь. Ну вот, всё в порядке, а ты, чудак, боялся! — хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: — Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на тёмном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой зарубку с капельками смолы, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал...

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук... — билось сердце. Потом напряжённый до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далёкого самолёта. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник — паук растянул над мёртвой птичкой паутину. Паука уже нет — убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловуш-

ку бросил. Попалась в нее сытая, крупная муха-плевок и бьётся, бьётся, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенёта. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие это было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришёл в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин вниз лицом в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», — отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» — вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать всё, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому. Пригодились спички.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучку и поджёг. Огонёк, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул — вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё

веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налегло несколько комаров — веселее с ними. Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пенёк. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, ошипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгрёб костер в сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотнo закрыв её мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шёл пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собственном соку — охотничье блюдо! Но без соли какой же вкус! Васютка через силу глотал пресное мясо.

— Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! — укорял он себя.

Потом вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся:

— Живём!

Пожинав, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь ещё не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега. Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, набросал веток с хвоей, мху и лёг, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревало.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга

Иллюстрация к рассказу. Художник Е.А. Мешков. 1974 г.

не страшна зверьём. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей — тоже. Бывает, встречаются рыси и блудливые песцы. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли бы позариться на Васюткины запасы. И всё-таки было жутко. Он зарядил одноствольную переломку, взвёл курок и положил ружьё рядом.

Спать! Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза и замер: да, крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идёт по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалёку от костра видит что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится. Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружьё на это тёмное:

— Кто такой? А ну подходи, не то садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» — мучается он и ещё раз кричит:

— Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону тёмного предмета.

— Ох, окаянный! — облегчённо вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. — Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несёт их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка управился с дровами, густая, как смоль, темень начала редеть, прятаться вглубь леса. Не успела она ещё совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костёр от сырости зашипел, защёлкал, принялся чихать, будто сердился на волглую пелену, окутавшую всё вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно. Может быть, роб-

кий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородастых елей и корявых лиственниц, может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень. Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поёжился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки. Солнце уже было высоко. Туман росой пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» — изумлённо подумал Васютка, окончательно проснувшись, услышал ожившую тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговки. Где-то по-детски заплакала желна. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошённо цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, уставилась на Васютку.

— Ну, чего смотришь? Не узнала? — с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

— А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт... Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! — Он помолчал и махнул рукой: — Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружьё и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья. Проводив её взглядом, Васютка выстрелил ещё раз и долго ждал ответа. Тайга не откликалась. По-прежнему надоедливо, вразнобой горланили кедровки, неподалеку трудился дятел да пощёлкивали капли росы, осыпаясь с деревьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял телогрейку, бросил на неё кепку и, поплевав на руки, полез на дерево. Тайга... Тайга... Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она казалась огромным тёмным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, всё ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дальше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проёмы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них.

Долго Васютка отыскивал глазами жёлтую полосу лиственника среди неподвижного зелёного моря (лиственный лес обычно тянется по берегам реки), но кругом темнел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

— Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Голос его пролетел немного над тайгой и упал невежливо — кедровой шишкой в мох. Медленно спустился Васютка с дерева, задумался да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали своё дело, а в голове решался вопрос, единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уж и карманы полны орехов, патроны проверены, к мешку вместо лямки приделан ремень, а вопрос всё ещё не решён. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял с минуту, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней вовсе зате-

ряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру — это ещё не спасение. Поселения там очень редки, и едва ли скоро наткнёшься на людей. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась всё ещё хорошая. Васютка боялся и подумать о том, что с ним будет, если разбухнет осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго. Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шаг. Трава стала попадаться чаще и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: трава растёт обычно вблизи больших водоёмов. «Неужели впереди Енисей?» — с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев берёзки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро ворвался в густые заросли черемушника, ползучего тальника, смородинника. Лицо и руки жалила высокая крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперёд. Меж кустов мелькнул просвет.

Впереди берег... Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озёр. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты — и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подёрнутое у берега ряской.

Васютка лёг на живот, отгреб рукою зелёную кашку ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать

кепкой лицо и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развёл огонь. С огнём-ком всегда веселее, а в одиночестве — тем более. Обжарив в костре шишки, Васютка одну за другой выкатил их из золы палочкой, как печёную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб, а питаться орехами, мясом, чем придётся.

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь с днём, кое-где с грустью тинькали синички, плакала сойка, стонали гагары. И всё-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь ещё сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским покрикиванием. Уток было множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверно?» Он потрогал траву палкой. Косяки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками. Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. И не просто какой-нибудь озёрной рыбы: щуки там, сороги или окуня. Нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сегов. Это было удивительнее всего. В озере — белая рыба! Васютка сдви-

нул свои густые брови, силясь что-то припомнить. Но в этот момент табун уток-связей отвлёк его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выцелил пару и выстрелил. Две нарядные связи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Ещё одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут десять над водой носились табуны перепуганных птиц. Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

— Ладно, завтра достану, — махнул рукой Васютка.

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигом испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, ещё раз поглядел на озеро, на крованистое небо и с тревогой проговорил:

— Ветер завтра будет. А вдруг ещё с дождём?

Он ощипал уток, зарыл их в горячие угли костра, лёг на пихтовые ветки и начал щёлкать орехи.

Заря догорала. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звёзды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвездило — к холоду!» — и на душе у него сделалось ещё тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея ещё никогда не бывал и видел только один город — Игарку. А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? Затерялся в ней точно пес-

чинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб... может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил, покуривал тайком. В школу съезжаются ребята со всей округи: тут и эвенки, тут и ненцы, и нганасаны. У них свои привычки. Бывало, достанет кто-нибудь из них на уроке трубку и без лишних рассуждений закуривает. Особенно грешат этим малыши — первоклассники. Они только что из тайги и никакой дисциплины не понимают. Станет учительница Ольга Фёдоровна толковать такому ученику насчёт вредности курева — он обижается; трубку отберут — ревёт. Сам Васютка тоже покуривал и им табачок давал.

— Эх, сейчас бы Ольгу Фёдоровну увидеть... — думал Васютка вслух. — Весь бы табак вытряхнул...

Устал Васютка за день, но сон не шёл. Он подобросил в костёр дров, снова лёг на спину. Облака исчезли. Далёкие и таинственные, перемигивались звёзды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила тёмное небо и тут же растаяла. «Погасла звёздочка — значит, жизнь чья-то оборвалась», — вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели её наши?» — подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Только слышались с озера

громкие и частые шлепки: это играла и кормилась рыба. Васютка встал, поёжился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костёр разгорелся, он погрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озёрах будто бы водится белая рыба, но озёра эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если?..»

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведёт его к Енисею. Нет, лучше не думать. Вчера вон обрадовался — Енисей, Енисей, — а увидел шиш болотный. Не-ет, уж лучше не думать.

Покончив с уткой, Васютка ещё полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда всё же взялась в озере речная рыба?»

— Тьфу, нечистая сила! — выругался Васютка. — Привязалась как банный лист.

«Откуда, откуда! Ну, может, птицы икру на лапах принесли, ну, может, и мальков, ну, может... А, к лешакам всё!» Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натываясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что её коршун утащил или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом — отголоском озера.

— Вот это да! — ахнул Васютка. — Вот где рыбищи-то, наверно... Уж здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить. Выбраться бы, рассказать бы. — И, подбадривая себя, он прибавил: — А что? И выйду! Вот пойду, пойду и...

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка, подошёл ближе и увидел убитую утку. Он так и обомлел: «Неужели моя? Как же её принесло сюда?!» Мальчик быстро выломал палку и подгрёб птицу к себе. Да, это была утка-связь с окрашенной в вишнёвый цвет головкой.

— Моя! Моя! — в волнении забормотал Васютка, бросая утку в мешок. — Моя уточка! — Его даже лихорадить начало. — Раз ветра не было, а утку отнесло, значит, есть тягун, озеро проточное!

И радостно, и как-то боязно было верить в это. Торопливо переступая с кочки на кочку, через бурелом, густые ягодники продирался Васютка. В одном месте почти из-под ног взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалёку. Васютка показал ему кукиш:

— А этого не хочешь? Провалиться мне, если я ещё свяжусь с вашим братом!

Поднимался ветер.

Качнулись, заскрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером заполошной стаей закружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Застонали гагары, вещая непогоду. Озеро подёрнулось морщинами, тени на воде заколыхались, облака прикрыли солнце, вокруг стало хмуρο, неудобно.

Далеко впереди Васютка заметил уходящую вглубь тайги жёлтую бороздку лиственного леса. Значит, там речка. От волнения у него пересохло в горле. «Опять какая-нибудь кишка озёрная. Мерещится, и всё», — засомневался Васютка, однако пошёл быстрее. Теперь он даже боялся остановиться попить: что, если наклонится к воде, поднимет голову и не увидит впереди яркой бороздки?

Пробежав с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, осокой и мелким кустарником, Васютка остановился и перевёл дух. Заросли сошли

на нет, а вместо них появились высокие обрывистые берега.

— Вот она, речка! Теперь уж без обмана! — обрадовался Васютка. Правда, он понимал, что речушки могут впадать не только в Енисей, но и в какое-нибудь другое озеро, но он не хотел про это думать. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе... он обессилеет и пропадёт. Вон, с чего-то уж тошнит...

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срывал гроздья красной смородины, совал их в рот вместе со стебельками. Рот сводило от кислоты и щипало язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Пошёл дождь. Сначала капли были крупные, редкие, потом загустело кругом, полилось, полилось.... Васютка приметил пихту, широко разросшуюся среди мелкого осинника, и залёг под неё. Не было ни желания, ни сил шевелиться, разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от чёрствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось ещё сильнее. Васютка выхватил остатки горбушки из мешка, вцепился зубами и, плохо разжёвывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая за воротник Васютке холодные капли воды. Они ползли по спине. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его сами собой начали смыкаться, будто повесили на них тяжёлые грузила, какие привязывают к рыболовным сетям.

Когда он очнулся, на лес уж спускалась темнота, смешанная с дождём. Было всё так же тоскливо; сделалось ещё холоднее.

— Ну и зарядил, окаанный! — обругал Васютка дождь.

Он засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжёлым сном. На рассвете

Васютка, стуча зубами от холода, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага. Будто тоненькие пластинки свёклы, на земле лежали тёмно-красные листья. Вода в речке заметно прибывала. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучу веток и лоскуток бересты. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться в ладонях и поднёс к бересте. Она стала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик чёрного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, размотал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел их, высушил сапоги и портянки, оторвал от кальсон тесёмки и подвязал ими державшуюся на трёх гвоздях подошву правого сапога.

Греясь возле костра, Васютка неожиданно уловил что-то похожее на комариный писк и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

«Гудок! — догадался Васютка. — Пароход гудит! Но почему же он слышится оттуда, с озера? А-а, понятно».

Мальчик знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоёме. Но гудит-то пароход на Енисее! В этом Васютка был уверен. Скорей, скорей бежать туда! Он так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход. В полдень Васютка поднял с реки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, поэтому зажарил одного гуся на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Осталось две спички, кончались и Васюткины силы. Хотелось лечь и не двигаться. Он мог бы отойти метров на двести-триста от речки. Там, по редколесью, было куда легче

пробираться, но он боялся потерять речку из виду. Мальчик брёл, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился, открыв перед Васюткой отлогий берег Енисея. Мальчик застыл. У него даже дух захватило — так красива, так широка была его родная река! А раньше она ему почему-то казалась обыкновенной и не очень приветливой. Он бросился вперёд, упал на край берега и жадными глотками стал хватать воду, шлёпать по ней руками, окунать в неё лицо.

— Енисеюшко! Славный, хороший... — шмыгал Васютка носом и размазывал грязными, пропахшими дымом руками слёзы по лицу. От радости Васютка совсем очумел. Принялся прыгать, подбрасывать горстями песок. С берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой.

Так же неожиданно Васютка очнулся, перестал шуметь и даже несколько смутился, оглядываясь вокруг. Но никого нигде не было, и он стал решать, куда идти: вверх или вниз по Енисею? Место было незнакомое. Мальчик так ничего и не придумал. Обидно, конечно: может быть, дом близко, в нём мать, бабушка, отец, еды — сколько хочешь, а тут сиди и жди, пока кто-нибудь проплывёт, а плавают в низовьях Енисея не часто...

Васютка смотрит то вверх, то вниз по реке. Тянутся берега навстречу друг другу, хотят сомкнуться и теряются в просторе. Вон там, в верховьях реки, появился дымок. Маленький, будто от папиросы. Дымок становится всё больше и больше... Вот уж под ним обозначилась тёмная точка. Идёт пароход. Долго ещё ждать его. Чтобы как-нибудь скоротать время, Васютка решил умыться. Из воды на него глянул парнишка с заострившимися скулами. От дыма, грязи и ветра брови стали у него ещё темнее, а губы потрескались.

— Ну и дошёл же ты, дружище! — покачал головой Васютка.

А что, если бы дольше пришлось бродить?

Пароход всё приближался и приближался. Васютка уже видел, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Васютка силился разобрать надпись и, когда наконец это ему удалось, с наслаждением прочитал вслух:

— «Серго Орджоникидзе».

На теплоходе маячили тёмные фигурки пассажиров. Васютка заметался на берегу.

— Э-эй, пристаньте! Возьмите меня! Э-эй!.. Слушайте!..

Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой. Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход.

— Эх, вы-ы, ещё капитанами называетесь! «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите...

Васютка понимал, конечно, что за долгий путь от Красноярска «капитаны» видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься, — и всё-таки было обидно. Он начал собирать дрова на ночь.

Эта ночь была особенно длинной и тревожной. Васютке всё казалось, что кто-то плывёт по Енисею. То он слышал шлёпанье вёсел, то стук моторки, то паровые гудки.

Под утро он и в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера-бота.

— Неужели дождался? — Васютка вскочил, протёр глаза и закричал: — Стучит! — и опять прислушался и начал, приплясывая, напевать: — Бот стучит, стучит, стучит!..

Тут же опомнился, схватил свои манатки и побежал по берегу навстречу боту. Потом кинулся назад и стал складывать в костёр все припасённые дрова: догадался, что у костра скорей его заметят. Взметнулись искры,

высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка отчаянно закричал:

— На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я! Э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-эй, штурвальный!..

Он вспомнил про ружьё, схватил его и начал палить вверх: бах! бах! бах!

— Кто стреляет? — раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота.

— Да это я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Пристаньте скорее!..

На боте послышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло паклю, заработал глуше. Раздался звонок, из выхлопной трубы вылетел клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой: бот подрабатывал к берегу.

Но Васютка никак не мог этому поверить и выпалил последний патрон.

— Дяденька, не уезжайте! — кричал он. — Возьмите меня! Возьмите!..

От бота отошла шлюпка.

Васютка кинулся в воду, побрёл навстречу, глотая слёзы и приговаривая:

— За-заблудился я-а, совсем заблудился-а...

Потом, когда втащили его в шлюпку, заторопился:

— Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдёт ещё бот-то! Вон вчера пароход только мелькну-ул...

— Ты, малый, що, сказывся?! — послышался густой бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и смешному украинскому выговору старшину бота «Игарец».

— Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! — перестав плакать, заговорил мальчик.

— Який Васька?

— Да шадринский. Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

— Тю-у! А як ты сюды попав?

И когда в тёмном кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с вяленой осетриной, Васютка рассказывал о своих похождениях, Коляда хлопал себя по коленям и восклицал:

— Ай, скажэнный хлопец! Та на що тоби той глухарь сдася? Во налякав ридну маты и батьку... шку...

Коляда затрясся от смеха:

— Ой, шо б тоби! Он и дида вспомнил! Ха-ха-ха! Ну и бисова душа! Да знаешь ли ты, дэ тебя вынесло?

— Не-е-е.

— Шестьдесят километров ниже вашего стану.

— Ну-у?

— Оце тоби и ну! Лягай давай спать, горе ты мое гиркое.

Васютка уснул на койке старшины, закутанный в одеяло и в одежду, какая имелась в кубрике.

А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

— Во, герой глухариный спит соби, а батько с маткой с глузду зъихалы...

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

— На Песчаному острови и у Корасихи не будет остановки. Газуй прямо к Шадрину.

— Понятно, товарищ старшина, домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригадира Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой понёсся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку¹ с бота.

— Что это ты сегодня один-одинёшенек? — спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

¹ Чалка — причальный канат, трос для речного судна.

— Не говори, паря, — уныло отозвался дед. — Беда у нас, ой беда!.. Васютка, внук-то мой, потерялся. Пятый день ищем. Ох-хо-хо, парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, остроглазый!..

— Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Ещё с правнуками понянчишься! — И, довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: — Нашёлся ваш пацан, в кубрике спит себе и в ус не дует.

— Чего это? — встрепнулся дед и выронил кiset, из которого зачерпывал трубкой табак. — Ты... ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться?

— Правду говорю, на берегу мы его подобрали! Он там такую полундру устроил — все черти в болото спрятались!

— Да не треплись ты! Где Васютка-то? Давай его скорей! Цел ли он!

— Це-ел. Старшина пошёл его будить.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменял наверх, к избушке:

— Анна! Анна! Нашёлся пескаришка-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он...

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком показалась Васюткина мать. Когда она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку, ноги её подкосились. Она со стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну. И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя стёгаными одеялами, оленьей дохой да ещё пуховой шалью повязали.

Лежит Васютка на топчане разомлевший, а мать и дедушка хлопочут около, простуду из него выгоняют. Мать натёрла его спиртом, дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

— Может, ещё что-нибудь покушаешь, Васенька? — нежно, как у больного, спрашивала мать.

— Да, мам, некуда уж...

— А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь!

— Если черничного, ложки две, пожалуй, войдёт.

— Ешь, ешь!

— Эх ты, Васюха, Васюха! — гладил его по голове дедушка. — Как же ты сплосховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мúка — вперёд наука. Да-а, глухаря-то, говоришь, завалил всё-таки? Дело! Купим тебе новое ружьё на будущий год. Ты ещё медведя ухлопаешь. Помяни моё слово!

— Ни Боже мой! — возмутилась мать. — Ближе к избе вас с ружьём не подпущу. Гармошку, приёмник покупайте, а ружья чтобы и духу не было!

— Пошли бабьи разговоры! — махнул рукой дедушка. — Ну, поблукал маленько парень. Так что теперь, по-твоему, и в лес не ходить?

Дед подмигнул Васютке: дескать, не обращай внимания, будет новое ружьё — и весь сказ!

Мать хотела ещё что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она выбежала из избышки.

Из лесу, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шёл Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее густой чёрной щетиной, было мрачно.

— Напрасно всё, — отрешённо махнул он рукой. — Нету, пропал парень...

— Нашёлся! Дома он...

Григорий Афанасьевич шагнул к жене, минуту стоял растерянный, потом заговорил, сдерживая волнение:

— Ну, а зачем реветь? Нашёлся — и хорошо. К чему мокреть-то разводить? Здоров он? — и, не дожидаясь ответа, направился к избышке. Мать остановила его:

— Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже...

— Ладно, не учи!

Григорий Афанасьевич зашёл в избу, поставил в угол ружьё, снял дождевик.

Васютка, высунув голову из-под одеяла, выжидательно и робко следил за отцом. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

— Ну, где ты тут, бродяга? — повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Вот он я! — привскочил с топчана Васютка, заливаясь счастливым смехом. — Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе не простыл. Вот пощупай, пап. — Он протянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине:

— Затараторил, варнак¹! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, попортил крови!.. Рассказывай, где тебя носило?

— Он всё про озеро какое-то толкует, — заговорил дед Афанасий. — Рыбы, говорит, в нём видимо-невидимо.

— Рыбных озёр мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадёшь.

— А к этому, папка, можно проплыть, потому что речка из него вытекает.

— Речка, говоришь? — оживился Григорий Афанасьевич. — Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал...

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу речки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая вершины деревьев; шумел и качался лес; в небе раздавались тревожные крики птиц, тронувшихся на юг. Васютке теперь любая непогода была нипочём. В резиновых сапогах и в брезенто-

¹ *Варна́к* — злодей, преступник, каторжник.

вой куртке, он держался рядом с отцом, принаравливаясь к его шагу, и наговаривал:

— Они, гуси-то, как взлетят сразу все, я как дам! Два на месте упали, а один ещё ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошёл за ним, побоялся от речки отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья грязи, он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

— И ведь я их влёт саданул, гусей-то...

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

— А что? Влёт ещё лучше, оказывается, стрелять: сразу вон несколько ухлопал!

— Не хвались! — заметил отец и покачал головой. — И в кого ты такой хвостун растёшь? Беда!

— Да я и не хвастаюсь: раз правда, так что мне хвалиться, — сконфуженно пробормотал Васютка и перевёл разговор на другое. — А скоро, пап, будет пихта, под которой я ночевал. Ох и продрог я тогда!

— Зато сейчас, я вижу, весь сопрел. Ступай к бабушке в лодку, похвались насчёт гусей. Он любитель байки слушать. Ступай, ступай!

Васютка отстал от отца, подождал лодку, которую тянули бечевой рыбаки. Они очень устали, намокли, и Васютка постеснялся плыть в лодке и тоже взялся за бечеву и стал помогать рыбакам.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

— Вот и озеро Васюткино...

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро. Рыбы в нём оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре и ещё одна колхозная бригада переключились на озёрный лов. Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу

колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось ещё одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами: «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка.

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих кляксочек и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

1952

Вопросы и задания

1. Определите тему рассказа «Васюткино озеро».
2. Чему мать учила Васютку, провожая его в тайгу?
3. Охарактеризуйте поведение мальчика после того, как он понял, что заблудился. Выпишите из текста ключевые слова, передающие состояние Васютки.
4. Что помогло Васютке не пропасть в тайге?
5. Какие моменты сюжета являются ключевыми в раскрытии характера героя?
- 6*. Назовите художественные средства, которые использует В.П. Астафьев в рассказе. В чём их роль?
7. Обратитесь к словарю и определите значение следующих слов и словосочетаний: *рассолодели от безделья; нету... фарту; осеннюю путину; привыкли парнишкой помыкать; посадить на мушку... птицу; одностовольная переломка; заполошной стаяей закружились... листья; манатки; бот; сказывся (укр.); такую полундру устроил; оленья доха; поблукал.*
8. Сформулируйте идею произведения и запишите её. Как с ней связано название произведения?

**ЕВГЕНИЙ
ИВАНОВИЧ
НОСОВ
1925—2002**

Евгений Иванович Носов родился в 1925 году, в селе Толмачёве, что под Курском на берегу Сейма. Отец его был мастеровым человеком, работал слесарем, молотобойцем в кузнечном цехе, котельщиком. Кузнечил в своё время и его дед. Из семейных традиций пришло к писателю «глубочайшее уважение к труду, умение видеть сквозь все будни поэтическую, красивую сторону и кузнечного, и иного ремесла».

Детство его пришлось на голодные и холодные 1930-е годы. Но мальчик был по природе оптимистом¹ и романтиком²: играл в игры, которые сам придумывал, увлекался кораблями, зачитывался книгами Майн Рида и Жюль Верна. С пяти лет вглядывался в окружающий мир, старался с помощью ножниц (вырезая из бумаги забавные фигурки животных), а потом и карандаша воспроизвести, «удержать» в памяти всё, что его поражает. Потом, уже много позже, занимаясь литературной работой, писатель сохранил и развил в себе эту восприимчивость.

В восемнадцать лет он ушёл на фронт, стал артиллеристом противотанковой бригады. Противо-

¹ *Оптимист* — жизнерадостный человек.

² *Романтик* — человек, склонный к возвышенному, мечтательному отношению к событиям и явлениям жизни.

танковая артиллерия встречала врага первой. Не однажды смотрел смерти в глаза юный солдат Евгений Носов. Под Кёнигсбергом (ныне Калининград) был тяжело ранен. Победу встретил в госпитале. В двадцать лет, выписавшись из госпиталя с пособием по инвалидности, юноша должен был выбрать свою дорогу. Он уезжает в Казахстан, работает литературным сотрудником местной газеты. В 1959 году выходит его первая книжка «На рыбацкой тропе».

Вопросы и задания

1. Что общего в биографиях П.П. Бажова и Е.И. Носова?
2. Что можно сказать о характере мальчика Евгения Носова?
- 3*. Что вы знаете о писателях Майн Риде и Жюль Верне, которыми увлекался юный Евгений Носов?
4. Какие факты из биографии писателя говорят о его целеустремлённости, большой жизненной силе?

КАК ПАТЕФОН¹ ПЕТУХА ОТ СМЕРТИ СПАС

Дело уже двигалось к весне. Замаслилась дорога, снег во дворе осел и потемнел, а в полдень на солнцепёке всё настойчивее барабанила капель. Витька вытер насухо лыжи и спрятал их на чердак до будущей зимы.

И вдруг как-то ночью трахнул морозище. Да такой лютый, что и среди зимы не часто случается. К утру де-

¹ *Патефóн* — механическое устройство для прослушивания пластинок.

ревья, телефонные провода, заборы покрылись лохматой изморозью. Солнце встало в каком-то зловещем ореоле. Прилетевший на кормушку воробей зябко поджимал под себя то одну, то другую лапку, будто пританцовывал, стараясь согреться.

По радио объявили, что по случаю мороза занятий в школе не будет, и Витька засел дома на целую неделю.

Однажды утром бабушка принесла из курятника петуха, и все ахнули. Его широкий, короноподобный гребень, большие, до самого зоба бурды¹ и не покрытые перьями щёки были белы от инея.

— Пропал петух! — заахала бабушка.

Все домашние собрались вокруг пострадавшего и с озабоченностью смотрели на его обмороженную голову.

— Надо зарезать, — сказал наконец отец. — Всё равно сохнет...

У Витьки при этих словах похолодела спина. Ему стало очень жаль петуха. Он был такой красивый и смелый. На шее — огненное ожерелье, спина серая, в мелких белых пестринках, а в пышном хвосте длинные, серпообразные иссиня-чёрные перья. Держался он гордо, выступал вперёд широкой, отливающей бронзой грудью, высоко, будто на параде, приподнимая лапы, увенчанные загнутыми кверху острыми шпорами, и был храбр, как истинный гвардеец². На улице не было петуха, который смел бы подойти к нему близко. Он делал навстречу противнику два-три неторопливых шага, будто предоставляя ему возможность ещё раз подумать, на что идёт, и, если тот не убирался восвояси, стремительно обрушивался на него. При этом он зонтиком растопыривал на шее медно-красные перья, низко пригибал голову, а его длинный хвост волочился по земле, как плащ.

¹ *Бурды* — два мешочка, которые находятся под клювом и свисают до самого зоба. Можно сказать ещё, что это борода.

² *Гвардеец* — военнослужащий гвардии (гвардейской части).

Обычно петухи поспешно ныряли в ближайшую подворотню. И тогда Витька, заложив пальцы в рот, неистово свистел вслед удиравшему. А Витькин петух, великодушно отказавшись от преследования, хлопал крыльями и, изогнув шею вопросительным знаком, горланил на всю улицу своё «ку-ка-ре-ку!», что в данный момент означало: «Я тебе покажу, как забываться!..»

А как голосисто кукарекал он зарю! Сначала за стенкой в сарайчике раздавались короткие удары крыльями. Потом, сразу забирая в головокружительную высоту, петух уверенно брал первое колено песни. Он никогда не торопился переходить ко второму колену и, словно стараясь показать всем соседним петухам своё мастерство, забирал всё выше и выше. Голос его звенел чистым, прозрачным звуком меди, и Витьке казалось, что вот сейчас в горле петуха что-то лопнет от натуги и песня оборвётся. Витька даже съёживался от этой звонкости петушиной песни, от напряжённого ожидания конца знаменитого «р», составляющего венiec победного клича. Но петух не осекался. Он плавно переходил на более спокойное «ку», тянул его не менее долго и громко и благополучно завершал всё своё «ку-ка-ре-ку!».

И вот теперь отец велел отрубить ему голову. Бабушка оциплет с него золотистый мундир, завяжет перья в сумочку и подвесит их в чулане рядом с пучком мороженой калины, а из петуха сварит суп.

В горле у Витьки заскребло, глаза часто-часто замигали. Он быстро юркнул в другую комнату и забился в угол.

Мать и отец ушли на работу. Дома остались только он да бабушка. Витька слышал, как тихо шаркали её валенки, и со страхом ожидал, когда она выйдет во двор, чтобы отрубить голову петуху. Но бабушка что-то не торопилась, и Витька, успокоившись, вышел в кухню.

— Бабушка, а бабушка, — тихо позвал он. — Ты не будешь петуха резать? Пусть ещё поживёт немножко, а? Может, ничего... оттаает?

— Ишь ты какой! — погладила бабушка Витьку по стриженной голове. — Сердчишко у тебя, видать, жалостливое. Ну что ж... Пусть побудет! Авось отойдёт. Мы его сейчас гусиным жиром смажем. Это от морозу помогает.

Витька просиял. Он подбежал к петуху, который сидел под стулом нахохленный, с полузакрытыми глазами, и дружески погладил по сутулой спине.

— Больно, а? Я тоже раз нос поморозил. И ничего. Поболело немножко, а потом зажило. Ты терпи, не поддавайся. А то башку отрубят.

Бабушка смазала петуху уже успевшие посинеть в тепле гребень и бороду и насыпала на пол пшена. Но петух даже и не взглянул на корм. Голова его с каждой минутой распухала, наливалась какой-то прозрачной жижей, петух всё больше сутулился и гнулся.

Бабушка принесла сена, постлала под печкой, поставила туда баночки с зерном и водой, посадила петуха и прикрыла железной заслонкой. Витька снова забеспокоился: «Зарубят. Придёт отец — и конец!»

Отец пришёл с работы поздно и, видно, забыл о петухе. Не заговорил о нём и утром.

А когда все опять разошлись, Витька отодвинул заслонку и осторожно вытащил из-под печки петуха. Он был по-прежнему плох: голова слилась в какой-то красно-синий шар, глаза затекли и смотрели тускло и безразлично. К корму он, как и вчера, не притронулся. Витька поднёс банку с водой и насильно макнул в неё клюв петуха. Петух раза два глотнул и заковылял под печку.

Между тем мороз не сдавался. Он трещал в старых брёвнах дома, проступал колючей солью на оконных

ручках и шляпках дверных гвоздей. Витька давно не казал нос на улицу и уже порядком соскучился по своим друзьям, как вдруг появился одноклассник Колька. Повязанный поверх ушанки пуховой шалью, концы которой крест-накрест охватывали спину, он неуклюже перевалился через порог.

— Ух, какой морозище! — сказал Колька. — За нос так и щиплется. Даже слёзы текут.

— А у нас петух поморозился, — поделился новостью Витька.

— Петух — это что! Петух — птица, — серьёзным тоном возразил Колька. — У нас от мороза водопроводная труба лопнула. Железо и то не выдержало.

Бабушка напоила приятелей чаем с вареньем, и они пошли играть. Посмотрели книжки, новые почтовые марки, поиграли в «Конструктор». Когда всё это наскучило, Витька сказал:

— Я тебе сейчас новую пластинку заведу. Хочешь?

— Ну, давай...

Пластинка и верно оказалась хорошей. Рассказывали басню Крылова «Лягушка и Вол». Лягушка, стараясь раздуться до размеров Вола, напряглась и квакала. Потом, после особенно усердного кваканья, в патефоне вдруг что-то страшно зашипело, будто из его нутра прорвался воздух. Колька испуганно взглянул на Витьку, а тот в ответ расхохотался.

— Ты думал, патефон испортился, да? Это лягушка от натуги лопнула. Надувалась, надувалась — и «п-ш-ш»... Интересно?

— Угу! А что на другой стороне?

Витька накрутил пружину, перевернул пластинку и пустил диск. Заиграла музыка, из патефона выпорхнули слова другой знакомой басни:

- Как, милый Петушок, поёшь ты
громко, важно!
- А ты, Кукушечка, мой свет, как тянешь
плавно и протяжно...

Умиляясь друг другом, Петух и Кукушка поочерёдно раздавали похвалы. Но вот, не находя больше слов, они перешли на песни. Из трубы вылетало то звонкое петушиное «ку-ка-ре-ку!», то вкрадчивое, разнеженное кукованье. Обе птицы хвалили друг дружку с таким усердием, что Петух вдруг охрип и начал орать каким-то кошачьим голосом. Витька и Колька покатились со смеху.

— Дохвалился! Даже охрип, бедняга! — сказал Колька. — А ну, давай сначала заведём.

Пластинку завели снова, и птицы с новыми силами принялись состязаться в безудержных похвалах. И вот, когда кукушкин друг собирался охрипнуть во второй раз, Витька и Колька услышали, как откуда-то издалека, будто из-под земли, донёсся настоящий, живой петушиный голос.

Ребята переглянулись.

— Слышал? — спросил Витька.

— Слышал...

— Да ведь это же наш, обмороженный, запел! Бабушка! — вскочил со стула Витька. — Бабушка!..

Из сеней с охапкой дров вошла бабушка.

— Бабушка, наш петух запел! Не веришь?

С этими словами Витька вернулся в комнату, схватил патефон, поставил его в кухне на пол и вытащил из-под печки петуха. Бабушка недоверчиво смотрела на все эти странные приготовления.

— Вот слушайте! — сказал он, накручивая патефонную ручку.

Сначала петух подозрительно косился опухшим глазом на вращающийся и поблёскивающий никелем диск. Но когда из глубины патефона раздался первый петушиный выкрик, он вдруг вытянул настороженно шею и издал то самое вопросительное «ко-ко-ко?», которое обычно означало: «Что там ещё такое?»

— Слышите? Кокочет! — ликовал Витька.

Между тем спела свою партию Кукушка и подошла очередь её партнёра. И как только послышалось особенно отчаянное «ку-ка-ре-ку», Витькин петух вдруг выпятил грудь и сделал навстречу патефону свои два предупреждающих шага. Вот ведь воинственная птица! Даже с распухшей головой и заплывшими глазами петух не мог стерпеть, чтобы противник нагло горланил, спрятавшись в этом ящике.

Сделав ещё два шага, петух пригнул голову, распустил на шее перья и сердито долбнул в пол клювом.

Раздайся в эту минуту из патефона ещё хоть один петушиный клич, и Витькин петух, наверное, налетел бы на патефон, ударил бы по нему крыльями и дёрнул шпорами. Но этого не случилось.

Как раз в это время Петух из басни допелся до того места, где полагалось потерять голос, и он сбился, зафальшивил и задержал драмой кошкой.

Готовый ринуться в бой, петух остановился, приподнял голову и снова скороговоркой проговорил своё «ко-ко-ко?». Мол, что ж это ты, братец, осип? Эх, ты!.. Потом он вытянулся на голенастых ногах, будто привстал на цыпочках, замахал крыльями, развевая по полу пшено, и вдруг закукарекал, да так, что у ребятишек заложил уши, а в железном нутре патефона что-то задребезжало. Кончив победную песню, петух важно отошёл в сторонку и как ни в чём не бывало стал собирать раскатившееся по полу зерно.

Витька ликовал. Он с гордостью посмотрел на своего золотопёрого друга и радостно воскликнул:

— Вот чёрт! Оттаял-таки!

После этого он уже не сомневался, что никто не посягнёт на петушиную голову.

2002

Вопросы и задания

1. О чём этот рассказ? Как объяснить его название?
2. У мальчика *похолодела спина*, когда он услышал слова отца о петухе. Какие ещё словосочетания передают отношение Витьки к намерению взрослых?
3. Почему бабушка послушала внука? Как она лечила петуха?
4. При каких обстоятельствах петух ожил? Расскажите об этом подробнее.
5. Что заставило петуха издать воинственный крик?
6. Витька — это сторонний наблюдатель или заботливый друг, чуткий человек? Обоснуйте свой ответ.
7. Какое очень точное слово нашла бабушка, определяя стремление внука спасти петуха? Подберите к этому слову синонимы и антонимы.
8. Какие художественные средства использует автор при описании петуха? Назовите их. Приведите примеры.
9. В чём юмор рассказа?
10. Подумайте, что же спасло петуха. Выберите ключевое слово (слова) и составьте с ним (с ними) несколько предложений (*патефон, человеческая жалость, милосердие, сострадание, воинственный дух петуха*).
11. Подготовьте инсценированное чтение рассказа.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Е.И. НОСОВА

Ситуация, в которую попадает персонаж рассказа, необычная, почти фантастическая. Обречённый на то, чтобы попасть в суп, петух оказывается спасён. Что способствовало этому? Доброе сердце Витьки, сочувствие бабушки и случай — голос патефонного петуха.

Писатель с самого начала рисует петуха так, что у него появляются, помимо Витьки и бабушки, другие сочувствующие — читатели. Петух изображён сочно, яркими красками. Зримо представляешь его красоту, отвагу, гордую осанку.

1. Прочитайте отрывок от слов: «На шее — огненное ожерелье...» до слов: «...как истинный гвардеец». С помощью каких художественных средств создаётся образ петуха?

Вы когда-нибудь слышали, как на утренней зорьке, рано-рано где-то недалеко раздаётся петушиный голос? Писатель об этом скажет очень коротко и очень точно. Петух *кукарекал зарю*. Носов пользуется неожиданными эпитетами, метафорами, сравнениями и при создании образа природы. Они не просто расцвечивают картину, но будят у читателя фантазию, помогают точнее и ярче представить себе ситуацию, эпизод. Вот как создаётся ощущение лютého мороза — виновника беды: *мороз не сдавался, трещал в старых брёвнах дома, проступал колючей солью на оконных ручках и шляпках дверных гвоздей*. И когда бы мы ни читали рассказ, нам вдруг станет зябко, холодно.

2. Определите изобразительные средства, использованные для характеристики зимней дороги, солнца, петуха: *замаслилась дорога; лохматая изморозь; солнце в зловещем ореоле; длинный хвост волочился по земле, как плащ*.

Патефон

Не чуждается Носов и просторечных слов, но употребляет их крайне редко, осторожно, только тогда, когда они необходимы. Вот эпизод: Витька сочувствует петуху, переживает за него. Как с понимающим другом мальчик разговаривает с обречённым, пытаясь убедить его потерпеть. И как бы неожиданно в речь мальчишки вплетается резкое, но точное слово. Какое?

– *Больно, а? Я тоже раз нос поморозил. И ничего. Поболело немножко, а потом зажило. Ты терпи, не поддавайся. А то башку отрубят.*

3. Теперь попытайтесь сделать вывод: какими художественными средствами пользуется писатель в рассказе?

ПИСАТЕЛИ XX ВЕКА О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Виктор Фёдорович Боков (1914—2009) родился в семье крестьянина. Вырос в Подмосковье. Стихи начал писать рано. Его талант высоко оценил М.М. Пришвин. В. Боков всю жизнь увлекался собиранием фольклора, что отразилось в его поэзии: в ней присутствуют юмор и напевность, свойственные произведениям устного народного творчества.

На стихи В. Бокова созданы многие известные песни: «На побывку едет...», «Я назову тебя зоренька...», «В чистом поле ясный месяц...» и др.

Прочитав стихотворение, ответьте на вопрос: на что обращает наше внимание поэт в природе любимого края?

ПОКЛОН

Стороне моей лесной
Шлю поклон я поясной,
Сосенкам, берёзкам,
Всем лесным дорожкам.

Ручейкам, озёркам,
Всем непойманным зверькам:
Белкам и куницам,
Зайцам и лисицам.

Низко кланяюсь траве,
Тёмной ночи и заре,
Омутам и мельницам,
Песенницам-девицам.

Два поклона соловью,
Как коллеге своему.
Говорят, у соловья
Народились сыновья.

Как ему живётся?
Как ему поётся?
С этой жизнью я знаком,
День начался — нужен корм!

В чаще иволга поёт.
Не меня ли узнаёт?
Солнце тонет в небе,
Полдень полон неги.

Сел на камень отдохнуть,
Расстегнул пиджачок.
Не успел чихнуть:
— Будь здоров, землячок! —
Вся родная сторона
Говорит эти слова.

1949

Николай Михайлович Рубцов (1936—1971) родился в посёлке Емецк Архангельской области. Написал множество стихотворений о своей малой родине, русской природе и истории. Человек и природа в его поэзии связаны неразрывно, составляют единое целое. В своём творчестве Н. Рубцов продолжает и развивает традиции лирики С. Есенина.

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ¹

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, спелую бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы... Надо мной
Между берёзой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним — сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой весёлый свист,

¹ Запись выразительного чтения этого стихотворения можно найти в электронных материалах к учебнику.

Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: — Я был в лесу листом! —
Сказать: — Я был в лесу дождём!
Поверьте мне: я чист душою...

1967

Расул Гамзатович Гамзатов (1923—2003) родился в селе Цада Хунзахского района Дагестана.

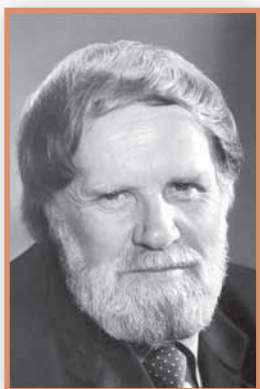
Произведения писателя о родном крае, его природе, истории широко известны не только в России. Они переведены на десятки языков народов мира.

Многие стихи Р. Гамзатова стали песнями.

ПЕСНЯ СОЛОВЬЯ

Слышишь песнь соловья?
В ней звучит торжество.
Но о чём он поёт?
Неизвестно, увы, никому.
Я уверен:
О родине песня его.
Ведь другая давно б надоела ему!

1. Какой заголовок вы дали бы разделу, в который включены стихотворения В.Ф. Бокова, Н.М. Рубцова и Р.Г. Гамзатова? Какими произведениями можно было бы дополнить этот раздел?
2. Выучите наизусть одно из стихотворений, посвящённых родной природе, и выразительно прочитайте его в классе.
- 3*. Репродукциями каких картин можно было бы проиллюстрировать эти стихотворения? Сделайте подборку репродукций в виде компьютерной презентации.

Василий Иванович Белов (1932–2012) родился в деревне Тимониха Вологодской области. Начинал как поэт, но настоящее признание получила его проза для детей и взрослых. Наряду с рассказами, повестями, романами писал лирическую прозу — яркую, одушевлённую. В ней он выступал и как поэт, и как прозаик.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Весной в родимом лесу нечаянно-быстро приходит та радостно-страшная ночь, когда весь мир и вся Вселенная встают на дыбы. Жизнь и земля со всею природой выходят из своих берегов и топят душу в безжа-

лостном счастье. Это тогда постигают многие люди, что нет нигде ни конца, ни начала.

Прошла единственная минута, короткий момент исчезания последнего холода. Ушла, изморилась вконец поверженная апрелем зима. Вот в тревожной темени родилось и двинулось всесветное, уже не слюистое, а тугое, плотное тепло, превращая себя в мощный и ровный ветер. Дрогнули готовые распусться деревья. Где-то в невидимом, но почти осязаемом небе сшиблись широкими лбами тёмные облака. Неяркая внешняя молния сиганула в лесную тёплую мглу, и первый трескучий гром чисто и смело прокатился над миром.

Будто раскалилась каменка нездешней, какой-то сказочно богатой бани.

Странная тишина томится в лесу после этого грохота. Ветер не дует, а давит сплошь, всё замирает.

Дождь прошипел в ночи обильно и коротко. Везде в снующей, исчезающей темени сопит пахнущая корнями земля: это зашевелились в несметном числе травяные ростки, поднимая и распахивая прошлогодние листья, хвоинки и сгнивающие сучки.

Утром золотые столбы испарений поднимаются в лесных прогалинах, словно добрые призраки; они безмолвно и быстро меняют свои исполинские контуры. На берёзах еле слышно оживают размякшие ветки, от лопающихся почек они тоже меняются, делают свой уток и основу. На восходе легко и неторопливо выпрастываются из почек маленькие, в детский ноготок, листочки. Солнце выходит очень быстро. Яростно-новое, с неопределёнными очертаниями, оно греет ещё бледную, но густеющую с каждой минутой зелень березняка. Птицы поют взахлёб, земля продолжает сопеть и попискивать, всё поминутно меняет свой образ. Везде в мире жизнь и свобода, и сердце

Весенний пейзаж. Художник Р. Берггольц

сопереживает чувство освобождения: да не будет конца свободе и радости!

Да не будет конца. Но там, за чередой весенних дней, земля уж обрастает жирной травой. Зелень полей незаметно теряет свою первозданную свежесть, и жёсткими бородавками покрывается когда-то нежный берёзовый лист. Ленивеют и толстеют в небе опаловые облака, идущие все в одну сторону, надменно, самодовольно начинают рычать огрубевшие громы. И тогда в лесистых чащобах рождаются полчища кровожадного гнуса, ползут и ползут по веткам бородатые мхи. В земле, меж миллионов корней, враждующих и борющихся за её кровь, цепко ветвятся, проползают грибницы. И никому не известно, что творится в тёмном земном нутре, только поверх тут и там поднимаются красные шапки мухоморов. В такую пору в лесу впервые ощущается запах гнили. Ещё не стихло зелёное, разнузданное пиршество лета, а нити грибных дождей уже напрасно сшивают самобраную июльскую скатерть: в сентябре одно за другим всё умирает, засыпает будто в похмельном сне.

Зачем же, ради чего была тогда и весна? Если в декабре снова всё в мире оцепенело, если опять всё сковано ледяными цепями, белою снежною шубой?

Но снова ждёшь почему-то такой же весенней ночи. Ждёшь, хотя знаешь, что с нею придёт то же самое и что всё будет точь-в-точь, как и раньше.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

В.И. БЕЛОВА

Ярко и сочно рисует В. Белов весеннюю ночь. Его рассказ насыщен поэтическими средствами изображения: яркими, неожиданными метафорами, эпитетами, сравнениями, олицетворениями... Всё подчинено тому, чтобы разбудить фантазию читателя, помочь ему ощутить звук, цвет, запах мира пробуждающейся природы.

1. Перед вами подборка словосочетаний и предложений из текста рассказа В. Белова. Назовите использованные писателем изобразительные приёмы:

Весь мир и вся Вселенная встают на дыбы —

Дождь прошипел —

Жизнь и земля со всею природой выходят из своих берегов —

Земля продолжает сопеть и попискивать —

Золотые столбы испарений поднимаются в лесных прогалинах, словно добрые призраки —

Маленькие, в детский ноготок, листочки —

Молния сиганула —

Сшиблись широкими лбами тёмные облака —

Ушла... поверженная апрелем зима —

Яростно-новое солнце —

2. Выпишите из второй половины рассказа изобразительные средства. Назовите их.

3*. Опишите в жанре лирической прозы какое-либо явление природы.

Лирическая проза — прозаическое произведение, эмоционально насыщенное, пронизанное авторским чувством.

Валентин Григорьевич Распутин (1937—2015) родился в селе Усть-Уда Иркутской области в крестьянской семье. После окончания Иркутского университета в 1959 году работал журналистом. Основные темы его прозы — судьба России и русского человека, родная природа.

ВЕК ЖИВИ — ВЕК ЛЮБИ (Отрывок)

Это была первая Санина ночь в тайге — и какая ночь! — точно взявшаяся показать ему один из своих могучих пределов. Тьма упала — хоть ножом режь, в ней не видно было ни неба за кругом костра, ни сторон, сплошным шумом шумел там дождь. Он то примолкал ненадолго, то припускал сильней, и сильней тогда начинал шипеть костёр, сопротивлявшийся воде, с досадой выстреливая вверх угольками, и принимающийся время от времени для острастки поддувно и сердито завывать. Но огонь горел хорошо. Митяй перед тем, как окончательно укладываться, навалил на костёр, поло-

жив их рядом, две сухие лесины, которых должно было хватить надолго. Саня сидел и смотрел, как мечутся по этим лесинам маленькие древесные муравьи, как отгорают и опадает щепка, обнажая источенное ими, похожее на опилки, зернистое крошево. Когда он поднимал глаза к небу, там всё так же стояла исполинская тьма, начинавшаяся сразу от земли и поднимавшаяся до неизвестно какой бесконечности. Дождь, проходящий сквозь неё, казалось, мог быть только чёрным. И до чего жалок, беспомощен и игрушечен, должно быть, представлялся откуда-то оттуда этот костёр! Но кому, кому мог он представляться, кто, кроме сидящего подле него Сани, мог его видеть? Но не для того ли и тьма, тьма-тьмушая, чтобы можно было его видеть из таких далей, которые трудно представить? А рядом Саню — настороженного и готового ко всему, ждущего чего-то с неба ли, со стороны ли с нетерпением и уверенностью: нет, что-то должно случиться... Такая ночь не напрасно. Вот спит уже Митяй, давно похрапывает укрывшийся с головой плащ-палаткой дядя Володя — почему только ему, Сане, не хочется спать? Но не потому ли и уснули они, не потому ли их усыпили, чтобы он мог остаться один и наедине?.. Кто внушил ему, и это внушение он ощущал в себе всё отчётливей, будто сразу не расслышал и только после расшифровал по оставшимся звукам сказанное, — кто внушил ему, что именно теперь и должно что-то для него открыться? Нетерпение становилось всё сильнее — и ближе, значит, было исполнение, точно что-то, невидимое и всесильное, склонилось и рассматривает, он ли это. Нет, не рассматривает, Саня вдруг понял, что он ошибается и рассматривать его не могут, но это что-то улавливает все его чувства, всю исходящую из него молчаливую тайную жизнь и по ней определяет, есть ли в нём и достаточно ли того, что есть, для какого-то исполнения.

Дождь опять стал примолкать, во вздымающемся воздухе ощутимо донёлся запах багульника и кедровой смолы. Перевернулся с боку на бок и что-то пробормотал спросонья Митяй. И ещё тише стал дождь, он висел над костром на тёмном фоне парящим бусом. Саня замер, приготовившись, почему-то предчувствуя, что вот сейчас... И вдруг тьма единым широким вздохом вздохнула печально, чего-то добившись, затем вздохнула ещё раз. Дважды на Саню дохнуло звучанием исполински-глубокой, затаённой тоски, и почудилось ему, что невольно он отшатнулся и подался вослед этому возвеченному, неведь как донёшемуся зову — отшатнулся и тут же подался вослед, словно что-то вошло в него и что-то из него вышло, но вошло и вышло, чтобы, поменявшись местами, сообщаться затем без помехи. На несколько мгновений Саня потерял себя, не понимая и боясь понять, что произошло, приятное тепло сплошной мягкой волной разлилось по его телу, напряжение и ожидание исчезли новее, и с ощущением какой-то особенной полноты и конечной исполненности он поднялся и перешёл в шалаш.

Он уснул быстро, пристроившись на свободное место между Митяем и дядей Володи, но, засыпая, услышал, как снова припустил дождь и закапало сверху сквозь ветки и корьё. И вдруг проснулся — дядя Володя, перегнувшись через него, расталкивал Митяя и испуганно шептал:

— Митяй! Митяй! Поднимайся! Кто-то ходит.

— Кто ходит... Медведь, наверно, ходит, — недовольно отвечал Митяй. — Кому тут ещё ходить?!

— Слышишь? Ты послушай!

Митяй, продолжая сердито ворчать, поднялся и стал поджиглять костёр. Затрещали посыпавшиеся в стороны искры, затем ровно загудел огонь. Когда Митяй вернулся на своё место, Саня уже спал: слова о медведе мало встревожили его — или он окончательно не проснулся, или подействовал спокойный голос Митяя.

И ещё раз он услышал сквозь сон, как дядя Володя снова расталкивает Митяя, но слова его звучали где-то далеко-далеко и были плохо слышны. И там же, далеко, но с другого конца Митяй ворчливо объяснял:

— Да ты не бойся, спи. Походит и уйдёт. Ему же интересно поглядеть, кто это тут, вот он и выглядывает. Больше мы ему ни про что не нужны. Если бы ты тут жил, а к тебе бы, главное, медведи без спросу припёрлись, на твою территорию, — тебе что, неинтересно было бы? И ты бы так же бродил.

Больше Саню уже ничто не могло разбудить.

* * *

Его растормошил Митяй. Первое, что увидел Саня, открыв глаза, было солнце — не случайно выбравшееся из-за туч, чтобы показаться, что оно живо-здорово, а одно-единственное во всё огромное чистое небо, склонённое от горы за речку и дальше, чтобы солнцу легче было выкатиться на простор. Возле горы лежала ещё тень, слабая и начинающая подтаивать, от неё, казалось, и натекала небольшая сырость, но вся низина сияла под солнцем, и взрывчато, звёздчато взблескивали там на кустах яркими вспышками погибающие капли воды. И куда всё так скоро ушло — и беспросветная, бесконечная тьма в небе, и дождь, и ночные тревоги и страхи, — нельзя было представить.

Митяй успел не только вскипятить чай, но и приготовить варево, которое дружным согласием решили оставить на обед — перед тем как уходить обратно. Костёр догорал, слабый дымок редкой и тонкой прядью уходил прямо вверх, куда чувствовалась общая тяга. Саня и ступал как-то необыкновенно легко и высоко, словно приходилось затрачивать усилия не для того, чтобы ступать, а чтобы удержаться на земле и не взлететь. Деревья стояли с задранными ветками, и вытянуто, в рост, прямилась трава.

Они попили чаю и посидели ещё, наслаждаясь солнцем и поджидая, пока оно подберёт мокроту. Митяй был весел и громок и подтрунивал над дядей Володи́, над его ночным бдением. Дядя Володя, по обыкновению, отмалчивался, но на этот раз с видимой затаённостью и злостью. Это в конце концов почувствовал и Митяй и отстал от него. Саню же всё в это яркое утро приводило в восторг — и то, как обрывались с кедра и шлёпались о шалаш и о землю последние крупные капли дождя; и то, как умиротворённо и грустно, вызывая какую-то непонятную сладость в груди, затихал костёр; и то, как дурманяще и терпко пахла после дождя лесная земля; как всё больше и больше выбеливалась низина, куда им предстояло идти; и даже то, как неожиданно и дурноголосо, напугав их, закричала над головами кедровка.

Солнце вошло в силу, воздух нагрелся — пора было приниматься за дело. Саня заглянул в своё ведро, стоящее по-прежнему в рюкзаке под кедром, — ягода в нём заметно осела и сморилась, и всё-таки больше двух бидонов, прикинул он, в ведро уже не войдёт. Можно не торопиться. Но только начал он брать, только потекла сквозь пальцы первая ягода, ещё больше налившаяся, отличающаяся от вчерашней тем, что произошло в эту ночь, и вобравшая в себя какую-то непростую её силу, только окунулся он опять в её живую и радостную россыпь — руки заработали сами собой, и удержать их было уже невозможно. Под солнцем голубица скоро посветлела и стала под цвет неба — стоило Сане на секунду поднять глаза вверх, ягода исчезала совершенно, растекалась в синеве воздуха, так что приходилось затем всматриваться, напрягать зрение, чтобы снова отыскать её — по-прежнему ясную, крупную, отчётливо видимую.

Он и не заметил, как набрал один бидон, потом другой... Ведро было полнѐхонько, а он только разохотился. Обвязав сверху ведро чистой тряпицей, которую он для

этой надобности и прихватил с собой, чтобы не высыпалась по дороге ягода, он неторопливо стал спускаться по тропке обратно. Митяй, не разгибая спины, рывками шевелился за строем реденьких берёзок справа, дядю Володю видно не было, он, похоже, предпочитал оставаться один. От избытка счастья Саня сладостно вздохнул — так хорошо было, так светло и покойно и в себе и в мире этом, о бесконечной, яростной благодати которого он даже не подозревал, а только предчувствовал, что она где-то и для кого-то может быть. Но чтоб для него!.. И в себе, оказывается, многого не знал и не подозревал — этого, например, нечеловечески сильного и огромного чувства, пытающегося вместить в себя всё сияние и всё движение мира, всю его необъяснимую красоту и страсть, всю обманчиво сошедшуюся в одно зрение полноту. Саню распирало от этого чувства, он готов был выскочить из себя и взлететь, поддавшись ему... он готов был на что угодно.

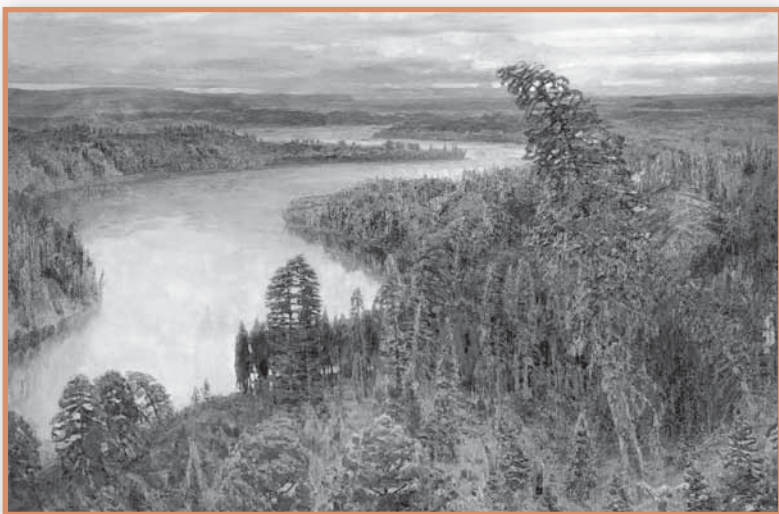
Захотелось вдруг пить, и он, спустившись к речке, попил, прихлёбывая из ладони.

Солнце поднялось высоко, день раздвинулся шире и стал глубже и просторней. Всё вокруг было как-то по-особенному ярко и свежо, точно Саня только что попал сюда совсем из другого, тесного и серого, мира или, по крайней мере, из зимы. Воздух гудел от солнца, от его ровно и чисто спадающего светозарного могучего течения; теперь, после ночи, пила и не могла напиться и насытиться солнцем земля, и так до новой ночи, когда небо опять потребует от неё свою долю. Всякий звук, всякий трепет листочка казался не случайным, значащим больше, чем просто звук или трепет, чем обычное существование их во дню, как и сам день не мог быть лишь движением времени. Нет, это был его величество и сиятельство день, случающийся на году лишь однажды или даже раз в несколько лет, в своём величии, сиянии и значении доходящий до последних границ. В такой день где-то — на

земле или в небе — происходит что-то особенное, с него начинается какой-то другой отсчёт. Но где, что, какой? Нет, слишком велик и ничему не подвластен, слишком вышен и всеславен был он, этот день, чтобы поддался он хоть какому-нибудь умственному извлечению из себя. Его возможно лишь чувствовать, угадывать, внимать — и только, а неизъяснимость вызванных им чувств лишь подтверждает его огромную неизъяснимость.

Саня принялся опять за ягоду, за дело, которое было ему по силам, но, смущённый и раздосадованный то ли неумелостью, то ли оплошностью своей, помешавшим понять ему что-то важное, что-то такое, что было совсем рядом и готово было помочь ему, расстроенный и недовольный собой, он провозился с последним бидоном долго. «Что-то», «какой-то», «где-то», «когда-то» — как всё это неверно и неопределённо, как смазано и растёрто в туманных представлениях и чувствах, и неужели то же самое у всех? Но ведь, как никогда прежде, близок он был к этим «что-то» и «какой-то», ощущал тепло и волнение в себе от их дыхания и вздрагивал от их прикосновения, с готовностью раскрывался и замирал от их обещающего присутствия. И чего же не хватало в нём, чтобы увидеть и понять? Какого, способного отделиться, чтоб встретить и ввести вовнутрь, существа-вещества, из каких глубин какого изначалья? Или его только дразнили, играли с ним в прятки, заметив его доверчивость и любопытство? И как знать: если бы он оказался в состоянии угадать и принять в себя эту загадочную и желанную неопределённость, раскрыть и назвать её словом — не стало бы это примерно тем же, что говорящий попугай среди людей?

Увидев, что дядя Володя направляется к шалашу, Саня пошёл вслед за ним и хотел высыпать из своего бидона в его далеко не полный горбовик, но дядя Володя неожиданно грубо и резко не позволил. Саня, очень удивлённый, отступил и поставил бидон на землю рядом с рюк-

Северный край. Художник А.М. Васнецов. 1899 г.

заком. Делать больше было нечего. Он сел на камень возле потухшего костра и, задумавшись и заглядевшись без внимания, окунулся опять в тепло и сияние до конца распахнувшегося, замершего над ним во всей своей благодати и мощи, раскрытой бездонности и нежности, без сомнения, заглавного среди многих и многих дня. Он сидел и слабым, усыпленной, замороженной и отрывистой мыслью думал: «Что же мне ещё надо? Так хорошо! В одно время он, такой день, и я... в одно время и здесь...»

И когда на обратном пути поднялись они с тяжёлой поклажей на вершину перевала, на тот таёжный каменный «трон», откуда волнами уплывали вдали леса; когда, встав на краю обрыва, оглядел на прощанье Саня это сияющее под солнцем без конца и без края и синеющее уже под ним величественное в красоте и покое первобытное раздолье — от восторга и непереносимо-сладкой боли гулко и отрывисто застучало у Сани сердце: пусть, пусть что угодно — он это видел!

1981

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

В.Г. РАСПУТИНА

Почти в каждой фразе писателя, во многих употреблённых им словах есть некая удивительная тайна. Не задумаешься над словом — и многое пропустишь, а возможно, и не поймёшь вовсе. Вот, к примеру, предложение в первом же абзаце: «Это была первая Санина ночь в тайге — и какая ночь! — точно взявшаяся показать ему один из своих могучих пределов».

1. О каких «могучих пределах» говорит писатель?
2. С чем в тексте сравнивается природа? Для чего эти сравнения необходимы писателю?
- 3*. По содержанию всей фразы определите значение отдельных слов: *поддувно*; *возвеченному* (возвеченный зов); *звёздчато*; *вышен* и *всеславен*; *изначалье*; *горбовик*.
4. Что увидел и почувствовал Саня в таёжном лесу? На основании этих наблюдений сделайте вывод о характере мальчика.
5. Внимательно ещё раз перечитайте последнюю фразу. В каких словах переданы ощущения Сани? Составьте синонимический ряд к каждому такому слову.

Минуты творчества

Если бы вы готовили компьютерную презентацию по этому отрывку из повести «Век живи — век люби», какие кадры вы бы сделали и какие подписи к ним подобрали?

Советуем прочитать

Найдите повесть «Век живи — век люби» и прочитайте её самостоятельно.

Из зарубежной литературы

Вы прочитали произведения отечественной литературы, теперь вам предстоит познакомиться с интересными образцами литературы зарубежной.

Внимательно прочитайте произведения, включённые в этот раздел, и вы поймёте, что иностранных авторов волновали те же вечные проблемы и темы, что и русских писателей. Они воспевали любовь, дружбу, отвагу, жизнелюбие и красоту, доброту и милосердие, противопоставляя их разрушительным, злым началам.

И в то же время каждая из национальных литератур глубоко оригинальна и самобытна, поскольку тесно связана с преданиями своего народа, историей своей страны и законами своего языка.

ДАНИЕЛЬ ДЕФО

Ок. 1660—1731

Даниель Дефо... Знаменитый создатель знаменитого Робинзона Крузо, о приключениях которого на необитаемом острове знает каждый ребёнок ещё до того, как научится читать... И, однако, автор «Робинзона Крузо» — и как человек, и как художник — одна из самых загадочных литературных фигур эпохи начала XVIII века. В его биографии до сих пор много тёмных мест. Начать хотя бы с даты его рождения, которая точно не установлена. Пополняется и уточняется колоссальный список его сочинений.

Ко времени, когда Дефо создал своего «Робинзона», он уже был широко известной фигурой в литературной и политической жизни Лондона. За плечами у литератора осталась жизнь, полная превратностей и приключений.

Сама страсть героя к путешествиям — яркая примета времени, когда на карте мира кое-где значилось: «Пока ещё не открытые места». На карте, приложенной к изданию «Робинзона Крузо» 1719 года, не нанесены ещё северо-западные границы Северной Америки, северо-восточные границы Азии и лишь слегка намечены северные и западные очертания Австралии, называвшейся тогда Новой Голландией. Интерес к рассказам мореплавателей был огромен. Книги о пу-

тешествиях пользовались широчайшим читательским спросом.

«Робинзон» стал одной из самых любимых книг для многих поколений людей.

Однако «Робинзон Крузо» не просто история воспитания беспутного юнца, вставшего в конце концов на верный путь. Это притча о скитаниях заблудшей души, через обращение к Богу обретшей путь к спасению.

По К.Н. Атаровой

ЖИЗНЬ, НЕОБЫКНОВЕННЫЕ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО,

моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове, у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написано им самим (Отрывок)

Я родился в 1632 году в городе Йорке в почтенной семье, хотя и не коренного происхождения: мой отец приехал из Бремена и поначалу обосновался в Гулле, затем, нажив торговлей хорошее состояние, он оставил дела и переселился в Йорк. Здесь он женился на моей матери, которая принадлежала к старинному роду, носившему фамилию Робинзон. Мне дали имя Робинзон, отцовскую же фамилию Крейцнер англичане, по обычаю своему коверкать иностранные слова, переделали в Крузо. Со временем мы и сами стали называть себя и подписываться Крузо; так же всегда звали меня и мои знакомые.

Робинзон Крузо. Иллюстрации к произведению —
художник Ж. Гранвиль. XIX в.

У меня было два старших брата. Один служил во Фландрии, в английском пехотном полку, том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локхарт; брат дослужился до чина подполковника и был убит в сражении с испанцами под Дюнкерком.

Что случилось со вторым моим братом — не знаю, как не знали отец и мать, что случилось со мной.

Так как в семье я был третьим сыном, то меня не готовили ни к какому ремеслу, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями. <...>

В Лондоне мне посчастливилось сразу же попасть в хорошую компанию, что не часто случается с такими распущенными, сбившимися с пути юнцами, каким я был тогда, ибо дьявол не дремлет и немедленно расставляет им какую-нибудь ловушку. Но не так было со мной. Я познакомился с одним капитаном, который незадолго перед тем ходил к берегам Гвинеи, и, так как этот рейс был для него очень удачен, он решил ещё раз отправиться туда. Ему полюбилось моё общество — в то время я мог быть приятным собеседником — и, узнав, что я мечтаю повидать свет, предложил мне ехать с ним, сказав, что мне это ничего не будет стоить, что я буду его сотрапезником и другом. Если же у меня есть возможность взять с собою в Гвинею товары, то мне, может быть, повезёт и я получу целиком всю вырученную от торговли прибыль.

Я принял предложение; завязав самые дружеские отношения с этим капитаном, человеком честным и прямодушным, я отправился с ним в путь, захватив с собой небольшой груз, на котором благодаря полной бескорыстности моего друга-капитана сделал весьма выгодный оборот; по его указаниям я закупил на сорок фунтов стерлингов различных побрякушек и безделок. Эти сорок фунтов я собрал с помощью моих родственников, с которыми был в переписке и которые, как я полагаю, убедили моего отца или, вернее, мать помочь мне хоть небольшой суммой в этом первом моём предприятии.

Это путешествие было, можно сказать, единственным удачным из всех моих походов, чем я обязан бескорыстия и честности моего друга-капитана, под

руководством которого я, кроме того, приобрёл изрядные сведения в математике и навигации, научился вести корабельный журнал, делать наблюдения и вообще узнал много такого, что необходимо знать моряку. Ему доставляло удовольствие заниматься со мной, а мне — учиться. Одним словом, в этом путешествии я сделался моряком и купцом; я выручил за свой товар пять фунтов девять унций золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил без малого триста фунтов стерлингов. Эта удача преисполнила меня честолюбивыми мечтами, впоследствии довершившими мою гибель.

Но даже и в этом путешествии мне пришлось претерпеть немало невзгод, и, главное, я всё время прохворал, схватив сильнейшую тропическую лихорадку вследствие чересчур жаркого климата, ибо побережье, где мы больше всего торговали, лежит между пятнадцатым градусом северной широты и экватором.

Итак, я сделался купцом и вёл торговлю с Гвинеей. На моё несчастье, мой друг-капитан вскоре по прибытии на родину умер, и я решил снова съездить в Гвинею самостоятельно. Я отплыл из Англии на том же самом корабле, командование которым перешло теперь к помощнику умершего капитана. Это было самое злополучное путешествие, когда-либо выпадавшее на долю человека. Правда, я взял с собой меньше ста фунтов из нажитого капитала, а остальные двести фунтов отдал на хранение вдове моего покойного друга, распорядившейся ими весьма добросовестно; но зато меня постигли во время пути страшные беды. Началось с того, что однажды, на рассвете, наше судно, державшее курс на Канарские острова или, вернее, между Канарскими островами и Африканским материком, было застигнуто врасплох турецким пиратом из Сале, который погнался за нами на всех парусах. Мы тоже подняли все паруса, какие могли выдержать наши реи и мачты, но, видя, что пи-

рат нас настигает и неминуемо догонит через несколько часов, мы приготовились к бою (у нас было двенадцать пушек, а у него восемнадцать). Около трёх пополудни он нас нагнал, но по ошибке, вместо того чтобы подойти к нам с кормы, как он намеревался, подошёл с борта. Мы навели на пиратское судно восемь пушек и дали по нему залп; тогда оно отошло немного подальше, предварительно ответив на наш огонь не только пушечным, но и ружейным залпом из двух сотен ружей, так как на этом судне было человек двести. Впрочем, у нас никто не пострадал: все наши люди держались дружно. Затем пират приготовился к новому нападению, а мы — к новой обороне. Подойдя на этот раз с другого борта, он взял нас на abordаж: человек шестьдесят ворвалось к нам на палубу, и все первым делом бросились рубить снасти. Мы встретили их ружейной пальбой, забросали дротиками, подожжёнными ящиками с порохом и дважды изгоняли их с нашей палубы. Тем не менее корабль наш был приведён в негодность, трое наших людей было убито, а восемь ранено, и в конце концов (я сокращаю эту печальную часть моего повествования) мы вынуждены были сдаться, и нас отвезли в качестве пленников в Сале, морской порт, принадлежащий маврам¹.

Участь моя оказалась менее ужасной, чем я ожидал поначалу. Меня не увели, как остальных, вглубь страны, ко двору султана: капитан разбойничьего корабля удержал меня в качестве невольника, так как я был молод, проворен и мог ему пригодиться. Этот разительный поворот судьбы, превративший меня из купца в жалкого раба, был совершенно ошеломителен; тут-то мне вспомнились пророческие слова моего отца о том, что придёт время, когда некому будет выручить меня из беды, слова, которые, думалось мне, сбылись сейчас,

¹ *Мавры* — здесь: мусульманское население Северной Африки.

когда десница Божия покарала меня и я погиб безвозвратно. Но увы! То была лишь бледная тень тяжёлых испытаний, через которые мне предстояло пройти, как покажет продолжение моего рассказа.

Так как мой новый хозяин или, точнее, господин взял меня к себе в дом, то я надеялся, что он захватит с собой меня и в следующее плавание. Я был уверен, что рано или поздно его настигнет какой-нибудь испанский или португальский корабль, и тогда мне будет возвращена свобода. Но надежда моя скоро рассеялась, ибо, выйдя в море, он оставил меня присматривать за его садиком и исполнять всю чёрную работу, возлагаемую на рабов; по возвращении же из похода он приказал мне жить в каюте и присматривать за судном.

С того дня я ни о чём не думал, кроме побега, но какие бы способы я ни измышлял, ни один из них не сулил даже малейшей надежды на успех. Да и трудно было предположить вероятность успеха в подобном предприятии, ибо мне некому было довериться, не у кого искать помощи — здесь не было ни одного невольника англичанина, ирландца или шотландца, я был совершенно одинок; так что целых два года (хотя в течение этого времени я часто тешился мечтами о свободе) у меня не было и тени надежды на осуществление моего плана.

Но по прошествии двух лет представился один необыкновенный случай, ожививший в моей душе давнишнюю мысль о побеге, и я вновь решил сделать попытку вырваться на волю. Как-то мой хозяин дольше обыкновенного находился дома и не готовил свой корабль к отплытию (у него, как я слышал, не хватало денег). Постоянно, раз или два в неделю, а в хорошую погоду и чаще, он выходил на корабельном полубаркасе на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал гребцами меня и молоденького мавра, и мы уве-

селяли его по мере сил. А так как я к тому же оказался весьма искусным рыболовом, то иногда он посылал за рыбой меня с мальчиком — Мареско, как они называли его, — под присмотром одного взрослого мавра, своего родственника.

Однажды мы вышли на ловлю в тихое, ясное утро, но, проплыв мили полторы, мы очутились в таком густом тумане, что потеряли из виду берег и стали грести наугад; проработав вёслами весь день и всю ночь, мы с наступлением утра увидели кругом открытое море, ибо, вместо того чтобы держаться ближе к берегу, мы отошли от него по меньшей мере на шесть миль. В конце концов мы с огромным трудом и не без риска добрались домой, так как с утра задул довольно крепкий ветер, и к тому же мы изнемогали от голода.

Наученный этим приключением, мой хозяин решил впредь быть осмотрительнее и объявил, что больше никогда не выедет на рыбную ловлю без компаса и без запаса провизии. После захвата нашего английского корабля он оставил себе баркас и теперь приказал своему корабельному плотнику, тоже невольнику-англичанину, построить на этом баркасе в средней его части небольшую рубку, или каютку, как на барже. Позади рубки хозяин велел оставить место для одного человека, который будет править рулём и управлять гротом, а впереди — для двоих, чтобы крепить и убирать остальные паруса, из коих кливер находился над крышей каютки. Каютка получилась низенькая, очень уютная и настолько просторная, что в ней можно было спать троим и поместить стол и шкафчики для хранения хлеба, риса, кофе и бутылок с теми напитками, какие он считал наиболее подходящими для морских путешествий.

Мы часто ходили за рыбой на этом баркасе, и так как я стал искуснейшим рыболовом, то хозяин никогда не выезжал без меня. Однажды он задумал выйти в море

(за рыбой или просто прокатиться — уж не могу сказать) с двумя-тремя маврами, надо полагать, важными персонами, для которых он особенно постарался, заготовив провизии больше обычного и ещё с вечера отослав её на баркас. Кроме того, он приказал мне взять у него на судне три ружья с необходимым количеством пороха и зарядов, так как, помимо ловли рыбы, им хотелось ещё поохотиться на птиц.

Я сделал всё, как он велел, и на другой день с утра ждал его на баркасе, чисто вымытом и совершенно готовом к приёму гостей, с поднятыми вымпелами и флагом. Однако хозяин пришёл один и сказал, что его гости отложили поездку из-за какого-то непредвиденного дела. Затем он приказал нам троим — мне, мальчику и мавру — идти, как всегда, на взморье за рыбой, так как его друзья будут у него ужинать, и потому, как только мы наловим рыбы, я должен принести её к нему домой. Я повиновался.

Вот тут-то у меня блеснула опять моя давнишняя мысль о побеге. Теперь в моём распоряжении было маленькое судно, и, как только хозяин ушёл, я стал готовиться, но не для рыбной ловли, а в дальнюю дорогу, хотя не только не знал, но даже и не думал о том, куда я направлю свой путь; всякая дорога была для меня хороша, лишь бы уйти из неволи.

Первым моим ухищрением было внушить мавру, что нам необходимо запастись едой, так как нам не пристало пользоваться припасами для хозяйских гостей. Он ответил, что это справедливо, и притащил на баркас большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды. Я знал, где стоит у хозяина ящик с винами (судя по ярлычкам на бутылках — добыча с какого-нибудь английского корабля), и, пока мавр был на берегу, я переправил все бутылки на баркас и поставил в шкафчик, как будто они были ещё раньше приготовлены для хозяина. Кроме того, я принёс большой кусок воску, фунтов в пятьдесят весом,

да прихватил моток бечёвки, топор, пилу и молоток. Всё это очень нам пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи. Я пустил в ход ещё и другую хитрость, на которую мавр тоже попался по простоте своей души. Его имя было Измаил, но все его звали Мали или Мули. Вот я и сказал ему:

— Мали, у нас на баркасе есть хозяйские ружья. Что, если б ты добыл немножко пороху и дроби? Может быть, нам удалось бы подстрелить себе на обед несколько альками (птица вроде нашего кулика). Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

— Хорошо, я принесу, — сказал он и притащил большой кожаный мешок с порохом (фунта в полтора весом, если не больше) да другой с дробью, фунтов в пять или шесть. Он захватил также и пули. Всё это мы сложили в баркас. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось ещё немного пороху, который я пересыпал в одну из стоявших в ящике почти пустую бутылку, перелив из неё остатки вина в другую. Таким образом, мы запаслись всем необходимым для путешествия и вышли из гавани на рыбную ловлю. В сторожевой башне, что стоит у входа в гавань, знали, кто мы такие, и наше судно не привлекло внимания. Отойдя от берега не больше как на милю, мы убрали парус и стали готовиться к ловле. Ветер был северо-северо-восточный, что не отвечало моим планам, потому что дуй он с юга, я мог бы наверняка доплыть до испанских берегов, по крайней мере до Кадикса; но откуда бы он ни дул, я твёрдо решил одно: убраться подальше от этого ужасного места, а потом будь что будет.

Поудив некоторое время и ничего не поймав — я нарочно не вытаскивал удочки, когда у меня рыба клева, чтобы мавр ничего не видел, — я сказал:

— Тут у нас дело не пойдёт; хозяин не поблагодарит нас за такой улов. Надо отойти подальше.

Не подозревая подвоха, мавр согласился и поставил паруса, так как он был на носу баркаса. Я сел на руль и, когда баркас отошёл ещё мили на три в открытое море, лёг в дрейф¹ как будто затем, чтобы приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я подошёл к мавру сзади, нагнулся, словно рассматривая что-то под ногами, вдруг обхватил его, поднял и швырнул за борт. Мавр мгновенно вынырнул, ибо плавал как пробка, и стал умолять, чтобы я взял его на баркас, клянясь, что поедет со мной хоть на край света. Он плыл так быстро, что догнал бы лодку очень скоро, тем более что ветра почти не было. Тогда я бросился в каюту, схватил охотничье ружьё и, направив на него дуло, крикнул, что не желаю ему зла и не сделаю ему ничего дурного, если он оставит меня в покое.

— Ты хорошо плаваешь, — продолжал я, — на море тихо, и тебе ничего не стоит доплыть до берега; я тебя не трону; но только попробуй подплыть близко к баркасу, и я мигом прострелю тебе череп, потому что твёрдо решился вернуть себе свободу.

Тогда он повернул к берегу и, несомненно, доплыл до него без особого труда — пловец он был отличный.

Конечно, я мог бы бросить в море мальчика, а мавра взять с собою, но довериться ему было бы опасно. Когда он отплыл достаточно далеко, я повернулся к мальчику — его звали Ксури — и сказал:

— Ксури! Если ты будешь мне верен, я сделаю тебя большим человеком, но если ты не погладишь своего лица в знак того, что не изменишь мне, то есть не поклянёшься бородой Магомета и его отца, я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и отвечал так чистосердечно, что я не мог не поверить ему. Он поклялся, что будет мне верен и поедет со мной на край света.

¹ *Лечь в дрейф* — расположить паруса так, чтобы можно было, не бросая якоря, удерживать судно на месте.

Пока плывущий мавр не скрылся из вида, я держал прямо в открытое море, лавируя против ветра. Я делал это нарочно, чтобы показать, будто мы идём к Гибралтарскому проливу (как, очевидно, и подумал бы каждый здравомыслящий человек). В самом деле, можно ли предположить, что мы намерены направиться на юг, к тем поистине варварским берегам, где целые полчища негров со своими челноками окружили и убили бы нас; где, стоило только ступить на землю, нас растерзали бы хищные звери или ещё более кровожадные дикие существа в человеческом образе?

Но как только стало смеркаться, я изменил курс и стал править на юг, уклоняясь слегка к востоку, чтобы

не слишком удаляться от берегов. Благодаря довольно свежему ветерку и спокойствию на море мы шли таким хорошим ходом, что на другой день в три часа пополудни, когда впереди в первый раз показалась земля, мы были не менее чем на полтораста миль южнее Сале, далеко за пределами владений марокканского султана, да и всякого другого из тамошних владык; по крайней мере, мы не видели ни одного человека. Но я набрался такого страха у мавров и так боялся снова попасться им в руки, что, пользуясь благоприятным ветром, целых пять дней плыл не останавливаясь, не приставая к берегу и не бросая якоря. Через пять дней ветер переменялся на южный, и, по моим соображениям, если за нами и была погоня, то к этому времени преследователи уже должны были от неё отказаться, поэтому я решился подойти к берегу и стал на якорь в устье какой-то маленькой речки. Какая это была речка и где она протекала, в какой стране, у какого народа и под какой широтой, я не имел понятия. Я не видал людей на берегу, да и не стремился увидеть; главное для меня было — запастись пресной водой. Мы хотели войти в эту речку под вечер, когда стемнеет, добраться вплавь до берега и осмотреть местность. Но как только стемнело, мы услышали с берега такие ужасные звуки, такой неистовый рёв, лай и вой неведомых диких зверей, что бедный мальчик чуть не умер со страху и молил меня не сходить на берег до наступления дня.

— Хорошо, Ксури, — сказал я, — но, быть может, днём мы там увидим людей, которые для нас, пожалуй, опаснее, чем тигры и львы.

— А мы бух-бух из ружья, — сказал он со смехом, — они и убегут.

От невольников-англичан Ксури научился говорить на ломаном английском языке. Я был рад, что мальчик так весел, и, чтобы поддержать в нём эту бодрость духа,

дал ему стакан вина из хозяйских запасов. Совет его, в сущности, был недурен, и я последовал ему. Мы бросили якорь и простояли всю ночь, притаившись. Я говорю — притаившись, потому что мы ни минуты не спали. Часа через два-три после того, как мы бросили якорь, мы увидали на берегу огромных животных (каких — мы и сами не знали); они подходили к самому берегу, бросались в воду, плескались и барахтались, очевидно, чтобы освежиться, и при этом отвратительно визжали, ревели и выли; я в жизни не слыхал ничего подобного.

Ксури был страшно напуган, да, правду сказать, и я тоже. Но ещё больше испугались мы оба, когда услышали, что одно из этих страшилищ плывёт к нашему баркасу; мы не видели его, но по тому, как оно отдувалось и фыркало, могли заключить, что это было свирепое животное чудовищных размеров. Ксури решил, что это лев (быть может, так оно и было, по крайней мере, я не уверен в противном), и крикнул, что надо поднять якорь и уйти отсюда.

— Нет, Ксури, — отвечал я, — незачем поднимать якорь; мы вытравим канат подлиннее и выйдем в море; туда они за нами не погонятся. — Но не успел я это сказать, как увидел неизвестного зверя на расстоянии каких-нибудь двух вёсел от баркаса. Признаюсь, я немного оторопел, однако сейчас же схватил в каюте ружьё, и, как только я выстрелил, животное повернуло назад и поплыло к берегу.

Невозможно описать, что за адский рёв, вопли и завывания поднялись на берегу и дальше, в глубине материка, когда раздался мой выстрел. Это давало мне некоторое основание предположить, что здешние звери никогда не слыхали такого звука. Я окончательно убедился, что нам и думать нечего о высадке на берег ночью, но вряд ли возможно будет высадиться и днём: попасть в руки какого-нибудь дикаря

не лучше, чем попасться в когти льву или тигру; по крайней мере, эта опасность пугала нас несколько не меньше.

Тем не менее здесь или в другом месте, но нам необходимо было сойти на берег, ибо у нас не оставалось ни пинты¹ воды. Но опять загвоздка была в том, где и как высадиться. Ксури объявил, что, если я его пушу на берег с кувшином, он постарается разыскать и принести пресную воду. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне и отчего ему не остаться в лодке, в ответе мальчика было столько глубокого чувства, что он подкупил меня навеки.

— Коли там дикие люди, — сказал он, — они меня скушать, а ты уплывать.

— Тогда вот что, Ксури, — сказал я, — отправимся вместе, а если там дикие люди, мы убьём их, и они не съедят ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику поесть сухарей и выпить глоток вина из хозяйского запаса, о котором я уже говорил; затем мы подтянулись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме оружия да двух кувшинов для воды.

Я не хотел удаляться от берега, чтоб не терять из виду баркаса, опасаясь, как бы вниз по реке к нам не спустились дикари в своих пирогах; но Ксури, заметив низинку на расстоянии приблизительно одной мили от берега, зашагал туда с кувшином. Вскоре я увидел, что он бежит назад. Подумав, что за ним гонятся дикари либо он испугался хищного зверя, я бросился к нему на помощь, но, подбежав ближе, увидел, что на плечах у него что-то лежит. Оказалось, он убил какого-то зверька вроде нашего зайца, но иной окраски и с более длинными ногами. Мы оба радовались такой удаче, и мясо убитого животного

¹ *Пінта* — английская единица объёма жидкостей (равная приблизительно 0,5 литра).

оказалось очень вкусным; но ещё больше я обрадовался, услышав от Ксури, что он нашёл хорошую пресную воду и не встретил диких людей.

Потом оказалось, что наши чрезмерные хлопоты о воде были напрасны: в той самой речке, где мы стояли, только немного повыше, куда не достигал прилив, вода была совершенно пресная, и мы, наполнив кувшины, устроили пиршество из убитого зайца и приготовились продолжать путь, так и не обнаружив в этой местности никаких следов человека.

Я уже побывал однажды в этих местах, и мне было хорошо известно, что Канарские острова и острова Зелёного Мыса отстоят недалеко от материка. Но теперь у меня не было с собой приборов для наблюдений, и, следовательно, я не мог определить, на какой широте мы находимся; к тому же я не знал в точности или, во всяком случае, не помнил, на какой широте лежат эти острова, поэтому неизвестно было, где их искать и когда следует свернуть в открытое море, чтобы приплыть к ним; знай я это, мне было бы нетрудно добраться до какого-нибудь из островов. Но я надеялся, что если я буду держаться вдоль берега, покамест не дойду до той части страны, где англичане ведут береговую торговлю, то я, по всей вероятности, встречу какое-нибудь английское купеческое судно, совершающее свой обычный рейс, и оно нас подберёт.

По всем моим расчётам, мы находились теперь против береговой полосы, что тянется между владениями марокканского султана и землями негров. Это пустынная, безлюдная область, где обитают одни только дикие звери: негры, боясь мавров, покинули её и ушли дальше на юг; а мавры нашли невыгодным заселять эти бесплодные земли; вернее же, что тех и других распугали тигры, львы, леопарды и прочие хищники, которые водятся здесь в несметном количестве. Таким образом, для мавров эта область служит только местом охоты, на которую они

отправляются целыми армиями, по две, по три тысячи человек. Неудивительно поэтому, что на протяжении чуть ли не ста миль мы видели днём лишь безлюдную пустыню, а ночью не слышали ничего, кроме воя и рёва диких зверей.

Два раза в дневную пору мне показалось, что я вижу вдаль Тенерифский пик — высочайшую вершину горы Тенериф, что на Канарских островах. Я даже пробовал сворачивать в море в надежде добраться туда, но оба раза противный ветер и сильное волнение, опасное для моего утлого судёнышка, принуждали меня повернуть назад, так что в конце концов я решил не отступать более от моего первоначального плана и держаться вдоль берегов.

После того как мы вышли из устья речки, нам ещё несколько раз пришлось приставать к берегу для пополнения запасов пресной воды. Однажды ранним утром мы стали на якорь под защитой довольно высокого мыска; прилив только ещё начинался, и мы ждали полной его силы, чтобы подойти ближе к берегу. Вдруг Ксури, у которого, видно, глаза были зорче моих, тихонько окликнул меня и сказал, что нам лучше отойти от берега подальше.

— Глянь, какое страшилище вон там на пригорке крепко спит.

Я взглянул, куда он показывал, и действительно увидел страшилище. Это был огромной величины лев, лежавший на скате берега в тени нависшей скалы.

— Ксури, — сказал я, — ступай на берег и убей его. Мальчик испугался.

— Я его убить? — проговорил он. — Он меня съест одной глоткой. — Он хотел сказать — одним глотком.

Я не стал возражать, велел только не шевелиться и, взяв самое большое ружьё, по калибру почти равнявшееся мушкету, зарядил его двумя кусками свинца и порядочным количеством пороху; в другое я вкатил две большие пули, а в третье (у нас было три ружья) — пять

пуль поменьше. Взяв первое ружьё и хорошенько прицелившись зверю в голову, я выстрелил; но он лежал, прикрыв морду лапой, и заряд попал ему в переднюю лапу и перебил кость выше колена. Зверь с рычанием вскочил, но, почувствовав боль, сейчас же свалился, потом опять поднялся на трёх лапах и испустил такой ужасный рёв, какого я в жизни своей не слышал. Я был немного удивлён тем, что не попал ему в голову, однако, не медля ни минуты, взял второе ружьё и выстрелил зверю вдогонку, так как он заковылял было прочь от берега; на этот раз заряд попал прямо в цель. Я с удовольствием увидел, как лев упал и, издавая какие-то слабые звуки, начал корчиться в борьбе со смертью. Тут Ксури набрался храбрости и стал проситься на берег.

— Ладно, ступай, — сказал я.

Мальчик прыгнул в воду и поплыл к берегу, работая одной рукой и держа в другой ружьё. Подойдя вплотную к распростёртому зверю, он приставил дуло ружья к его уху и выстрелил, прикончив зверя.

Дичь была знатная, но несъедобная, и я очень жалел, что мы истратили даром три заряда. Но Ксури объявил, что он поживится кое-чем от убитого льва, и, когда мы вернулись на баркас, попросил у меня топор.

— Зачем тебе топор? — спросил я.

— Отрубить ему голову, — ответил Ксури. Однако головы отрубить он не смог, а отрубил только лапу, которую и притащил с собой. Она была чудовищных размеров.

Тут мне пришло в голову, что, может быть, нам пригодится шкура льва, и решил попытаться снять её. Мы с Ксури подошли ко льву, но я не знал, как взяться за дело. Ксури оказался гораздо ловчее меня. Эта работа заняла у нас целый день. Наконец шкура была снята; мы растянули её на крыше нашей каютки; дня через два солнце как следует просушило её, и впоследствии она служила мне постелью.

1719

Перевод М.А. Шишмарёвой

Вопросы и задания

1. Какие размышления и чувства вызвал у вас фрагмент произведения? Какие поступки и высказывания героя кажутся вам особенно интересными?
2. Как вы думаете, «Робинзон Крузо» — произведение о том, что человек всё может, или главная идея в другом? Подготовьте рассуждение на эту тему.
- 3*. Какое произведение из тех, что вы прочитали, можно сопоставить с «Робинзоном Крузо»? Почему?
4. В каких случаях в наши дни можно назвать человека робинзоном?

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН 1805—1875

Моя жизнь — это прекрасная сказка, богатая событиями, благословенная. Если бы в детстве, когда я бедным мальчиком один пустился по белу свету, меня встретила могущественная фея и сказала бы мне: «Выбери себе дорогу и цель, и я, в соответствии с твоими дарованиями и разумными возможностями, буду охранять и направлять тебя!» — и тогда моя судьба не сложилась бы счастливее, мудрее и лучше. История моей жизни поведаст миру то, что она говорит мне: «Господь милостив и всё творит к лучшему».

Х.К. Андерсен

Сказки Х.К. Андерсена о стойком оловянном солдате, маленькой Дюймовочке, Снежной королеве и Гадком утёнке, превратившемся в прекрасного белоснежного лебедя, знают на всём земном шаре. Потому и поставлен на родине писателя, в столице Дании — Копенгагене — памятник Хансу Кристиану Андерсену.

Вся Дания разместилась на островах и одном большом полуострове, который называется Ютландия. В городе Оденсе на острове Фюн в семье бедного сапожника в самом начале XIX века родился Андерсен. «Детство моё, — вспоминал писатель, —

прошло в одной-единственной комнатке, почти целиком заставленной сапожным верстаком, кроватью и раздвижной скамьёй, на которой я спал, зато стены были увешаны картинами, на комоде стояли красивые чашки, стаканы и безделушки, а над верстаком, у окна, висела полка с книгами и нотами. Тесное помещение казалось мне большим и роскошным...

Из кухни вела лестница на чердак, где в водосточном жёлобе между нашим и соседским домом стоял ящик с землёй, в котором росли лук и петрушка, это был огород моей матери, он до сих пор цветёт в моей сказке “Снежная королева”».

В детстве всё важно: и цветы, и самодельные игрушки, и кукольный театр, и прогулки по городу. Интересно было рассматривать театральные афиши, наблюдать, как иногда проходили по улицам матросы и солдаты.

Мальчик смотрел на них во все глаза, восхищаясь, как бодро шагают они по каменным плитам мостовой: раз-два! раз-два!

По вечерам Ханс с жадностью слушал сказки и истории, которые рассказывали старшие. Особенно много удивительных историй, замечательных сказок и прекрасных песен знала бабушка. Ханс внимательно слушал, запоминал, и ему самому хотелось рассказать обо всём, что приходило ему в голову.

Несколько раз Хансу довелось побывать в театре, и с тех пор желание стать актёром не покидало его. Но как осуществить мечту? Отец умер, когда Хансу было одиннадцать лет. Учился он в школе для бедных, работал на фабрике, чтобы помогать матери. Но мечту о театре не оставлял. Сам писал пьесы, разыгрывал сценки перед ребятами, пел песни. Ханса любили. Он был смешной и добрый, долговязый и тощий, с большим носом и ясными голубыми глазами. Однажды он сыграл роль пажа в спектакле «Золушка».

В сказках Андерсена вещи оживают. Игрушки устраивают бал. Воротничок собирается жениться. Старый уличный фонарь важно лежит в кресле возле тёплой печки. Грифель пляшет. Мебель кряхтит, кряхтят столы, стулья и кресла.

Истории и сказки, рассказанные Андерсеном, не всегда имеют счастливый конец, но в них всегда говорится о том, что добро, честность, мужество и справедливость — самое важное в жизни.

Многие его истории написаны по мотивам народных сказок. Среди них — «Огниво», «Принцесса на горошине», «Свинопас», «Дикие лебеди», «Маленький Клаус и большой Клаус». Однако, используя мотивы и образы народных сказок, Андерсен представлял их по-своему, многое изменял.

Есть у Андерсена сказки исторические, основанные на народных преданиях. В них говорится об истории Дании и её национальных героях.

Его называли писателем-путешественником. Он объездил все страны Европы, был знаком со многими писателями, художниками, артистами, скульпторами. А теперь и его сказки путешествуют по всему миру.

По Н.П. Михальской

СОЛОВЕЙ

В Китае, как ты знаешь, и сам император, и все его подданные — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нём послушать, пока оно не забудется совсем! В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского; он весь был из драгоценного фарфора, зато такой хрупкий, что страшно было до него дотронуться. В са-

ду росли чудеснейшие цветы; к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики; звон их должен был обращать на цветы внимание каждого прохожего. Вот как тонко было придумано! Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Из сада можно было попасть прямо в густой лес; в чаще его таились глубокие озёра, и доходил он до самого синего моря. Корабли проплывали под нависшими над водой вершинами деревьев, и в ветвях их жил соловей, который пел так чудесно, что его заслушивался, забывая о своём неводе, даже бедный, удручённый заботами рыбак. «Господи, как хорошо!» — вырывалось наконец у рыбака, но потом бедняк опять принимался за своё дело и забывал о соловье, на следующую ночь снова заслушивался его и снова повторял то же самое: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они дивились на великолепный дворец и на сад, но, услышав соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всём виденном; учёные описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье, и даже ставили его выше всего; поэты славили в честь крылатого певца, жившего в лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них дошли и до самого императора. Он восседал в своём золотом кресле, читал-читал и поминутно кивал головой — ему очень приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. «Но соловей лучше всего!» — стояло в книге.

— Что такое? — удивился император. — Соловей? А я ведь и не знаю его! Как? В моём государстве и даже в моём собственном саду живёт такая удивительная пти-

ца, а я ни разу и не слыхал о ней! Пришлось вычитать о ней из книг!

И он позвал к себе первого из своих приближённых; а тот напускал на себя такую важность, что, если кто-нибудь из людей попроще осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, отвечал только: «Пф!» — а это ведь ровно ничего не означает.

— Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, по имени соловей. Её считают главной достопримечательностью моего великого государства! — сказал император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней?

— Я даже и не слыхал о ней! — отвечал первый приближённый. — Она никогда не была представлена ко двору!

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела передо мною сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю.

— И не слыхивал о такой птице, — повторил первый приближённый. — Но я разыщу её!

Легко сказать! А где её разыщешь?

Первый приближённый императора бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из встречных, к кому он ни обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Первый приближённый вернулся к императору и доложил, что соловья-де, верно, выдумали книжные сочинители.

— Ваше величество не должны верить всему, что пишут в книгах: всё это одни выдумки, так сказать, чёрная магия!..

— Но ведь эта книга прислана мне самим могущественнейшим императором Японии, и в ней не может быть неправды! Я хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером! Я объявляю ему моё высочайшее благоволение! Если же его не будет здесь

в назначенное время, я прикажу после ужина всех придворных бить палками по животу!

— Тзинг-пе! — сказал первый приближённый и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам; с ним бегала и добрая половина придворных, — никому не хотелось отведать палок. У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе ни одна душа не знает.

Наконец на кухне нашли одну бедную девочку, которая сказала:

— Господи! Как не знать соловья! Вот уж поёт-то! Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живёт матушка у самого моря, и вот, когда я иду назад и сяду отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья! Слёзы так и потекут у меня из глаз, а на душе станет так радостно, словно матушка целует меня!..

— Кухарочка! — сказал первый приближённый императора. — Я определю тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе позволение посмотреть, как кушает император, если ты сведёшь нас к соловью! Он приглашён сегодня вечером ко двору!

И вот все отправились в лес, где обыкновенно распевал соловей; отправилась туда чуть не половина всех придворных. Шли, шли, вдруг замычала корова.

— О! — сказали молодые придворные. — Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького создания! Но мы положительно слышали его раньше!

— Это мычит корова! — сказала девочка. — Нам ещё далеко до места.

В пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне!

— Нет, это лягушки! — сказала опять девочка. — Но теперь, я думаю, скоро услышим и его!

И вот запел соловей.

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях.

— Неужели! — сказал первый приближённый императора. — Никак не воображал себе его таким! Самая простая наружность! Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ!

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император желает послушать тебя!

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— словно стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближённый. — Глядите, как трепещет это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слышали его раньше! Он будет иметь огромный успех при дворе!

— Спеть ли мне императору ещё? — спросил соловей. Он думал, что тут был и сам император.

— Несравненный соловушка! — сказал первый приближённый императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением!

— Пение моё гораздо лучше слушать в зелёном лесу! — сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился туда отправиться.

При дворе шли приготовления к празднику. В фарфоровых стенах и в полу сияли отражения бесчисленных золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены чудеснейшие цветы с колокольчиками, которые от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса. Посреди огромной залы, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были

в полном сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке, — теперь ведь она получила звание придворной поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слёзы и покатались по щекам. Тогда соловей залился ещё громче, ещё слаще; пение его так и хватало за сердце. Император был очень доволен и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, говоря, что довольно награждён и без того.

— Я видел на глазах императора слёзы — какой ещё награды желать мне! В слезах императора дивная сила! Видит Бог — я награждён с избытком!

И опять зазвучал его чудный, сладкий голос.

— Вот самое очаровательное кокетство! — сказали придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговаривать. Этим они думали походить на соловья. Даже слуги и служанки объявили, что очень довольны, а это ведь много значит: известно, что труднее всего угодить этим особам. Да, соловей положительно имел успех.

Его оставили при дворе, отвели ему особую комнатку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему двенадцать слуг; каждый держал его за привязанную к его лапке шёлковую ленточку. Большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имена в честь соловья, но ни у одного из них не было и признака голоса.

Раз императору доставили большой пакет с надписью: «Соловей».

— Ну, вот ещё новая книга о нашей знаменитой птице! — сказал император.

Но то была не книга, а затейливая штучка: в ящике лежал искусственный соловей, похожий на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьём императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все придворные, и явившегося с птицей посланца императора японского сейчас же утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьёв».

— Теперь пусть-ка споют вместе, вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный — как заведённая шарманка.

— Это не его вина! — сказал придворный капельмейстер. — Он безукоризненно держит такт и поёт совсем по моей методе.

Искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как настоящий, но был куда красивее, весь так и блестел драгоценностями!

Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Окружающие охотно послушали бы его ещё раз, да император нашёл, что надо заставить спеть и живого соловья. Но куда же он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и унёсся в свой зелёный лес.

— Что же это, однако, такое! — огорчился император, а придворные назвали соловья неблагодарной тварью.

— Лучшая-то птица у нас всё-таки осталась! — сказали они, и искусственному соловью пришлось петь то же самое в тридцать четвёртый раз.

Никто, однако, не успел ещё выучить мелодии наизусть, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птицу и уверял, что она даже выше настоящей не только платьем и бриллиантами, но и по внутренним своим достоинствам.

— Что касается живого соловья, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споёт он, у искусственного же всё известно наперёд! Можно даже отдать себе полный отчёт в его искусстве, можно разобрать его и показать всё его внутреннее устройство — плод человеческого ума, расположение и действие валиков, всё, всё!

— Я как раз того же мнения! — сказал каждый из присутствовавших, и капельмейстер получил разрешение показать птицу в следующее же воскресенье народу.

— Надо и народу послушать её! — сказал император.

Народ послушал и был очень доволен, как будто вдосталь напился чаю, — это ведь совершенно по-китайски. От восторга все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:

— Недурно и даже похоже, но всё-таки не то! Чего-то недостаёт в его пении, а чего — мы и сами не знаем!

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственная птица заняла место на шёлковой подушке возле императорской постели. Кругом неё были разложены все пожалованные ей драгоценности. Величали же её теперь «императорского ночного столика первым певцом с левой стороны», — император считал

более важною именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора. Капельмейстер написал об искусственном соловье двадцать пять томов учёных-преучёных и полных самых мудрёных китайских слов.

Придворные, однако, говорили, что читали и поняли всё, иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили палками по животу.

Так прошёл целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья, но потому-то пение его им так и нравилось: они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!» Сам император напевал то же самое. Ну что за прелесть!

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри её зашипело, зажужжало, колёса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за придворным медиком, но что же мог тот поделать! Призвали часовщика, и этот после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птицу, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики поистёрлись, а поставить новые так, чтобы музыка шла по-прежнему, верно, было нельзя. Вот так горе! Только раз в год позволили заводить птицу. И это было очень грустно, но капельмейстер произнёс краткую, зато полную мудрёных слов речь, в которой доказывал, что птица ничуть не сделалась хуже. Ну, значит, так оно и было.

Прошло ещё пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, был при смерти. Провозгласили уже нового императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближённого императора о здоровье своего старого повелителя.

— Пф! — отвечал приближённый и покачивал головой.

Бледный, похолодевший лежал император на своём великолепном ложе; все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперёд, перебрасываясь новостями, а служанки проводили приятные часы в болтовне за чашкой чая. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина. Но император ещё не умер, хотя и лежал на своём великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями, совсем недвижимый и мертвенно-бледный. Сквозь раскрытое окно глядел на императора и искусственного соловья ясный месяц.

Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидела Смерть. Она надела на себя корону императора, забрала в одну руку его золотую саблю, а в другую — богатое знамя. Из складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные лица: одни гадкие и мерзкие, другие добрые и милые. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него, в то время как Смерть сидела у него на груди.

— Помнишь это? — шептали они по очереди. — Помнишь это? — и рассказывали ему так много, что на лбу у него выступал холодный пот.

— Я и не знал об этом! — говорил император. — Музыку сюда, музыку! Большие китайские барабаны! Я не хочу слышать их речей!

Но они всё продолжали, а Смерть, как китаец, кивала на их речи головой.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, милая, славная золотая птичка! Я одарил

тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!

Но птица молчала — некому было завести её, а иначе она петь не могла. Смерть продолжала смотреть на императора своими большими пустыми глазницами. В комнате было тихо-тихо.

Вдруг за окном раздалось чудное пение. То прилетел, узнав о болезни императора, утешить и ободрить его живой соловей. Он пел, и призраки всё бледнели, кровь прилиwała к сердцу императора всё быстрее; сама Смерть заслушалась соловья и всё повторяла: «Пой, пой ещё, соловушка!»

— А ты отдашь мне за это драгоценную саблю? А дорогое знамя? А корону? — спрашивал соловей.

И Смерть отдавала одну драгоценность за другою, а соловей всё пел. Вот он запел наконец о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и свежая трава орошается слезами живых, оплакивающих усопших... Смерть вдруг охватила такая тоска по своему саду, что она свилась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я помню тебя! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала саму Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! — сказал соловей. — Я видел слёзы на твоих глазах в первый раз, как пел перед тобою, — этого я не забуду никогда! Слёзы — вот драгоценнейшая награда для сердца певца. Но засни теперь и просыпайся здоровым и бодрым! Я буду баюкать тебя своею песней!

И он запел опять, а император заснул здоровым, благодатным сном.

Когда он проснулся, в окна уже светило солнце. Никто из его слуг не заглядывал к нему; все думали, что он умер, один соловей сидел у окна и пел.

— Ты должен остаться у меня навсегда! — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги!

— Не надо! — сказал соловей. — Она принесла столько пользы, сколько могла! Пусть она остаётся у тебя по-прежнему! Я же не могу жить во дворце. Позволь мне только прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я каждый вечер буду садиться у твоего окна и петь тебе; моя песня и порадует тебя и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле, что таятся вокруг тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и крестьянина, которые живут вдали от тебя. Я люблю тебя за твоё сердце больше, чем за твою корону, и всё же корона окружена каким-то особым священным обаянием! Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне одно!..

— Всё! — сказал император и встал во всём своём царственном величии; он успел надеть на себя своё императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

— Об одном прошу я тебя — не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мёртвого императора и застыли на пороге, а император сказал им:

— Здравствуйте!

1843

Перевод А.В. Ганзен

Вопросы и задания

1. Приведите примеры того, как оценивают соловья различные персонажи сказки, с чем сравнивают его пение. О чём это говорит?
2. Как вы думаете, в чём смысл противопоставления соловья механического и соловья живого?
3. Соловей мог обидеться на императора после его несправедливого решения. Но он прилетел вновь, спел свою песню и исцелил больного. Какую очень важную мысль доносит до нас писатель, чему учит читателя эта сказка?

Возвращаясь к теме

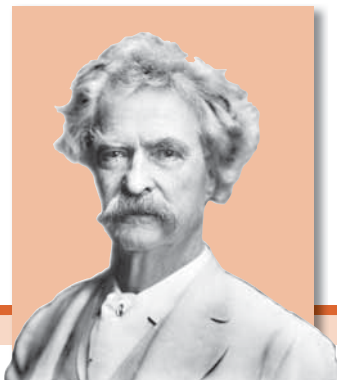
1. Какие ещё сказки Х.К. Андерсена вы читали¹?
2. Рассмотрите иллюстрацию к сказке «Соловей», выполненную художником Г.И. Нарбутом (цветная вклейка). Если бы вы были художниками-иллюстраторами, то к какой сказке писателя вы с наибольшим удовольствием придумывали бы рисунки? Почему?
- 3*. Похожи ли сказки Х.К. Андерсена на русские народные сказки? Обоснуйте свой ответ.

После уроков

Примите участие в конкурсе: необходимо записать как можно больше названий произведений Х.К. Андерсена, а затем вспомнить имена его персонажей.

¹ Сказку Х.К. Андерсена «Свинопас» вы найдёте в электронных материалах к учебнику.

**МАРК
ТВЕН
(СЭМЮЭЛ
КЛЕМЕНС)
1835—1910**

Марк Твен — американский писатель, автор книг «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна». Написаны эти книги давно, более ста лет тому назад, но они до сих пор интересны юным и взрослым читателям всего мира. Когда их читаешь, кажется, что автор всё это видел своими глазами и всё пережил сам.

Марк Твен провёл своё детство в тех самых местах, где живут Том и Гек. Он играл в те же игры, ходил в ту же школу, что и Том Сойер, купался в той же реке Миссисипи, плавал на плоту, рыбачил на острове, следил за огнями проплывающих мимо пароходов, слушал шум их колёс.

Настоящее имя писателя — Сэмюэл Клеменс, а Марк Твен — это его литературный псевдоним, которым он подписывал свои произведения.

Сэмюэл родился в семье судьи. Родные и близкие называли мальчика Сэм. Он был самым обыкновенным мальчишкой, играл вместе с приятелями в разбойников, воображал себя Робинзоном Крузо, жившим на необитаемом острове, стрелял из лука и сражался на самодельных рапирах. И всё же было в Сэме что-то особенное, что отличало его от всех остальных. Он был фантазёр и выдумщик, придумывал самые интересные игры, рассказывал самые увлекательные истории.

Учился Сэм в школе, где в одном и том же классе занимались ученики младшего и старшего возраста. Все уроки вёл один и тот же учитель. За шалости наказывал розгами. Сэм не был самым прилежным учеником, но его сочинения отмечались как лучшие. Он получал за них награды. Когда Сэму было 12 лет, умер его отец. Пришлось работать и зарабатывать на жизнь...

Он любил речные просторы, утренние туманы, ощущение свободы во время плавания по Миссисипи. Жизнь на реке — это целый мир! Воспоминания о нём Марк Твен сохранил на всю жизнь. Словосочетание «марк твен» означает «мерка два». Когда измеряющий глубину реки матрос кричит: «Марк твен!» — это значит, что пароход может плыть, он не сядет на мель. Эти слова звучали в воспоминаниях писателя, эти слова он сделал своим литературным именем, псевдонимом. За свою жизнь Марк Твен побывал во многих странах, написал много книг.

Знаменитый американский писатель XX века Эрнест Хемингуэй писал: «Вся американская литера-

Миссисипи. Пароход «Марк Твен»

Памятник Тому Сойеру и Гекльберри Финну в г. Ганнибале (США). Скульптор Б. Хаббард. Рисунок первой половины XX в.

тура вышла из одной книги Марка Твена, из его “Гекльберри Финна”... Лучшей книги у нас нет».

Марк Твен писал не только о современной ему жизни. Он обращался и к далёкой истории. Но события прошлого писатель связал с современностью.

По Н.П. Михальской

Вопросы и задания

1*. «Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена...» Как вы понимаете это высказывание Э. Хемингуэя?

2. В различных странах мира установлены памятники литературным героям: Тому Сойеру и Гекльберри Финну в США, Питеру Пэну в Англии, Русалочке в Дании,

Бременским музыкантам, Тиллю Ойленшпигелю и барону Мюнхгаузену в Германии... Памятники литературным персонажам установлены и в России: Мальчишу-Кибальчишу и принцессе Турандот в Москве; И.А. Крылову и героям его басен в Санкт-Петербурге и в Москве, А.Т. Твардовскому и Василию Тёркину в Смоленске. Подготовьте рассказ об одном из таких памятников.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА (Отрывок)

Глава VI ТОМ ЗНАКОМИТСЯ С БЕККИ

Проснувшись утром в понедельник, Том почувствовал себя очень несчастным. Он всегда чувствовал себя несчастным в понедельник утром, так как этим днём начиналась новая неделя долгих терзаний в школе. Ему даже хотелось тогда, чтобы в жизни совсем не было воскресений, так как после краткой свободы возвращение в темницу ещё тяжелее.

Том лежал и думал. Вдруг ему пришло в голову, что хорошо было бы заболеть; тогда он останется дома и не пойдёт в школу. Надежда слабая, но почему не попробовать! Он исследовал свой организм. Нигде не болело, и он снова ощупал себя. На этот раз ему показалось, что у него начинается резь в животе, и он обрадовался, надеясь, что боли усилятся. Но боли, напротив, вскоре ослабели и мало-помалу исчезли. Том стал думать дальше. И вдруг обнаружил, что у него шатается зуб. Это была большая удача; он уже собирался застонать для начала, но тут же сообразил, что, если он заикнётся о зубе, тётка немедленно выдернет

зуб, — а это больно. Поэтому он решил, что зуб лучше оставить про запас и поискать чего-нибудь другого. Некоторое время ничего не подвёртывалось; затем он вспомнил, как доктор рассказывал об одной болезни, уложившей пациента в кровать на две или три недели и грозившей ему потерей пальца. Мальчик со страстью и надеждой высунул из-под простыни ногу и начал исследовать больной палец. У него не было ни малейшего представления о том, каковы признаки этой болезни. Однако попробовать всё-таки стоило, и он принялся усердно стонать.

Но Сид спал и не замечал его стонов.

Том застонал громче, и понемногу ему стало казаться, что палец у него действительно болит.

Сид не проявлял никаких признаков жизни.

Том даже запыхался от усилий. Он отдохнул немного, потом набрал воздуха и испустил целый ряд чрезвычайно удачных стонов.

Сид продолжал храпеть.

Том вышел из себя. Он сказал: «Сид! Сид!» — и стал легонько трясти спящего. Это подействовало, и Том опять застонал. Сид зевнул, потянулся, приподнялся на локте, фыркнул и уставился на Тома. Том продолжал стонать.

Сид сказал:

— Том! Слушай-ка, Том!

Ответа не было.

— Ты слышишь, Том? Том! Что с тобою, Том?

Сид в свою очередь потряхнул брата, тревожно глядя на его лицо.

Том простонал:

— Оставь меня, Сид! Не тряси!

— Да что с тобою, Том? Я пойду и позову тётю.

— Нет, не надо. Может быть, это скоро пройдёт. Никого не зови. Не надо.

— Нет-нет, надо позвать! Да не стони так ужасно!.. Давно это с тобою?

— Несколько часов. Ой! Ради Бога, не ворочайся, Сид! Ты просто погубишь меня.

— Отчего ты раньше не разбудил меня, Том? Ой, Том, перестань стонать! Меня прямо мороз продирает по коже от твоих стонов. Что у тебя болит?

— Я всё тебе прощаю, Сид! (Стон.) Всё, в чём ты передо мной виноват. Когда меня не станет...

— Том, неужели ты и вправду умираешь? Том, не умирай... ну пожалуйста! Может быть...

— Я всех прощаю, Сид. (Стон.) Скажи об этом, Сид. А одноглазого котёнка и кусок оконной рамы отдай, Сид, той девочке, что недавно приехала в город, и скажи ей...

Но Сид схватил одежду — и за дверь. Теперь Том на самом деле страдал, — так чудесно работало его воображение, — и стоны его звучали вполне естественно.

Сид сбежал по лестнице и крикнул:

— Ой, тётя Полли, идите скорей! Том умирает!

— Умирает?

— Да! Да! Чего же вы ждёте? Идите скорей!

— Вздор! Не верю!

Но всё же она что есть духу взбежала наверх. Сид и Мэри — за нею. Лицо у неё было бледное, губы дрожали. Добежав до постели Тома, она едва могла выговорить:

— Том! Том! Что с тобой?

— Ой, тётя, я...

— Что с тобою, что с тобою, дитя?

— Ой, тётя, у меня на пальце гангрена!

Тётя Полли упала на стул и сперва засмеялась, потом заплакала, потом и засмеялась и заплакала сразу.

Это привело её в себя, и она сказала:

— Ну и напугал же ты меня, Том! А теперь довольно: прекрати свои фокусы, и чтоб этого больше не было!

Стоны замолкли, и боль в пальце мгновенно прошла. Том почувствовал себя в нелепом положении.

— Право же, тётя Полли, мне казалось, что палец у меня совсем омертвел, и мне было так больно, что я даже забыл про свой зуб.

— Зуб? А с зубом у тебя что?

— Шатается и страшно болит, прямо нестерпимо...

— Ну, будет, будет, не вздумай только хныкать опять! Открой-ка рот! Да, зуб действительно шатается, но от этого ты не умрёшь... Мэри, принеси шёлковую нитку и горящую головню из кухни.

— Тёточка, не вырывайте, не надо, не рвите его — он уже больше не болит! Провалиться мне на этом месте, если он хоть чуточку болит! Тёточка, пожалуйста, не надо! Я и так всё равно пойду в школу..

— Пойдёшь в школу? Так вот оно что! Ты только для того и поднял всю эту кутерьму, чтобы увильнуть от занятий и удрать на реку ловить рыбу! Ах, Том, Том, я так тебя люблю, а ты, словно нарочно, надрываешь моё старое сердце своими безобразными выходками!

Тем временем подоспели орудия для удаления зуба. Тётя Полли сделала петлю на конце нитки, надела её на больной зуб и крепко затянула, а другой конец привязала к столбику кровати; затем схватила пылающую головню и ткнула её чуть не в самую физиономию мальчика. Миг — и зуб повис на нитке, привязанной к столбику.

Но за всякое испытание человеку даётся награда. Когда Том после завтрака отправился в школу, все товарищи, с которыми он встречался на улице, завидовали ему, так как пустота, образовавшаяся в верхнем ряду его зубов, позволяла ему плевать совершенно новым, замечательным способом. Вокруг него собралась целая свита мальчишек, заинтересованных этим зрелищем; один из них, порезавший себе палец и до

сих пор служивший предметом общего внимания и поклонения, сразу утратил всех до одного своих приверженцев, и слава его мгновенно померкла. Это страшно огорчило его, и он объявил с напускным презрением, что плевать, как Том Сойер, — пустяковое дело; но другой мальчик ответил на это: «Зелен виноград!» — и развенчанный герой удалился с позором.

Вскоре после этого Том повстречался с юным пари-ей¹, Гекльберри Финном, сыном местного пьяницы. Все матери в городе от всего сердца ненавидели Гекльберри и в то же время боялись его, потому что он был ленивый, невоспитанный, скверный мальчишка, не признававший никаких обязательных правил. И ещё потому, что их дети — все до одного — души в нём не чаяли, любили водиться с ним, хотя это было запрещено, и жаждали подражать ему во всём. Том, как и все прочие мальчики из почтенных семейств, завидовал отверженному Гекльберри, и ему также было строго-настрого запрещено иметь дело с этим оборванцем. Конечно, именно по этой причине Том не упускал случая поиграть с ним. Гекльберри одевался в обноски с плеча взрослых людей; одежда его была испещрена разноцветными пятнами и так изодрана, что лохмотья развевались по ветру. Шляпа его представляла собою развалину обширных размеров; от её полей свешивался вниз длинный обрывок в виде полумесяца; пиджак, в те редкие дни, когда Гек натягивал его на себя, доходил ему чуть не до пят, так что задние пуговицы помещались значительно ниже спины; штаны висели на одной подтяжке и сзади болтались пустым мешком, а внизу были украшены бахромой и волочились по грязи, если Гек не засучивал их.

¹ *Пáрия* — отвёрженный, бесправный человек.

Гекльберри был вольная птица, бродил где вздумается. В хорошую погоду он ночевал на ступеньках чужого крыльца, а в дождливую — в пустых бочках. Ему не надо было ходить ни в школу, ни в церковь, он никого не должен был слушаться, над ним не было господина. Он мог удить рыбу или купаться когда и где ему было угодно и сидеть в воде сколько заблагорассудится. Никто не запрещал ему драться. Он мог не ложиться спать хоть до утра. Весною он первый из всех мальчиков начинал ходить босиком, а осенью обувался последним. Ему не надо было ни мыться, ни надевать чистое платье, а ругаться он умел удивительно. Словом, у него было всё, что делает жизнь прекрасной. Так думали в Санкт-Петербурге все издёрганные, скованные по рукам и ногам «хорошо воспитанные» мальчики из почтенных семейств.

Том приветствовал романтического бродягу:

— Эй, Гекльберри! Здравствуй!

— Здравствуй и ты, если хочешь...

— Что это у тебя?

— Дохлая кошка.

— Дай-ка, Гек, посмотреть! Ишь ты, окоченела совсем. Где ты её достал?

— Купил у одного мальчишки.

— Что дал?

— Синий билетик да бычий пузырь... Пузырь я достал на бойне.

— А где ты взял синий билетик?

— Купил у Бена Роджерса две недели назад... дал ему палку для обруча.

— Слушай-ка, Гек, дохлые кошки — на что они надобны?

— Как — на что? А бородавки сводить.

— Разве? Я знаю средство почище.

— А вот и не знаешь! Какое?

Иллюстрации к произведению —
художник Г.П. Фитингоф

- Гнилая вода.
- Гнилая вода? Ничего она не стоит, твоя гнилая вода!
- Ничего не стоит? А ты пробовал?
- Я-то не пробовал. Но Боб Таннер — он пробовал.
- А кто тебе об этом сказал?
- Он сказал Джеффу Тэчеру, а Джефф сказал Джонни Бейкеру, а Джонни сказал Джиму Холлису, а Джим

сказал Бену Роджерсу, а Бен сказал одному негру, а негр сказал мне. Вот и знаю.

— Ну так что же из этого? Все они врут. По крайней мере, все, кроме негра, его я не знаю. Но я ещё не видывал негра, который не врал бы. Всё это пустая болтовня! Теперь ты мне скажи, Гек, как сводил бородавки Боб Таннер?

— Да так: взял и сунул руку в гнилой пень, где скопилась дождевая вода.

— Днём?

— Ну конечно.

— Лицом ко пню?

— А то как же?

— И при этом говорил что-нибудь?

— Как будто ничего не говорил... Но кто его знает! Не знаю.

— Ага! Ещё бы ты захотел свести бородавки гнилой водой, когда ты берёшься за дело, как самый бестолковый дуралей! Из таких глупостей, разумеется, толку не будет. Надо пойти одному в чащу леса, приметить местечко, где есть такой пень, и ровно в полночь стать к нему спиной, сунуть в него руку и пропеть:

Ячмень, ячмень да гниль вода, индейская еда,
Все бородавки у меня возьмите навсегда!

А потом надо закрыть глаза и скоро-скоро отойти ровно на одиннадцать шагов и три раза повернуться на месте, а по дороге домой не сказать никому ни слова. Если скажешь — пропало: колдовство не подействует.

— Да, похоже, что это правильный способ, только Боб Таннер... он сводил бородавки не так.

— Да уж наверно не так! Потому-то у него тьма бородавок, он самый бородавчатый из всех ребят в нашем городе. А если бы он знал, как действовать гнилой водой,

на нём не было бы теперь ни одной бородавки. Я сам их тысячи свёл этой песней, — да, Гек, со своих собственных рук. У меня их было очень много, потому что я часто возился с лягушками. Иногда я вывожу их бобом.

— Да, это средство верное. Я и сам его пробовал.

— А как?

— Берёшь боб и разрезаешь его на две части, потом режешь свою бородавку ножом, чтобы достать каплю крови, и мажешь этой кровью одну половину боба, а потом выкапываешь ямку и зарываешь эту половинку в землю... около полуночи на перекрёстке дорог, в новолуние, а вторую половину сжигаешь. Дело в том, что та половина, на которой есть кровь, будет тянуть и тянуть к себе вторую половину, а кровь тем временем притянет к себе бородавку, и бородавка очень скоро сойдёт.

— Верно, Гек; верно, хотя было бы ещё лучше, если бы, закапывая в ямку половину боба, ты при этом приговаривал так: «В землю боб — бородавка долой; теперь навсегда я расстанусь с тобой!» Так было бы ещё сильнее. Так сводит бородавки Джо Гарпер, а уж он бывалый! Где только не был — доезжал чуть не до Кунвилла... Ну а как же ты сводишь их дохлыми кошками?

— А вот как. Возьми кошку и ступай с ней на кладбище незадолго до полуночи — к свежей могиле, где похоронен какой-нибудь плохой человек, и вот в полночь явится чёрт, а может, два и три, но ты их не увидишь, только услышишь, будто ветер шумит, а может, и услышишь ихний разговор. И когда они потащат покойника, ты брось им вслед кошку и скажи: «Чёрт за мертвецом, кот за чёртом, бородавки за котом, — тут и дело с концом, все трое долой от меня!» От этого всякая бородавка сойдёт.

— Похоже на то. Сам-то ты когда-нибудь пробовал, Гек?

— Нет. Но мне сказывала старуха Гопкинс.

— Ну, так это верно: говорят, она ведьма.

— «Говорят»! Я наверняка знаю. Она напустила порчу на отца. Отец мне сам рассказывал. Раз он идёт и видит, что она на него напускает порчу. Он взял камень да в неё, — еле увернулась. И что же ты думаешь: в ту самую ночь он скатился во сне с навеса, пьяный, и сломал себе руку.

— Боже мой, страсти какие! А как же он догадался, что это она напустила порчу?

— Для отца это плёвое дело. Он говорит: если ведьма пялит на тебя свои глазищи, ясно — она колдует. Хуже всего, если она при этом бормочет: это значит, она читает «Отче наш» наизусть, задом наперёд, — понимаешь?

— Слушай-ка, Гек, ты когда будешь пробовать кошку?

— Нынче ночью. Я так думаю, черти наверняка придут в эту ночь за старым грешником Уильямсом.

— Да ведь его ещё в субботу похоронили, Гек! Они, поди, уж утащили его в субботнюю ночь!

— Глупости! До полуночи они не могли утащить его, а в полночь настало воскресенье. В воскресенье черти не очень-то бродят по земле.

— Верно, верно. Я и не подумал... Возьмёшь меня с собой?

— Конечно, если ты не боишься.

— Боюсь! Ну вот ещё! Ты не забудешь мяукнуть?

— Не забуду... И если тебе можно выйти, ты сам мяукни в ответ. А то в прошлый раз я мяукал, мяукал, пока старик Гейс не стал швырять в меня камнями, да ещё приговаривает: «Чёрт бы побрал эту кошку!» Я выбил ему стекло кирпичом, — только смотри не болтай.

— Ладно. В ту ночь я не мог промяукать в ответ: за мною следила тётка, но нынче непременно мяукну... Слушай, Гек, что это у тебя?

— Так, пустяки — просто клещ.
— Где ты его нашёл?
— В лесу.
— Что возьмёшь за него?
— Не знаю. Неохота его продавать.
— Ну и не надо! Да и клещ-то крохотный.
— Ну, ещё бы! Чужого клеща всегда норовят обругать. А для меня и этот хорош.

— Клещей в лесу пропасть. Я сам мог бы набрать их тысячу, если бы захотел.

— За чем же дело стало? Что же не идёшь набирать?.. Ага! Сам знаешь, что не найдёшь ничего. Этот клещ очень ранний. Первый клещ, какой попался мне нынче весной.

— Слушай, Гек, я дам тебе за него свой зуб.

— Покажи.

Том достал бумажку и осторожно развернул её. Гекльберри стал внимательно рассматривать зуб. Искушение было сильное. Наконец он спросил:

— Настоящий?

Том вздёрнул верхнюю губу и показал пустоту меж зубами.

— Ну ладно, — сказал Гекльберри. — Значит, по рукам!

Том положил клеща в коробочку из-под пистонов, ещё недавно служившую тюрьмой для жука, и мальчики расстались, причём каждый чувствовал, что стал богаче.

Дойдя до школы — небольшого бревенчатого дома, стоявшего в стороне от всех прочих зданий, — Том зашагал очень быстро, словно добросовестно спешил на урок. Он повесил шляпу на колышек и с деловитой торопливостью устремился к своей скамье. Учитель, восседая, как на троне, на высоком плетёном кресле, мирно дремал, убаюканный мерным жужжанием класса. Появление Тома разбудило его.

— Томас Сойер!

Том знал, что, когда учитель зовёт его полным именем, это не предвещает ничего хорошего.

— Да, сэр?

— Подите сюда!.. Ну, сэр, а сегодня почему вы опоздали?

Том хотел было соврать что-нибудь, но в эту минуту в глаза ему бросились длинные золотистые косы, которые он сразу узнал благодаря электрическому току любви. Он увидел, что *единственное свободное место* на той половине класса, где сидели девочки, было рядом с ней, и моментально ответил:

— *Я остановился на улице поболтать с Гекльберри Финном.*

Учитель окаменел от изумления: он растерянно уставился на Тома. Гудение в классе смолкло. Школьники спрашивали себя, не сошёл ли с ума этот отчаянный малый. Наконец учитель сказал:

— Что... что ты сделал?

— Остановился на улице поболтать с Гекльберри Финном!

Ошибиться в значении этих слов было невозможно.

— Томас Сойер, это самое поразительное признание, какое я когда-либо слышал. За такую вину линейки мало. Снимите куртку!

Рука учителя трудилась, пока не устала. Пук розог стал значительно тоньше. Затем последовал приказ:

— Теперь, сэр, ступайте и садитесь с *девочками*! И пусть это послужит вам уроком.

Ученики захихикали. Это как будто сконфузило Тома. Но на самом деле его смущение было вызвано другим обстоятельством: он благоговел перед неизвестным ему божеством и мучительно радовался своей великой удаче. Он присел на краешек сосновой скамьи.

Девочка вздёрнула нос и отодвинулась. Все кругом шептались, перемигивались, подталкивали друг друга, но Том сидел смирно, облокотившись на длинную низкую парту, и, по-видимому, прилежно читал. На него перестали обращать внимание; класс опять наполнился унылым гудением. Мало-помалу мальчик начал поглядывать исподтишка на соседку. Та заметила, надула губки и на целую минуту отвернулась. Когда же онаглянула украдкой в его сторону, перед нею лежал персик. Девочка отодвинула персик. Том мягким движением снова придвинул его. Она опять оттолкнула персик, но уже без всякой враждебности. Том терпеливо положил персик на прежнее место, и она уже не отодвигала его. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите, — у меня есть ещё». Девочка посмотрела на доску, но лицо её осталось равнодушным. Тогда он начал рисовать на доске, прикрывая свой рисунок левой рукой. Девочка на первых порах притворялась, будто не обращает внимания, но затем еле заметными признаками стало обнаруживаться её любопытство. Мальчик продолжал рисовать, будто ничего не замечая. Девочка сделала было попытку подглядеть исподтишка, что он рисует, но Том опять-таки и виду не подал, что замечает её любопытство. Наконец она сдалась и попросила нерешительным шёпотом:

— Дайте посмотреть!

Том открыл часть карикатурно-нелепого дома с двумя фасадами и трубой, из которой выходил дым в виде штопора. Девочка так увлеклась рисованием Тома, что позабыла обо всём на свете. Когда Том кончил, она бросила взгляд на рисунок и прошептала:

— Какая прелесть! Нарисуйте человечка!

Художник поставил во дворе перед домом человека, похожего на подъёмный кран, и такого высокого, что для него не составило бы никакого труда перешагнуть

через дом. Но девочка была не слишком требовательна. Она осталась довольна чудовищем и прошептала:

— Какой красивый! Теперь нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы, увенчанные круглой луной, приделал к ним тонкие соломинки ручек и ножек и вооружил растопыренные пальчики громаднейшим веером.

— Ах, как хорошо! — сказала девочка. — Хотела бы я уметь рисовать!

— Это нетрудно. Я вас научу.

— В самом деле? Когда?

— На большой перемене. Вы ходите домой обедать?

— Если вы останетесь, и я останусь.

— Ладно. Вот здорово! Как вас зовут?

— Бекки Тэчер. А вас? Впрочем, знаю — Томас Сойер.

— Меня называют так, когда хотят высечь. Когда я веду себя хорошо, меня зовут Том. Вы зовите меня Том. Ладно?

— Ладно.

Том опять начал писать на доске, пряча написанное от Бекки. Но теперь она перестала стесняться и попросила показать, что там такое.

Том отговаривался:

— Право же, тут нет ничего!

— Нет, есть!

— Нет, нету; да вам и смотреть-то не хочется.

— Нет, хочется! Правда, хочется. Пожалуйста, покажите!

— Вы кому-нибудь скажете.

— Не скажу, честное-пречестное-распречестное слово, не скажу!

— Никому, ни одной живой душе? До самой смерти?

— Никому не скажу. Покажите же!

— Да ведь вам вовсе не хочется...

— Ах, так? Ну, так я всё равно посмотрю!

И своей маленькой ручкой она схватила его руку; началась борьба. Том делал вид, будто серьёзно сопротивляется, но мало-помалу отводил руку в сторону, и наконец открылись слова: *«Я вас люблю!»*

— Гадкий! — И девочка больно ударила его по руке, однако покраснела, и было видно, что ей очень приятно.

В то же мгновение Том почувствовал, что чья-то рука медленно и неотвратно стискивает его ухо и тянет вверх всё выше и выше. Таким способом он был препровождён через весь класс на своё обычное место под перекрёстное хихиканье всей детворы, после чего в течение нескольких страшных минут учитель простоял над ним, не сказав ни единого слова, а затем так же безмолвно направился к своему трону. Но хотя ухо у Тома горело от боли, в сердце его было ликование.

Когда класс успокоился, Том самым добросовестным образом попытался углубиться в занятия, но в голове у него был ужасный сумбур. На уроке чтения он

сбивался и путал слова, на уроке географии превращал озёра в горы, горы в реки, а реки в материки, так что вся вселенная вернулась в состояние первобытного хаоса. Потом во время диктовки он так исковеркал самые простые слова, что у него отобрали оловянную медаль за правописание, которой он вот уже несколько месяцев так чванился перед всеми товарищами.

Глава VII

ГОНКИ КЛЕЩА И РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Чем больше старался Том приковать своё внимание к учебнику, тем больше разбегались его мысли. Наконец он вздохнул и, зевая, прекратил напрасные потуги. Ему казалось, что большая перемена никогда не наступит. Было очень душно, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Из всех усыпительных дней это был самый усыпительный. Монотонное бормотание двадцати пяти школьников, зубривших уроки, убаюкивало душу, как гудение пчёл. Там, вдали, в пламенном сиянии солнца мерцали нежно-зелёные склоны Кардифской горы, окутанные дымкой зноя и окрашенные далью в пурпурные тона. Высоко в небе лениво парили одинокие птицы; кроме них, не было видно ни одного живого существа, если не считать двух-трёх коров, да и те спали. Сердце Тома жаждало свободы. Найти бы хоть что-нибудь интересное, чтобы убить это нудное время. Он пошарил у себя в кармане, и вдруг лицо его озарилось восторгом, и он бессознательно возблагодарил Небеса за счастье, которое они даровали ему. Укравшей достал он из кармана коробочку, вынул оттуда клеща и положил на длинную плоскую парту. Клещ, должно быть, тоже просиял от восторга и тоже возблагодарил Небеса, но радость его была преждевременна,

потому что, как только он вздумал уйти, Том булавкой повернул его назад и заставил двинуться в другом направлении.

Рядом с Томом сидел его друг и приятель, угнетаемый такой же тоской, какая только что угнетала Тома; он с глубочайшей признательностью ухватился за представившееся ему развлечение. Приятеля звали Джо Гарпер. Мальчики дружили всю неделю, но по субботам воевали, как враги. Джо вытащил из-за отворота куртки булавку и стал помогать приятелю муштровывать арестованного клеща. Оба чем дальше, тем больше увлекались этим спортом. Наконец Том объявил, что они только мешают друг другу и ни один не получает в полной мере того удовольствия, какое можно извлечь из клеща. Он положил на парту грифельную доску Джо Гарпера и провёл посредине черту сверху донизу.

— Вот, — сказал он, — уговор такой: покуда клещ будет на твоей стороне, гоняй его сколько угодно, а я трогать не буду; но если ты упустишь его и он уйдёт ко мне, на мою половину, тогда уж гонять буду я.

— Ладно. Начинай! Пускай его!

Клещ очень скоро убежал от Тома и пересёк экватор. Тогда за него взялся Джо. Затем клещ повернул и вскоре очутился во владениях Тома. Эти переходы повторялись довольно часто. Пока один мальчик гонял клеща, совершенно поглощённый этим интересным занятием, другой с не меньшим увлечением следил за ним. Оба склонили головы над доской, и их души умерли для всего остального. Под конец счастье, по-видимому, окончательно перешло на сторону Джо. Клещ, возбуждённый и взволнованный не меньше самих мальчиков, кидался то туда, то сюда, но каждый раз, когда победа была, так сказать, в руках Тома и пальцы его рвались к насекомому, булавка Джо ловко преграждала клещу путь, и тот оставался во владениях Джо. Тому стало

наконец невтерпёж. Испытание было слишком сильно. Он протянул руку и стал подталкивать клеща в свою сторону. Джо мгновенно вышел из себя:

— Том, не смей его трогать!

— Я хочу только немножко подхлестнуть его, Джо!

— Это нечестно, сэр, оставьте его в покое!

— Эх ты, да я только чуть-чуть...

— Оставьте клеща в покое, говорят вам!

— А вот не оставлю!

— Ты не имеешь права: он на моей стороне.

— Да клещ-то чей, Джо Гарпер?

— Мне всё равно, чей бы он ни был... он на моей стороне, и ты не смей его трогать!

— Как так — не смей! Клещ мой, и я волен делать с ним всё, что хочу!

Вдруг страшный удар обрушился на плечи Тома. Точно такой же достался и Джо. В продолжение двух минут учитель усерднейшим образом выколачивал пыль из их курток; вся школа ликовала и радовалась. Приятели были слишком поглощены своей забавой и не заметили, что незадолго перед тем в классе внезапно водворилась тишина, так как учитель подошёл к ним на цыпочках и наклонился над ними. Довольно долго он следил за их игрой, прежде чем со своей стороны внёс в неё некоторое разнообразие.

Когда наконец пробило двенадцать и наступила большая перемена, Том подбежал к Бекки Тэчер и прошептал ей на ухо:

— Надень шляпку, будто уходишь домой, а когда дойдёшь до угла, улизни от других, поверни в переулок и возвращайся сюда. Я пойду по другой дороге, тоже убегу от своих и очень скоро буду здесь.

Таким образом, Том вышел из школы с одной группой школьников, а Бекки — с другой. Вскоре они встретились в дальнем конце переулочка и вернулись

в опустевшую школу. Они уселись рядом, положив перед собою грифельную доску. Том дал Бекки грифель и, водя её рукой, создал ещё один удивительный домик. Когда интерес к искусству чуть-чуть ослабел, они принялись болтать. Том был безмерно счастлив.

— Любишь ты крыс? — спросил он.

— Ой, ненавижу!

— И я тоже... когда они живые. Но я говорю про мертвых — вертеть их на верёвочке над головой.

— Нет, я крыс вообще не очень люблю. А вот что я люблю — так это жевать резинку.

— Ещё бы! Жалко, что у меня её нет.

— В самом деле? У меня есть немножко. Я дам тебе пожевать, только ты потом отдай.

Это им обоим понравилось, и они стали жевать по очереди, болтая ногами от избытка удовольствия.

— Была ты когда-нибудь в цирке?

— Да, и папа обещал взять меня туда ещё раз, если я буду хорошая.

— А я был в цирке три или даже четыре раза — много раз! Там куда лучше, чем в церкви: всё время представляют что-нибудь. Я, когда вырасту, поступлю клоуном в цирк.

— Правда? Вот хорошо! Они все такие разноцветные, милые...

— Да-да, и при этом кучу денег загребают... Бен Роджерс говорит: по доллару в день... Слушай-ка, Бекки, была ты когда-нибудь помолвлена?

— А это что такое?

— Ну, помолвлена, чтобы выйти замуж?

— Нет.

— А хотела бы?

— Пожалуй... Не знаю. А как это делается?

— Как? Да никак. Ты просто говоришь мальчику, что никогда ни за кого не выйдешь замуж, только за него, —

понимаешь, никогда, никогда, никогда! — потом вы целуетесь. Вот и всё. Это каждый может сделать!

— Целуемся? А для чего целоваться?

— Ну, для того, чтобы... ну, так принято... Все это делают.

— Все?

— Ну да, все влюблённые. Ты помнишь, что я написал на доске?

— Д-да.

— Что же?

— Не скажу.

— Так, может, я скажу тебе?

— Д-да... только когда-нибудь в другой раз.

— Нет, теперь.

— Нет, не теперь — завтра.

— Нет-нет, теперь, Бекки! Ну пожалуйста! Я потихоньку, я шепну тебе на ухо.

Видя, что Бекки колеблется, Том принял молчание за согласие, обнял девочку за талию, приложил губы к самому её уху и повторил свои прежние слова. Потом сказал:

— Теперь ты мне шепни то же самое.

Она долго отнекивалась и наконец попросила:

— Отвернись, чтобы не видеть меня, — и тогда я скажу. Только ты никому не рассказывай, — слышишь, Том? Никому! Не расскажешь? Правда?

— Нет-нет, я никому не скажу, будь покойна. Ну, Бекки?

Он отвернулся, а она так близко наклонилась к его уху, что от её дыхания стали трепетать его кудри, и прошептала застенчиво:

— Я... вас... люблю!

Потом вскочила и принялась бегать вокруг скамеек и парт, спасаясь от Тома, который гонялся за ней; потом забилась в угол и закрыла лицо белым передничком.

Том схватил её за шею и стал уговаривать:

— Ну, Бекки, теперь уж всё кончено — только поцеловаться. Тут нет ничего страшного, это пустяки. Ну пожалуйста, Бекки!

Он дёргал её за передник и за руки.

Мало-помалу она сдалась, опустила руки и подставила ему лицо, раскрасневшееся от долгой борьбы; а Том поцеловал её в алые губы и сказал:

— Ну, вот и всё, Бекки. Теперь уж ты никого не должна любить, только меня, и ни за кого, кроме меня, не выходить замуж, никогда, никогда и во веки веков! Ты обещаешь?

— Да, я никого не буду любить, Том, только тебя одного, и ни за кого другого не пойду замуж. И ты смотри ни на ком не женись, только на мне!

— Само собой. Конечно. Такой уговор! И по дороге в школу или из школы ты должна идти со мной, — если за нами не будут следить, — и в танцах выбирай меня, а я буду выбирать тебя. Так всегда делают жених и невеста.

— Ах, как хорошо! Никогда не слыхала об этом.

— Это ужасно весело! Вот мы с Эмми Лоренс...

Бекки Тэчер широко раскрыла глаза, и Том понял, что сделал промах. Он остановился в смущении.

— О Том! Так я уже не первая... У тебя уже была невеста...

Девочка заплакала.

— Перестань, Бекки! Я больше не люблю её.

— Нет, любишь, любишь! Ты сам знаешь, что любишь.

Том пытался было обнять её за шею, но Бекки оттолкнула его, повернулась лицом к стене и продолжала рыдать. Том начал уговаривать её, называл ласковыми именами и повторил свою попытку, но она опять оттолкнула его. Тогда в нём проснулась гордость. Он направился к двери и решительными шагами вышел на улицу. Смущённый и расстроенный, он стал неподалёку от школы, взглядывая поминутно на дверь, в надежде, что

Бекки одумается и выйдет вслед за ним на крыльцо. Но она не выходила. Ему стало очень грустно: а ведь, пожалуй, он и в самом деле виноват. Ему было трудно заставить себя сделать первый шаг к примирению, но он поборол свою гордость и вошёл в класс. Бекки всё ещё стояла в углу и плакала, повернувшись лицом к стене. У Тома защемило сердце, он подошёл к ней и постоял немного, не зная, с чего начать.

— Бекки, — проговорил он несмело, — я люблю только тебя, а других я и знать не хочу.

Никакого ответа. Одни рыдания.

— Бекки (просительным голосом), Бекки! Ну скажи что-нибудь...

Опять рыдания.

Тогда Том вытащил самую лучшую свою драгоценность — медную шишечку от каминной решётки — и, протянув её так, чтобы Бекки могла увидеть её, сказал:

— Ну, Бекки... ну, возьми же! Дарю.

Она оттолкнула его руку, шишечка упала и покати-лась по полу.

Тогда Том вышел на улицу и решил уйти куда глаза глядят и в этот день не возвращаться в школу. Бекки вдруг заподозрила что-то неладное. Она бросилась к двери — Тома не было видно. Она обежала вокруг дома, надеясь найти его на площадке для игр, но его не было и там. Тогда она стала кричать:

— Том, вернись! Том!

Она чутко прислушивалась, но никто не откликнулся. Кругом была тишина и пустыня. Она села и снова заплакала: она чувствовала себя виноватой. Между тем снова начали собираться школьники; надо было затаить своё горе, утихомирить своё разбитое сердце и взвалить на себя бремя долгого, томительного, тоскливого дня. У неё ещё не было подруги, и ей не с кем было поделиться своим горем.

Том сначала колесил по переулкам, сворачивая то вправо, то влево, и в конце концов оставил далеко позади ту дорогу, по которой ученики обычно возвращаются в школу. А потом побрёл в гору — понуро и медленно. По пути он раза два или три перешёл вброд небольшой ручеёк, так как среди мальчишек существует поверье, будто таким образом они заматают за собою следы и ставят погоню в тупик. Через полчаса он уже миновал богатую усадьбу вдовы Дуглас, стоявшую на вершине Кардифской горы. Школа еле виднелась внизу — там, позади, в долине. Путник углубился в густой лес, пошёл, пренебрегая тропинками, в самую чащу и уселся на мху под развесистым дубом.

Здесь, в лесу, было тихо и душно. В мёртвом полуденном зное умолкло даже пение птиц. Природа погрузилась в дремоту; её сон по временам нарушался лишь стуком дятла, доносившимся издали. И от этого стука лесная тишина казалась ещё более глубокой, а тоска одиночества — ещё более гнетущей. Сердце Тома терзала печаль, которая была в полной гармонии с окружающей его природой. Он долго сидел в задумчивости, упершись локтями в колени и положив подбородок на руки. Ему казалось, что жизнь в лучшем случае — суета и страдание, и он готов был завидовать Джимми Годжесу, который недавно скончался. «Как хорошо, — думал он, — лежать в могиле, спать и видеть разные сны во веки веков, и пусть ветер шепчет о чём-то в ветвях, пусть ласкает траву и цветы на могиле, а тебя ничто не беспокоит, и ты ни о чём не горюешь, никогда, во веки веков». Ах, если бы у него была хорошая репутация в воскресной школе, он, пожалуй, был бы рад умереть и покончить с постылой жизнью... А эта девочка... ну что

он ей сделал? Ничего. Он желал ей добра. А она прогна-
ла его, как собаку, — прямо как собаку. Когда-нибудь
она пожалеет об этом, но, может быть, будет поздно. Ах,
если б он мог умереть не навсегда, а на время!

Но в молодости сердца эластичны и, как их ни
сожми, расправляются быстро. Тома незаметно за-
хватили опять помыслы здешнего мира. Что, если он
сию минуту пойдёт куда глаза глядят и таинственно
исчезнет для всех? Что, если он уйдёт далеко-далеко,
в неведомые страны, за моря, и никогда не вернётся?
Каково-то почувствует себя Бекки тогда!.. Он вспом-
нил, как собирался сделаться клоуном в цирке, но те-
перь ему было гадко подумать об этом, ибо шутовство
и паясничество и цветное трико в обтяжку показались
ему унижительными в такое мгновение, когда его душа
воспарила к туманным и величавым высотам романти-
ки. Нет, он пойдёт в солдаты и вернётся домой через
много лет, покрытый ранами и славой. Или, ещё лучше,
уйдёт к индейцам, будет охотиться с ними на буйволов,
блуждать по тропе войны, среди высоких гор и без-
дорожных прерий Дальнего Запада, и когда-нибудь
вернётся домой великим индейским вождём и в сонное
летнее утро, ошетилившись перьями, размалёванный,
страшный, ввалится прямо в воскресную школу с ди-
ким воинственным кличем, от которого кровь стынет
в жилах. Вот выпучат глаза его товарищи! Вот будут
ему завидовать! Но нет, есть на свете ещё более велико-
лепное поприще. Он будет пиратом! Да-да! Теперь он
ясно видел перед собой своё будущее, озарённое неопи-
суемым блеском. Его имя будет греметь во всём мире,
заставляя людей содрогаться от ужаса. Как гордо бу-
дет он носиться по бурным морям на длинном низком
чёрном корабле «Демон бури», с чёрным, зловещим
флагом, развевающимся на носу корабля! И, достиг-
нув вершины славы, он нежданно-негаданно появится

в своём старом родном городишке и войдёт в церковь, загорелый, обветренный, в чёрном бархатном камзоле и в таких же штанах, с алой перевязью, в высоких ботфортах, а за поясом у него будут торчать пистолеты, сбоку — нож, заржавевший от пролитой крови, на голове у него будет мягкая шляпа с опущенными книзу полями, с развевающимися перьями, в руке — чёрное развёрнутое знамя, а на знамени — череп и скрещённые кости. И с каким восторгом, с каким упоением он услышит, как шепчутся вокруг: «Это Том Сойер, пират! Чёрный Мститель Испанских морей!»

Да, решено! Он окончательно избрал свою дорогу. Он убежит из дому и начнёт новую жизнь. Завтра же утром он отправится в путь. Чтобы быть готовым к утру, необходимо приняться за дело сейчас же. Нужно собрать всё своё богатство. Неподалёку лежало трухлявое дерево. Том подошёл к нему и начал карманным ножом Барлоу копать землю под одним из его концов. Скоро нож наткнулся на какой-то деревянный предмет, и Том по звуку распознал, что внутри пустота. Он сунул туда руку и торжественно произнёс заклинание:

— Чего тут не было, приди! А что тут есть, останься!

Он соскоблил верхний слой земли, и внизу оказалась тонкая сосновая дощечка. Он поднял дощечку — под нею открылся аккуратно сделанный тайник для сокровищ, дно и стены которого были выложены такими же дощечками. В тайнике лежал алебастровый шарик. Изумлению Тома не было границ. Он со смущённым видом почесал затылок:

— Эге-ге! Вот так штука!

Он с досадой отшвырнул шарик и принялся размышлять. Дело в том, что его обмануло поверье, которое он и его товарищи принимали за непреложную истину. Если зароешь шарик, произнесёшь над ним необходимые

заклинания, и в течение двух недель не будешь трогать его, а потом откроешь тайник с тем заклинанием, которое сейчас было произнесено, то вместо одного шарика ты найдёшь все, какие были когда-либо потеряны тобою, как бы далеко ни лежали они друг от друга. Но чуда не произошло, это ясно, и всё, во что верил Том, было подорвано в корне. Он столько раз слышал об удачных попытках такого рода и никогда не слышал о неудачных. Ему пришло в голову, что он и сам пробовал этот способ не раз, а потом никогда не мог найти места, где был закопан шарик. Он долго раздумывал и наконец решил, что тут вмещалась какая-то ведьма и разрушила чары. Но ему хотелось окончательно убедиться в этом, и, выискивая чистенькое песчаное местечко, в центре которого было углубление в виде воронки, он лёг на землю, прильнул губами к самой ямке и проговорил:

— Бук-букашка, Расскажи мне, что хочу я знать. Бук-букашка, Расскажи мне, что хочу я знать.

Песок зашевелился, оттуда на мгновение выполз чёрный жучок и тотчас же испуганно юркнул обратно.

— Ага, не говорит! Значит, тут и вправду не обошлось без ведьмы. Я так и знал.

Тому хорошо было известно, что с ведьмами тягаться никому не под силу, и он приуныл. Потом ему пришло в голову, что не худо бы найти хоть тот шарик, который он только что бросил, и он принялся терпеливо искать его, но ничего не нашёл. Он вернулся к своему тайнику и стал на то самое место, с которого только что бросил шарик, потом вынул из кармана другой и бросил его в том же направлении:

— Брат, поди сыщи брата!

Он заметил, где остановился шарик, и стал искать там, но не нашёл. Должно быть, второй шарик или не докатился, или залетел слишком далеко. Он попробовал ещё раз, другой, третий и наконец добился

успеха: оба шарика лежали на расстоянии фута друг от друга.

В эту минуту с зелёной опушки донёсся слабый звук игрушечной жестяной трубы. Том быстро сбросил с себя куртку и штаны, опоясался одной из подтяжек, разрыл кучу хвороста за гнилым деревом, вытащил оттуда самодельные лук, стрелу, деревянный меч, а также жестяную трубу, мигом вооружился и в одной развевающейся рубашке помчался навстречу врагу. Под большим вязом он протрубил ответный сигнал, потом стал пробираться на цыпочках, настороженно оглядываясь по сторонам, и негромко скомандовал воображаемому отряду:

— Стой, молодцы! Оставайтесь в засаде, пока не затрублю!

Появился Джо Гарпер в такой же лёгкой одежде и тоже вооружённый с головы до пят. Том окликнул его:

— Стой! Кто смеет ходить по Шервудскому лесу без моего разрешения?

— Гай Гисборн не нуждается ни в чём разрешении! Кто ты, который... который...

— ...смеет обращаться ко мне с такой дерзкой речью? — поспешно подсказал ему Том, так как оба они говорили на память «по книге».

— ...который смеет обращаться ко мне с такой дерзкой речью?

— Кто я? Я — Робин Гуд, в чём очень скоро убедится твой презренный труп.

— Так это ты, знаменитый разбойник! Воистину я буду рад помериться с тобою мечом за обладание дорогами этого весёлого леса. Защищайся!

Они выхватили деревянные мечи, бросили остальное оружие на землю, стали в боевую позицию, нога к ноге, и начался серьёзный поединок по всем правилам искусства: два удара вверх и два вниз.

Наконец Том сказал:

— Ну, драться так драться! Поддай жару!

Они так усердно «поддали жару», что оба запыхались и вспотели.

— Падай же! Падай! — крикнул Том. — Почему ты не падаешь?

— Не стану я падать! Сам падай — тебе ведь хуже моего приходится.

— Ну так что ж? Это ничего не значит. Мне падать не полагается. В книге ведь не так — там сказано: «И он одним ловким ударом в спину поразил насмерть злосчастного Гая Гисборна». Ты должен повернуться и подставить мне спину, чтобы я мог ударить тебя.

Против такого авторитета возражать не приходилось: Джо повернулся, принял удар и упал.

— А теперь... — сказал Джо, поднимаясь на ноги, — теперь дай мне убить тебя — это будет по совести!

— Да ведь так нельзя, этого в книге нет!

— Ну, это нечестно! Это, по-моему, подлость!

— Ну ладно, Джо, — ведь ты можешь быть монахом Таким или сыном мельника Мачем и пристукнуть меня дубинкой по голове. Или, хочешь, я буду шериф ноттингемский, а ты Робин Гуд на одну минутку, и ты убьёшь меня.

Это удовлетворило Джо Гарпера, и игра продолжалась. Затем Том опять сделался Робин Гудом и, по вине вероломной монахини, плохо ухаживавшей за его запущенной раной, смертельно ослабел от потери крови, после чего Джо, изображавший собой целую толпу рыдающих разбойников, с грустью оттащил его прочь, вложил лук в его ослабевшие руки, и Том сказал: «Где упадёт эта стрела, там и похороните бедного Робин Гуда, под деревом в зелёной дубраве». Затем он пустил стрелу, откинулся назад и упал бы мёртвым, но кругом

оказалась крапива, и он вскочил с неподобающей покойнику прытью.

Мальчики оделись, спрятали доспехи и пошли прочь, сокрушаясь, что теперь нет разбойников, и спрашивая себя, чем могла бы современная цивилизация восполнить такой пробел. Оба утверждали, что предпочли бы лучше сделаться на один год разбойниками Шервудского леса, чем президентами Соединённых Штатов на всю жизнь.

1876

Перевод К.И. Чуковского

Вопросы и задания

1. Прочитайте по ролям фрагмент из VI главы: «Разговор Тома и Сиды», передав чувства Тома, которые он хотел внушить окружающим.
2. Подготовьте план VI главы. Подумайте, в какой фразе передано ощущение Тома, поверившего в реальность своей мнимой болезни.
3. Почему все мальчики, в том числе и Том, «души не чаяли» в Геке?
4. Составьте словесный портрет Гека.
5. Подготовьте краткий пересказ эпизода «Признание в любви» (глава VII).
6. Какие черты характера Тома проявились в эпизоде игры в «Шервудском лесу»? Найдите самые смешные фрагменты в этой главе.
7. Определите значение данных слов. Найдите в тексте предложения с ними, подберите синонимы: *репортёр, лоцман, публичная лекция, эрудиция, экипирован, репутация, эластично, воспарить*.
8. Прочитайте по ролям эпизоды, изображённые на иллюстрациях Г.П. Фитингофа. Удалось ли художнику передать комизм ситуаций?

ИРЕНИЯ

Для того чтобы точно и полно понять мысль автора, вспомним, что такое ирония.

Иро́ния — тонкая, скрытая насмешка; художественный приём, при котором притворно утверждается противоположное тому, что на самом деле думает и хочет сказать автор (персонаж).

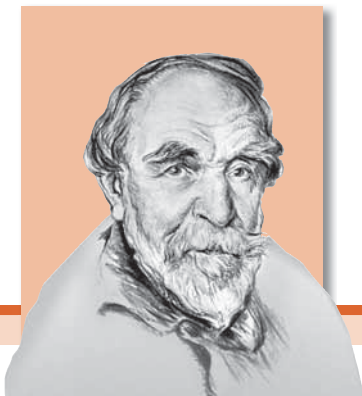
Ирония свидетельствует об авторском превосходстве над тем, что оценивается, она предполагает критически-насмешливое отношение к изображаемому под маской серьёзности или похвалы. Отличительной чертой *иронии* является двойной смысл, при котором истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый смысл; чем больше противоречия между ними, тем сильнее ирония.

Таким образом, *ирония* — это один из приёмов создания смешного, комического, а иногда и сатирического эпизода, образа, произведения в целом.

Вопросы и задания

1. Расскажите, что такое ирония.
- 2*. Сопоставьте иронию с юмором и сатирой. Попробуйте определить общее и различное.
3. Из книги «Приключения Тома Сойера» приведите примеры использования иронии как художественного приёма.

**ЖОЗЕФ
РОНИ-СТАРШИЙ
(ЖОЗЕФ АНРИ
БЁКС)
1856—1940**

Их было два брата: Жозеф Анри Бёкс, который впоследствии взял себе псевдоним Рони-старший, и Серафен Жюстен Франсуа Бёкс (1859—1948). Оба были писателями. Уроженцы Бельгии, они обосновались во Франции. Некоторые произведения создавали в соавторстве.

Наибольшей известностью из созданных Жозефом Рони-старшим сочинений пользуются те, в которых он обратился к самому началу цивилизации — жизни первобытных людей («Вамирех», «Борьба за Огонь» и «Пещерный лев»). В них писатель пытается понять и рассказать нам о чувствах древнего человека, опасностях, которые подстерегали его на каждом шагу, способах борьбы за жизнь. Древние люди должны были вести тяжёлую борьбу с грозными стихиями природы, со страшными и свирепыми хищниками, с враждебными человеческими племенами. Обо всём этом можно узнать и из учебников истории. Однако известные факты в книгах писателя получают художественное истолкование. Его произведения населены живыми людьми, и подчас оказывается, что их внутренний мир, их желания, их отношения при всех различиях с днём сегодняшним чем-то близки и по-

нятны нам. Каждая из книг светится любовью к человеку, сочувствием к нему.

В повести «Борьба за Огонь» трое молодых отважных воинов, желая вернуть родному племени Уламров потерянный огонь, от которого в то время зависела жизнь людей, пускаются в далёкое странствие по неизведанным землям, где их на каждом шагу подстерегают смертельные опасности. Но мужество и находчивость, разум и воля, верность и крепкая дружба помогают преодолеть все препятствия.

Книги Рони-старшего давно переведены на русский язык, и в наши дни их снова и снова с интересом читают и дети, и взрослые.

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ (Главы из повести)

Часть первая

Глава третья В ЛОГОВЕ МЕДВЕДЯ

Миновала уже треть ночи. Серебряная луна, похожая на раскрытый цветок белой водяной лилии, скользила вдоль края тёмного облака. Призрачный свет её заливал реку, молчаливые чёрные утёсы и берег озера у водополя. Мамонты давно ушли. Лишь изредка к водополю подкрадывался неслышной походкой какой-нибудь хищник, а в воздухе бесшумно проносилась на своих мягких крыльях летучая мышь.

Гав стоял на страже у входа в пещеру. Молодой воин был очень утомлён; он всё время задрёмывал,

пробуждаясь лишь при резком порыве ветра, внезапном шуме или возникновении нового запаха. Странное оцепенение сковывало все его мысли и чувства; в сознании бодрствовал только страх перед возможной опасностью.

Стук копыт внезапно промчавшейся неподалёку сайги заставил Гава быстро поднять голову и тревожно оглядеться. На противоположном берегу реки по крутому гребню базальтового¹ холма двигался, переваливаясь с ноги на ногу, какой-то большой зверь. Грузное и в то же время гибкое тело, большая голова с заострённой мордой и что-то человеческое в походке — всё говорило о том, что перед Гавом огромный медведь.

Молодой воин был хорошо знаком с пещерным медведем. Этот миролюбивый гигант с выпуклым лбом обычно спокойно жил в своём логове и питался исключительно растительной пищей. Только голод мог заставить его охотиться и есть мясо.

Приближавшийся к пещере зверь принадлежал, по-видимому, к другой породе. Гав убедился в этом, когда медведь вышел на ярко освещённую луной вершину холма.

У зверя был плоский лоб и массивное, покрытое короткой сероватой шерстью туловище; в тяжёлой поступи чувствовалась уверенность в своей силе и скрытая угроза. Это был серый медведь, опасный соперник самых крупных хищников.

Гав вспомнил рассказы охотников, побывавших в гористых местностях, где обитает серый медведь. Они уверяли, что этот страшный хищник способен одним ударом могучей лапы свалить на землю зубра или бизона, задушить лося или дикую лошадь. Его острые когти без усилия вспарывают грудь человека; он не боится свирепого льва и кровожадного тигра. Старый Гоун говорил,

¹ *Базальт* — горная порода тёмного цвета.

что серый медведь уступает в силе только пещерному льву, носорогу и владыке Земли — мамонту.

Сын Сайги не почувствовал сразу того страха, который вызвало бы у него внезапное появление тигра или льва. Встречи с благодушным пещерным медведем приучили его не бояться животных этой породы. Однако в походе приближающегося зверя было что-то внушающее смутную тревогу, и молодой воин счёл необходимым разбудить Нао.

Одного прикосновения к руке спящего сына Леопарда было достаточно, чтобы он мгновенно вскочил на ноги.

— Что хочет Гав? — спросил Нао, подойдя к выходу из пещеры.

Сын Сайги молча указал рукой на вершину базальтового холма.

Лицо Нао омрачилось.

— Серый медведь! — прошептал он.

Взгляд его тревожно скользнул по стенам пещеры.

С вечера Уламры позаботились заготовить целую кучу хвороста и камней. Несколько крупных валунов лежало поблизости — ими можно было при необходимости прочно загородить вход в пещеру. Нао предпочёл бы спастись бегством, но для отступления у них был один только путь: вниз, по каменному выступу к водопаю, то есть прямо навстречу серому медведю. Если бы им даже удалось незаметно проскользнуть мимо него, серый медведь, быстроногий и проворный, несмотря на кажущуюся грузность и неуклюжесть, легко догонит на открытом месте беглецов.

Единственным выходом было бы вскарабкаться на дерево — серый медведь не умеет лазать по деревьям. Но, к несчастью, поблизости виднелись лишь низкорослые, тонкие деревца, и к тому же этот неутомимый и упрямый хищник способен бесконечно долго караулить свою жертву.

Заметил ли медведь Гава, сидевшего на корточках у входа в пещеру, прижавшись к скале и стараясь не делать ни одного лишнего движения? Или это был хозяин пещеры, вернувшийся домой после долгого странствия?

Пока Нао мучительно раздумывал над этой загадкой, медведь стал спускаться вниз по крутому склону. Достигнув подножия холма, он остановился, поднял кверху острую морду, понюхал влажный ночной воздух и затрусил неторопливой рысцой. На мгновение обоим Уламрам показалось, что он удаляется. Однако, очутившись на берегу, зверь уверенно двинулся к переправе и остановился как раз напротив каменного карниза, который вёл на вершину утёса.

Единственный путь к отступлению был отрезан. Чуть повыше пещеры каменный карниз кончился и утёс обрывался отвесно в воды озера; спустившись же по узкому выступу вниз, они очутились бы лицом к лицу со страшным хищником. Как бы быстро ни сбежали вниз Уламы, медведь всё равно успел бы переплыть узкую реку и преградить беглецам путь.

Оставалось лишь надеяться, что хищник, не заметив людей, уйдёт прочь. В противном случае следовало приготовиться к нападению на пещеру..

Нао разбудил Нама, и они втроём поспешно начали перекатывать валуны ко входу в пещеру. Потоптавшись на месте, медведь вдруг бросился в воду и переплыл реку. Выйдя на берег, он отряхнулся и стал неторопливо взбираться вверх по узкому каменному выступу.

Чем ближе подходил к пещере медведь, тем отчётливее вырисовывалась в ярком свете луны его огромная косматая фигура. Временами в широкой пасти угрожающе поблёскивали острые белые клыки.

Нам и Гав дрожали как в лихорадке, сознавая всю свою слабость перед страшным хищником. Юные

сердца их трепетали, словно раненые птицы, при мысли о неизбежности предстоящей смертельной схватки. Страстная жажда жизни овладела всем существом молодых воинов.

Нао тоже не был спокоен. Он знал страшную силу противника и сознавал, что медведю понадобится совсем немного времени, чтобы справиться с тремя людьми. Его толстая шкура и крепкие, словно гранит, кости были почти неуязвимы для каменных топоров и копий с кремнёвыми наконечниками.

Уламы лихорадочно продолжали укреплять вход в пещеру. Скоро перед ним выросла высокая стена из камней. Молодые воины оставили незаложенным только одно отверстие справа, на высоте человеческого роста.

Тем временем медведь добрался до пещеры и подошёл к её входу. Увидев препятствие, он остановился и заворчал, удивлённо покачивая тяжёлой головой. Хищник давно учуял присутствие людей, слышал шум, поднятый ими при сооружении каменного заграждения, но никак не ожидал, что вход в берлогу, где он прожил столько лет, вдруг окажется заложённым.

Медведь смутно чувствовал, что существует какая-то связь между появлением этого неожиданного препятствия и присутствием двуногих существ, которые заняли его жилище. Препграда озадачила его, но несколько не встревожила; он угадывал слабость скрывавшихся за ней противников.

Сначала огромный хищник не спеша потянулся, показав белую, отливающую серебром шерсть на своей могучей груди и мотая мохнатой головой. Затем внезапно, без всякого перехода, пришёл в ярость, потому что по натуре своей был существом угрюмым и злобным. Издав хриплый, протяжный рёв, он поднялся на задние лапы. В такой позе медведь ещё больше напоминал че-

ловека, огромного и волосатого, с короткими кривыми ногами и непомерно длинным туловищем. Тяжело переваливаясь с лапы на лапу, он вплотную подошёл к каменной стене и, пригнув голову, заглянул в оставшееся незаложенным отверстие.

Нам и Гав, скрытые в тёмной глубине пещеры, держали наготове свои кремнёвые топоры; сын Леопарда сжимал в руках тяжёлую палицу. Они рассчитывали, что медведь, желая разрушить стену, просунет в незаложенное отверстие лапы, и готовились разmozжить их ударами палицы и топоров. Но в просвете между валунами перед ними неожиданно возникла огромная лохматая морда с плоским лбом и полуоткрытой пастью, в которой виднелись два ряда длинных и острых, словно дротики, зубов. Топоры Нама и Гава с силой опустились на голову хищника; Нао взмахнул палицей, но недостаточная ширина отверстия помешала ему нанести сокрушительный удар.

Медведь с рёвом отступил. Он даже не был ранен: ни одна капля крови не выступила на его морде. Но вспыхнувшие зелёным огнём зрачки хищника и лязг мощных челюстей ясно говорили о возмущении оскорблённой силы. Однако он не пренебрёг полученным уроком. Вместо того чтобы лезть в пещеру напролом, он решил сначала уничтожить опасное препятствие.

Приблизившись к пещере снова, медведь ощупал каменную стену лапами и толкнул её. Стена едва заметно дрогнула. Тогда, собрав все свои силы, зверь принялся расшатывать её. Он то наваливался на неё плечом и толкал лбом, то рвал могучими когтями, то, отступив, с разбегу бросался на стену всей тяжестью своего огромного тела. Обнаружив наконец слабое место у основания стены, медведь сосредоточил на нём свои усилия. Стена зашаталась. Уламы, находясь по ту сторону стены, ничем не могли помешать зверю. Почти не сговариваясь, люди

быстро изменили способ защиты. Нао и Гав подпёрли плечами опасное место изнутри, и стена перестала шататься. Нам же, высунувшись из отверстия, подстерегал удобный момент, чтобы вонзить дротик в глаз противника.

Вскоре медведь заметил, что слабое место в преграде перестало поддаваться его толчкам. Эта непостижимая для тёмного ума зверя перемена, шедшая вразрез со всем его долголетним опытом, озадачила хищника. Он остановился, присел на задние лапы и, мотая головой, стал рассматривать стену, обнюхивая её с недоверчивым и изумлённым видом. Наконец, решив, что ошибся, медведь снова приблизился к стене и ударил её лапой; затем разбежался и толкнул плечом. Стена не поддавалась. Тогда, разъярившись, хищник забыл об осторожности и ринулся в атаку.

Отверстие в стене притягивало зверя. Ему казалось, что здесь он найдёт свободный проход. Он бросился к нему, не думая об опасности... Дротик просвистел и впился ему в веко, но ничто уже не могло остановить сокрушительный натиск этого живого тарана. Стена рухнула...

Нао и Гав мгновенно отскочили в глубину пещеры. Нам не успел последовать их примеру — и очутился в когтях рассвирепевшего зверя. Юноша даже не пробовал защищать свою жизнь. Покорный и беспомощный, словно антилопа, опрокинутая на землю лапой льва, он раскинул руки и, широко раскрыв глаза, в каком-то оцепенении ждал смерти.

Но Нао, на мгновение растерявшийся от неожиданного падения стены, увидел опасность, грозившую его товарищу, и сразу обрёл хладнокровие и мужество, свойственные людям сильного духа и твёрдой воли. Отбросив в сторону ставший ненужным топор, он обеими руками схватил узловатую дубовую палицу и шагнул навстречу врагу.

Иллюстрации к повести —
художник Л.П. Дурасов. 1960-е гг.

Медведь заметил его. Отложив расправу со слабой добычей, трепетавшей в его когтях, он отбросил в сторону Нама и с грозным рычанием повернулся к сыну Леопарда. Но не успел хищник пустить в ход свои страшные клыки и когти, как палица Нао с молние-

носной быстротой опустилась на голову зверя, разбив в кровь его ноздри. Удар, нанесённый сбоку, был не так силён и опасен, как болезнен. Он поразил хищника в самое чувствительное место. Медведь невольно отпрянул назад, завыв от боли.

Второй удар палицы пришёлся по массивному, несокрушимоу черепу. Медведь, успевший прийти в себя, но обезумевший от боли и ярости, ринулся на врага. Нао успел отскочить в темноту и укрыться за выступом базальтовой стены. Медведь, как лавина, пронёсся мимо него и с размаху ткнулся раненой мордой в каменную стену. Он пошатнулся, оглушённый ударом, и в эту же минуту палица Нао, очутившегося позади хищника, со страшной силой опустилась на загривок зверя, перебив ему позвоночник. Послышался треск сломанных костей. Хищник медленно повернулся вокруг себя, зашатался и рухнул на землю. Нао, упоённый победой, в неистовой ярости наносил поверженному врагу удар за ударом, в то время как Нам и Гав вспарывали брюхо зверя своими кремнёвыми топорами...

Когда громадная окровавленная туша перестала наконец содрогаться, Уламы выпрямились и, опустив оружие, молча посмотрели друг на друга. Это была торжественная минута. Нао стал теперь в глазах Нама и Гава самым могучим из Уламов и всех других людей. Ни Фауму, ни Гу, сыну Тигра, и ни одному из тех великих воинов прошлых поколений, имена которых хранил в своей обширной памяти старый Гоун, не удавалось убить серого медведя ударом палицы в открытом бою. Юноши с восхищением смотрели на своего могучего товарища, мечтая о том дне, когда они расскажут про его славную победу всем Уламам, — конечно, в том случае, если им удастся вернуться к родному племени покорителями Огня!

Часть вторая

Глава первая ПЕПЕЛ

Долгие часы провёл Нао один со своими думами в непроглядной темноте ночи, не озаряемой ни одним небесным огоньком. Наконец на востоке забрезжил слабый свет. Он медленно разлился по пушистым, словно пена, облакам, окрашивая их в жемчужные тона.

Прямо перед собой Нао увидел огромное озеро, преграждавшее путь на юг. Поверхность его была подёрнута мелкой рябью; противоположный берег терялся в тумане и мраке.

Нао смотрел на расстилавшуюся у его ног водяную равнину и спрашивал себя, с какой стороны им лучше обойти её: с востока, где берег озера окаймляла длинная гряда холмов, или с запада, где простиралась плоская равнина, поросшая редкими деревьями.

Над землёй дул слабый ветерок, чуть морщивший воду, но высоко в небе мощный поток воздуха быстро гнал облака, разрывая их на клочья и рассеивая. Окутанная лёгкой дымкой испарений, показалась наконец луна в последней четверти. Узкий серп её отразился в синеве озёрных вод.

Напрягая зоркие глаза, Нао увидел в неверном свете луны, что на юг и на запад простирается беспредельная водная гладь, а на востоке равнина ограничена волнистой линией поросших лесом холмов. Следовательно, им нужно идти на восток; другого пути нет.

Кругом царила нерушимая тишина, простиравшаяся над спящими водами и, казалось, охватившая весь небосвод с его бесчисленными звёздами и серебряным серпом месяца. Ветерок улёгся, и только время от вре-

мени под его дыханием чуть слышно шелестела высокая трава.

Устав от неподвижности, Нао вышел из тени, отбрасываемой старым тополем, и зашагал по берегу озера. Неровная поверхность местности то скрывала от него горизонт, то расширяла его до необъятных пределов.

С вершины небольшого бугра Нао ясно разглядел извилистую линию восточного берега озера. Многочисленные следы на земле свидетельствовали, что это место часто посещается стадами травоядных и хищниками.

Вдруг Нао вздрогнул и замер на месте, широко раскрыв глаза. Сердце его забилося от тревоги и странного восторга. Воспоминания вспыхнули в мозгу молодого воина так ярко, что ему на мгновение показалось, будто он вновь видит перед собой родное становище Уламров, пылающий костёр и гибкую фигуру Гаммлы, освещённую красноватым пламенем.

Прямо перед ним в густой зелёной траве чернела плешь с полуобгорелыми ветвями и кучкой золы; ветер не успел ещё развеять белого пепла.

Нао живо представил себе вечерний привал, яркое пламя костра, запах жареного мяса, красные языки Огня... Но тут же радужные видения рассеяла тревожная мысль о том, что у этого костра недавно грелись враги...

Взволнованный, Нао опустился на колени и стал внимательно изучать следы вокруг костра. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы распознать, что здесь побывало трижды столько людей, сколько у него было пальцев на обеих руках, и среди них не было ни стариков, ни женщин, ни детей. Вероятно, здесь останавливался один из тех охотничьих отрядов, какие племя посылает в дальние разведки. Множество обглоданных костей, разбросанных вокруг костра, подтверждало указания следов на траве.

Необходимо было узнать, откуда пришёл отряд охотников и в каком направлении он удалился. Нао подозревал, что эти охотники принадлежали к племени Пожирателей Людей — Кзамов, которые с незапамятных времён жили к югу от Большой реки. Это были огромные и свирепые люди, превосходившие силой не только Уламов, но и все другие известные Нао человеческие племена. Единственные среди людей, они ещё употребляли в пищу человеческое мясо, хотя нельзя сказать, что они предпочитали его мясу сохатого и оленя, косули и кабана, лани и джигетая¹.

Племя Кзамов было немногочисленно: Уаг, сын Рыси, самый неутомимый и бесстрашный разведчик из всех Уламов, во время своих дальних странствий видел всего три становища людоедов; все остальные встреченные им племена человеческого мяса не ели.

Эти воспоминания теснились в голове у Нао, в то время как он шёл по следу, оставленному охотничьим отрядом. Идти было нетрудно, так как, уверенные в своей силе, Кзамы не заботились о том, чтобы скрыть следы. Они обошли озеро с востока, видимо направляясь к берегам Большой реки.

Две возможности представлялись Нао: настигнуть охотничий отряд Кзамов прежде, чем тот вернётся в становище своего племени, и похитить Огонь хитростью или перегнать отряд, проникнуть в становище врагов и, пользуясь отсутствием лучших воинов, добыть Огонь силой.

Чтобы найти дорогу к становищу Кзамов, надо было немедленно двинуться по следам отряда. Мысленно Нао видел этих охотников, уносящих с собой через степи, реки и холмы самое драгоценное достояние человека — Огонь. И видение это было таким отчётливым, таким ярким, что руки Нао уже тянулись к заветному пламени, угрожая тем, кто преградит к нему путь...

¹ *Джигетай* — животное из семейства лошадиных.

Сын Леопарда долго предавался этим волнующим думам, а тем временем свежий ветер, поднявшийся перед рассветом, постепенно ослабевал и утихал, словно растворяясь среди густой листвы деревьев и высоких прибрежных трав.

Глава пятая

БИТВА ЗА ОГОНЬ

Оба Кзама, постепенно замедляя шаг, подходили всё ближе и ближе. Более рослый взмахнул последним своим дротиком и метнул его в Нао почти в упор. Нао без труда отбил дротик обухом топора, и тонкая палка, переломившись, исчезла в пламени костра.

В ту же секунду три палицы со свистом рассекли воздух.

Нао отбил палицы Кзамов с такой силой, что меньший из людоедов пошатнулся. Заметив это, Нао бросился к нему и страшным ударом проломил врагу голову. Но и сам он пострадал при этом: второй Кзам ударил его в левое плечо. К счастью, Нао в последнюю секунду успел отскочить, не то палица, направленная умелой рукой, раздробила бы ему череп. Ошеломлённый, Нао откинулся назад, чтобы обрести устойчивость. Подняв сверху палицу, он ждал врага.

Хотя теперь перед Нао оставался только один противник, положение Уламра было ужасное: он едва мог шевелить раненой левой рукой, тогда как Кзам, вооружённый палицей и топором, не получил ни одной царапины. Это был великан с широкой грудью, мощным торсом и длинными руками — на целую треть длиннее, чем руки Нао. Короткие кривые ноги его, не способные к быстрому бегу, были, однако, великолеп-

ными точками опоры и сообщали телу Кзама устойчивость гранитной глыбы.

Перед решительной схваткой людоед исподлобья окинул взглядом своего противника. Решив, что он легче добьётся победы, если будет наносить удары обеими руками, Кзам отбросил в сторону топор, оставив в руках одну палицу. Затем он перешёл в наступление.

Две палицы из твёрдого дуба, почти одинакового веса, столкнулись в воздухе. Удар, нанесённый Кзамом,

был сильнее удара Улабра, который не мог пользоваться левой рукой. И всё-таки ему удалось отбить нападение. Когда же Кзам вторично опустил палицу, она рассекла воздух, не встретив ничего на своём пути: Нао ловко отклонился в сторону.

В третий раз палица Нао обрушилась на врага, словно лавина. Она разбила бы вдребезги череп противника, если бы длинные жилистые руки Кзама не сумели вовремя отвести удар.

Снова узловатые дубины с треском сшиблись в воздухе, и Кзам был вынужден отступить. Однако он тут же пришёл в себя и ринулся на Улабра с таким бешенством, что чуть не выбил палицу из его руки. Прежде чем Нао собрался с силами, Кзам снова взмахнул палицей. Улабр лишь несколько ослабил, но не мог отвести удар. Дубина обрушилась на его череп... У Нао подкопились ноги: деревья, земля, костёр закружились перед его глазами... Чудовищным усилием воли он устоял на ногах и, прежде чем Кзам сообразил, что происходит, швырнул в него свою палицу с такой силой, что тот, даже не вскрикнув, свалился мёртвым...

Ещё не веря в свою победу, Нао взглянул на костёр, где плясали весёлые красные языки пламени, и засмеялся отрывистым, хриплым смехом. Радость бушевала в его груди, словно поток, несущийся весною с гор.

Кругом было тихо. Над головой мирно сияли далёкие звёзды, приглушённо рокотала река, чуть шелестела трава под дыханием ночного ветерка, и только издали, с противоположного берега реки, доносились лай шакалов и рыкание вышедшего на охоту льва... Победитель закричал прерывающимся от волнения голосом:

— Нао — хозяин Огня!

Он медленно обошёл вокруг костра, протягивая над ним руки, подставляя благотворному теплу грудь, радуясь давно не испытанному блаженству.

— Нао — хозяин Огня! — повторял он, не помня себя от восторга. — Нао завоевал Огонь!

Но вскоре лихорадочное возбуждение улеглось. Он подумал, что Кзамы могут неожиданно вернуться и что надо поскорей унести в безопасное место свою драгоценную добычу. Он достал плоские камни, которые постоянно держал при себе после первой неудачной попытки похитить Огонь. Нужно было оплести их прутьями, корой и стеблями ползучих растений. В поисках этих растений Нао неожиданно обнаружил неподалёку от костра готовую плетёнку, в которой людоеды переносили Огонь. Он вскрикнул от радости.

Это было нечто вроде гнезда, искусно сплетённого из древесной коры и выложенного изнутри плоскими камнями. В нём ещё теплился маленький огонёк.

Хотя Нао, подобно всем мужчинам племени Уламов, умел делать плетёнки для хранения Огня, ему вряд ли удалось бы в столь короткий срок изготовить такую же прочную и удобную, как та, которую он нашёл у людоедов. Для этого нужно было время.

Плетёнка Кзамов была сложена из трёх тонких слоев сланца, с оболочкой из коры зелёного дуба, скреплённой гибкими прутьями. В стенках были оставлены отверстия для доступа воздуха.

Такие плетёнки с Огнём требовали неусыпных забот.

Нужно было защищать пламя от дождя и ветра; нужно было смотреть за тем, чтобы Огонь не хирел и не разгорался больше, чем следует; нужно было часто менять кору.

Нао знал все правила ухода за Огнём, выработанные тысячелетним опытом его предков. Он слегка раздул пламя, смочил водой кору оболочки, проверил вытяжные отверстия и состояние сланцевой прокладки. Затем он собрал разбросанные по земле копья и топоры

и перед уходом окинул последним взглядом стоянку Кзамов и окружающую её равнину.

Двое из его врагов были мертвы; они лежали на спине, лицом к звёздам. Двое других, несмотря на страшные страдания, старались сохранять полную неподвижность, чтобы Нао счёл их мёртвыми. Жестокий закон войны и осторожность требовали, чтобы Нао прикончил их. Он подошёл к первому, раненному в бедро, и занёс над ним копье.

И вдруг какое-то странное, не понятное ему самому отвращение овладело сыном Леопарда при мысли, что ещё одна жизнь сейчас угаснет. Он не чувствовал никакой ненависти к поверженным врагам. К тому же куда важней было загасить костёр.

Нао раскидал во все стороны пылающие угли и палицей, принадлежащей одному из убитых врагов, разбил их на мелкие куски, которые не могли сохранить Огонь до возвращения Кзамов. Затем он связал раненым руки и ноги гибкими стеблями растений и крикнул, не в силах скрыть своё торжество:

— Кзамы не захотели дать сыну Леопарда даже одной головешки, а теперь у самих Кзамов нет Огня! Они будут страдать от темноты и холода до тех пор, пока не вернуться к своему племени! Уламы теперь стали сильнее Кзамов!

1909

Перевод И. Орловской

Вопросы и задания

1. Составьте план одной из глав. Подготовьте краткий пересказ по вашему плану.
2. Чем был опасен именно серый медведь?

3. С помощью каких художественных средств рисуется образ серого медведя?
4. Благодаря чему юношам удалось одержать победу над сильным и опасным хищником?
5. Подробно, в деталях, опишите повадки, движения Нао. О каких качествах юноши они вам говорят?
6. Найдите в тексте описание поединка и подготовьтесь к выразительному чтению фрагмента.
7. Прочитайте отрывок со слов: «Двое из его врагов были мертвы...» до слов: «Он не чувствовал никакой ненависти к поверженным врагам». Как характеризует юношу-победителя его отношение к побеждённому врагу? Какая фраза в этом фрагменте является самой важной? Почему?
- 8*. Как вы думаете, повесть Ж. Рони-старшего относится к приключенческим, историческим или фантастическим произведениям? Обоснуйте свой ответ.
9. Рассмотрите иллюстрации Л.П. Дурасова. Какие детали, подчёркнутые художником, свидетельствуют о предельном накале страстей в эпизодах сражения с медведем и Кзамом за Огонь? Подумайте, почему столь решителен и отважен герой произведения.

ДЖЕК ЛОНДОН 1876—1916

Я верю в благородство и достоинство человека.

Джек Лондон

Джек Лондон родился в Сан-Франциско (штат Калифорния, США). Его отчимом был чудаковатый ирландец Генри Чэни, астролог, литератор, неудачник. С ним юный Джек делил все тяготы нелёгкой жизни, был ему заботливым и любящим сыном. Вспоминая детские годы, Лондон писал: «В десять лет я уже продавал на улицах газеты. Каждый цент я отдавал семье и, отправляясь в школу, каждый раз стыдился своей шапки, башмаков, платья...»

Когда мальчик подрос, он стал рабочим консервной фабрики. Джек работал по восемнадцать, а иногда и двадцать часов подряд.

Джека манил морской простор. Он плавал на собственной лодчонке и был принят в среду устричных пиратов.

Школа корабельной службы оказалась ещё более суровой. С гордостью вспоминает писатель о том, что ему удалось сдать этот своеобразный экзамен на мужество.

Джек Лондон работал кочегаром на электростанции, долго был безработным, сидел в тюрьме за бродяжни-

Джек Лондон. 1900-е гг.

чество, увидел «ужасные бездны человеческого унижения». После похода в Вашингтон и всего пережитого всерьёз почувствовал своё призвание — писать. Писал иной раз по пятнадцать часов в сутки. Безденежье привело его в Клондайк, но и он не принёс ему достатка, зато одарил огромным богатством жизненных наблюдений. Возвратившись домой, Джек Лондон с усердием взялся за писательский труд. Его северные рассказы сразу полюбились публике.

Человек, совесть которого не «замерзает» даже тогда, когда термометр показывает пятьдесят градусов ниже нуля, — вот подлинный герой ранних рассказов Лондона. Высокие законы дружбы, любви, самоотверженности вознесены писателем над грубой, преступной суматохой обогащения.

По Р.М. Самарину

1. Составьте план статьи учебника о писателе и по плану подготовьте устный рассказ о нём.
2. Какие события и факты из жизни юного Джека Лондона показались вам необычными, произвели на вас особое впечатление? Почему?
3. Внимательно перечитайте последний абзац статьи. Выпишите ключевые слова. О каких нравственных законах, которые утверждал Джек Лондон в своих произведениях, говорит автор? Можно ли считать их актуальными для любого времени?

СКАЗАНИЕ О КИШЕ

Давным-давно у самого Полярного моря жил Киш. Долгие и счастливые годы был он первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах. Так много воды утекло с тех пор, что только старики помнят его имя, помнят и правдивую повесть о нём, которую они слышали от своих отцов и которую сами передадут своим детям и детям своих детей, а те — своим, и так она будет переходить из уст в уста до конца времён. Зимней полярной ночью, когда северная буря завывает над ледяными просторами, а в воздухе носятся белые хлопья и никто не смеет выглянуть наружу, хорошо послушать рассказ о том, как Киш, что вышел из самого бедного иглу¹, достиг почёта и занял высокое место в своём посёлке.

¹ *Иглу* — хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит.

Киш, как гласит сказание, был смышлёным мальчиком, здоровым и сильным и видел уже тринадцать солнц. Так считают на Севере годы, потому что каждую зиму солнце оставляет землю во мраке, а на следующий год поднимается над землёй новое солнце, чтобы люди снова могли согреться и поглядеть друг другу в лицо. Отец Киша был отважным охотником и встретил смерть в голодную годину, когда хотел отнять жизнь у большого полярного медведя, дабы даровать жизнь своим соплеменникам. Один на один он схватился с медведем, и тот переломал ему все кости; но на медведе было много мяса, и это спасло народ. Киш был единственным сыном, и, когда погиб его отец, он стал жить вдвоём с матерью. Но люди быстро всё забывают, забыли и о подвиге его отца, а Киш был всего только мальчик, мать его — всего только женщина, и о них тоже забыли, и они жили так, забытые всеми, в самом бедном иглу.

Но как-то вечером в большом иглу вождя Клош-Квана собрался совет, и тогда Киш показал, что в жилах у него горячая кровь, а в сердце — мужество мужчины и он ни перед кем не станет гнуть спину. С достоинством взрослого он поднялся и ждал, когда наступит тишина и стихнет гул голосов.

— Я скажу правду, — так начал он. — Мне и матери моей даётся положенная доля мяса. Но это мясо часто бывает старое и жёсткое, и в нём слишком много костей.

Охотники — и совсем седые, и только начавшие сидеть, и те, что были в расцвете лет, и те, что были ещё юны, — все разинули рот. Никогда не доводилось им слышать подобных речей. Чтобы ребёнок говорил, как взрослый мужчина, и бросал им в лицо дерзкие слова!

Но Киш продолжал твёрдо и сурово:

— Мой отец, Бок, был храбрым охотником, вот почему я говорю так. Люди рассказывают, что Бок один приносил

больше мяса, чем любые два охотника, даже из самых лучших, что своими руками он делил это мясо и своими глазами следил за тем, чтобы самой старой старухе и самому хилому старику досталась справедливая доля.

— Вон его! — закричали охотники. — Уберите отсюда этого мальчишку! Уложите его спать. Мал он ещё разговаривать с седоголовыми мужчинами.

Но Киш спокойно ждал, пока не уляжется волнение.

— У тебя есть жена, Уг-Глук, — сказал он, — и ты говоришь за неё. А у тебя, Массук, — жена и мать, и за них ты говоришь. У моей матери нет никого, кроме меня, и потому говорю я. И я сказал: Бок погиб потому, что он был храбрым охотником, а теперь я, его сын, и Айкига, мать моя, которая была его женой, должны иметь вдоволь мяса до тех пор, пока есть вдоволь мяса у племени. Я, Киш, сын Бока, сказал.

Он сел, но уши его чутко прислушивались к буре протеста и возмущения, вызванной его словами.

— Разве мальчишка смеет говорить на совете? — прошамкал старый Уг-Глук.

— С каких это пор грудные младенцы стали учить нас, мужчин? — зычным голосом спросил Массук. — Или я уже не мужчина, что любой мальчишка, которому захотелось мяса, может смеяться мне в лицо?

Гнев их кипел ключом. Они приказали Кишу сейчас же идти спать, грозили совсем лишить его мяса, обещали задать ему жестокую порку за дерзкий поступок. Глаза Киша загорелись, кровь забурила и жарким румянцем прилила к щекам. Осыпавшись бранью, он вскочил с места.

— Слушайте меня, вы, мужчины! — крикнул он. — Никогда больше не стану я говорить на совете, никогда, прежде чем вы не придёте ко мне и не скажете: «Говори, Киш, мы хотим, чтобы ты говорил». Так слушайте же, мужчины, моё последнее слово. Бок,

мой отец, был великий охотник. Я, Киш, его сын, тоже буду охотиться и приносить мясо и есть его. И знайте отныне, что делёж моей добычи будет справедлив. И ни одна вдова, ни один беззащитный старик не будет больше плакать ночью оттого, что у них нет мяса, в то время как сильные мужчины стонут от тяжкой боли, ибо съели слишком много. И тогда будет считаться позором, если сильные мужчины станут объедаться мясом! Я, Киш, сказал всё.

Насмешками и глумлением проводили они Киша, когда он выходил из иглу, но он стиснул зубы и пошёл своей дорогой, не глядя ни вправо, ни влево.

На следующий день он направился вдоль берега, где земля встречается со льдами. Те, кто видел его, заметили, что он взял с собой лук и большой запас стрел с костяными наконечниками, а на плече нёс большое охотничье копьё своего отца. И много было толков и много смеха по этому поводу. Это было невиданное событие. Никогда не случалось, чтобы мальчик его возраста ходил на охоту, да ещё один. Мужчины только покачивали головой да пророчески что-то бормотали, а женщины с сожалением смотрели на Айкигу, лицо которой было строго и печально.

— Он скоро вернётся, — сочувственно говорили женщины.

— Пусть идёт. Это послужит ему хорошим уроком, — говорили охотники. — Он вернётся скоро, тихий и покорный, и слова его будут кроткими.

Но прошёл день и другой, и на третий поднялась жестокая пурга, а Киша всё не было. Айкига рвала на себе волосы и вымазала лицо сажей в знак скорби, а женщины горькими словами корили мужчин за то, что они плохо обошлись с мальчиком и послали его на смерть; мужчины же молчали, готовясь идти на поиски тела, когда утихнет буря.

Однако на следующий день рано утром Киш появился в посёлке. Он пришёл с гордо поднятой головой. На плече он нёс часть туши убитого им зверя. И поступь его стала надменной, а речь звучала дерзко.

— Вы, мужчины, возьмите собак и нарты и ступайте по моему следу, — сказал он. — За день пути отсюда найдёте много мяса на льду — медведицу и двух медвежат.

Айкига была вне себя от радости, он же принял её восторги, как настоящий мужчина, сказав:

— Идём, Айкига, надо поесть. А потом я лягу спать, потому что я устал.

И он вошёл в иглу и сытно поел, после чего спал двадцать часов подряд.

Сначала было много сомнений, много сомнений и споров. Выйти на полярного медведя — дело опасное, но трижды и три раза трижды опаснее — выйти на медведицу с медвежатами. Мужчины не могли поверить, что мальчик Киш один, совсем один, совершил такой великий подвиг. Но женщины рассказывали о свежем мясе только что убитого зверя, которое принёс Киш, и это поколебало их недоверие. И вот наконец они отправились в путь, ворча, что если даже Киш и убил зверя, то, верно, он не позаботился освежевать его и разделить тушу. А на Севере это нужно делать сразу, как только зверь убит, — иначе мясо замёрзнет так крепко, что его не возьмёт даже самый острый нож; а взвалить мороженую тушу в триста фунтов на нарты и везти по неровному льду — дело нелёгкое. Но, придя на место, они увидели то, чему не хотели верить: Киш не только убил медведей, но рассёк туши на четыре части, как истый охотник, и удалил внутренности.

Так было положено начало тайне Киша. Дни шли за днями, и тайна эта оставалась неразгаданной. Киш снова пошёл на охоту и убил молодого, почти взрослого медведя, а в другой раз — огромного медведя-самца и его

самку. Обычно он уходил на три-четыре дня, но бывало, что пропадал среди ледяных просторов и целую неделю. Он никого не хотел брать с собой, и народ только диву давался. «Как он это делает? — спрашивали охотники друг у друга. — Даже собаки не берёт с собой, а ведь собака — большая подмога на охоте».

— Почему ты охотишься только на медведя? — спросил его как-то Клош-Кван.

И Киш сумел дать ему надлежащий ответ:

— Кто же не знает, что только на медведе так много мяса.

Но в посёлке стали поговаривать о колдовстве.

— Злые духи охотятся вместе с ним, — утверждали они. — Поэтому его охота всегда удачна. Чем же иначе можно это объяснить, как не тем, что ему помогают злые духи?

— Кто знает? А может, это не злые духи, а добрые? — говорили другие. — Ведь его отец был великим охотником. Может, он теперь охотится вместе с сыном и учит его терпению, ловкости и отваге. Кто знает!

Так или не так, но Киша не покидала удача, и нередко менее искусным охотникам приходилось доставлять в посёлок его добычу. И в дележе он был справедлив. Так же, как и отец его, он следил за тем, чтобы самый хилый старик и самая старая старуха получали справедливую долю, а себе оставлял ровно столько, сколько нужно для пропитания. И поэтому-то, и ещё потому, что он был отважным охотником, на него стали смотреть с уважением и побаиваться его и начали говорить, что он должен стать вождём после смерти старого Клош-Квана. Теперь, когда он прославил себя такими подвигами, все ждали, что он снова появится в совете, но он не приходил, а им было стыдно позвать его.

— Я хочу построить себе новое иглу, — сказал Киш однажды Клош-Квану и другим охотникам. — Это

должно быть просторное иглу, чтобы Айкиге и мне было удобно в ней жить.

— Так, — сказали те, с важностью кивая головой.

— Но у меня нет на это времени. Моё дело — охота, и она отнимает всё моё время. Было бы справедливо и правильно, чтобы мужчины и женщины, которые едят мясо, что я приношу, построили мне иглу.

И они выстроили ему такое большое, просторное иглу, что оно было больше и просторнее даже жилища самого Клош-Квана. Киш и его мать перебрались туда, и впервые после смерти Бока Айкига стала жить в довольстве. И не только одно довольство окружало Айкигу, — она была матерью замечательного охотника, и на неё смотрели теперь, как на первую женщину в посёлке, и другие женщины посещали её, чтобы испросить у неё совета, и ссылались на её мудрые слова в спорах друг с другом или со своими мужьями.

Но больше всего занимала все умы тайна чудесной охоты Киша. И как-то раз Уг-Глук бросил Кишу в лицо обвинение в колдовстве.

— Тебя обвиняют, — зловеще сказал Уг-Глук, — в сношениях с злыми духами; вот почему твоя охота удачна.

— Разве вы едите плохое мясо? — спросил Киш. — Разве кто-нибудь в посёлке заболел от него? Откуда ты можешь знать, что тут замешано колдовство? Или ты говоришь наугад — просто потому, что тебя душит зависть?

И Уг-Глук ушёл пристыженный, и женщины смеялись ему вслед. Но как-то вечером на совете после долгих споров было решено послать соглядатаев по следу Киша, когда он снова пойдёт на медведя, и узнать его тайну. И вот Киш отправился на охоту, а Бим и Боун, два молодых, лучших в посёлке охотника, пошли за ним по пятам, стараясь не попасться ему на глаза. Через пять дней они вер-

нулись, дрожа от нетерпения, — так хотелось им поскорее рассказать то, что они видели. В жилище Клош-Квана был спешно созван совет, и Бим, тараща от изумления глаза, начал свой рассказ.

— Братья! Как нам было приказано, мы шли по следу Киша. И уж так осторожно мы шли, что он ни разу не заметил нас. В середине первого дня пути он встретился с большим медведем-самцом, и это был очень, очень большой медведь...

— Больше и не бывает, — перебил Боун и повёл рассказ дальше. — Но медведь не хотел вступать в борьбу, он повернул назад и стал не спеша уходить по льду. Мы смотрели на него со скалы на берег, а он шёл в нашу сторону, и за ним, без всякого страха, шёл Киш. И Киш кричал на медведя, осыпал его бранью, размахивал руками и поднимал очень большой шум. И тогда медведь рассердился, встал на задние лапы и зарычал. А Киш шёл прямо на медведя...

— Да, да, — подхватил Бим. — Киш шёл прямо на медведя, и медведь бросился на него, и Киш побежал. Но когда Киш бежал, он уронил на лёд маленький круглый шарик, и медведь остановился, обнюхал этот шарик и проглотил его. А Киш всё бежал и всё бросал маленькие круглые шарики, а медведь всё глотал их.

Тут поднялся крик, и все выразили сомнение, а Уг-Глук прямо заявил, что он не верит этим сказкам.

— Собственными глазами видели мы это, — убеждал их Бим.

— Да, да, собственными глазами, — подтвердил и Боун. — И так продолжалось долго, а потом медведь вдруг остановился, завыл от боли и начал как бешеный колотить передними лапами о лёд. А Киш побежал дальше по льду и стал на безопасном расстоянии. Но медведю было не до Киша, потому что маленькие круглые шарики наделали у него внутри большую беду.

— Да, большую беду, — перебил Бим. — Медведь царапал себя когтями и прыгал по льду, словно разыгравшийся щенок. Но только он не играл, а рычал и выл от боли, — и всякому было ясно, что это не игра, а боль. Ни разу в жизни я такого не видал.

— Да, и я не видал, — опять вмешался Боун. — А какой это был огромный медведь!

— Колдовство, — проронил Уг-Глук.

— Не знаю, — отвечал Боун. — Я рассказываю только то, что видели мои глаза. Медведь был такой тяжёлый и прыгал с такой силой, что скоро устал и ослабел, и тогда он пошёл прочь вдоль берега и всё мотал головой из стороны в сторону, а потом сел и рычал и выл от боли — и снова шёл. А Киш тоже шёл за медведем, а мы — за Кишем, и так мы шли весь день и ещё три дня. Медведь всё слабел и выл от боли.

— Это колдовство! — воскликнул Уг-Глук. — Ясно, что это колдовство!

— Всё может быть.

Но тут Бим опять сменил Боуна:

— Медведь стал кружить. Он шёл то в одну сторону, то в другую, то назад, то вперёд, то по кругу и снова и снова пересекал свой след и наконец пришёл к тому месту, где встретил его Киш. И тут он уже совсем ослабел и не мог даже ползти. И Киш подошёл к нему и прикончил его копьём.

— А потом? — спросил Клош-Кван.

— Потом Киш принялся свежевать медведя, а мы побежали сюда, чтобы рассказать, как Киш охотится на зверя.

К концу этого дня женщины притащили тушу медведя, в то время как мужчины собирали совет. Когда Киш вернулся, за ним послали гонца, приглашая его прийти тоже, но он велел сказать, что голоден и устал и что его иглу достаточно велико и удобно и может вместить много людей.

И любопытство было так велико, что весь совет во главе с Клош-Кваном поднялся и направился в иглу Киша. Они застали его за едой, но он встретил их с почётом и усадил по старшинству. Айкига то горделиво выпрямлялась, то в смущении опускала глаза, но Киш был совершенно спокоен.

Клош-Кван повторил рассказ Бима и Боуна и, закончив его, произнёс строгим голосом:

— Ты должен дать нам объяснение, о Киш. Расскажи, как ты охотишься. Нет ли здесь колдовства?

Киш поднял на него глаза и улыбнулся:

— Нет, о Клош-Кван! Не дело мальчика заниматься колдовством, и в колдовстве я ничего не смыслю. Я только придумал способ, как можно легко убить полярного медведя, вот и всё. Это смекалка, а не колдовство.

— И каждый может сделать это?

— Каждый.

Наступило долгое молчание.

Мужчины глядели друг на друга, а Киш продолжал есть.

— И ты... ты расскажешь нам, о Киш? — спросил наконец Клош-Кван дрожащим голосом.

— Да, я расскажу тебе. — Киш кончил высасывать мозг из кости и поднялся с места. — Это очень просто. Смотри!

Он взял узкую полоску китового уса и показал её всем. Концы у неё были острые, как иглы. Киш стал осторожно скатывать ус, пока он не исчез у него в руке; тогда он внезапно разжал руку, — и ус сразу распрямился. Затем Киш взял кусок тюленьего жира.

— Вот так, — сказал он. — Надо взять маленький кусочек тюленьего жира и сделать в нём ямку — вот так. Потом в ямку надо положить китовый ус — вот так, хорошенько его свернув, и закрыть его сверху другим

кусочком жира. Потом это надо выставить на мороз, и когда жир замёрзнет, получится маленький круглый шарик. Медведь проглотит шарик, жир растопится, острый китовый ус распрямится — медведю станет больно. А когда медведю станет очень больно, его легко убить копьём. Это совсем просто.

И Уг-Глук воскликнул:

— О!

И Клош-Кван сказал:

— А!

И каждый сказал по-своему, и все поняли.

Так кончается сказание о Кише, который жил давным-давно у самого Полярного моря. И потому, что Киш действовал смекалкой, а не колдовством, он из самого жалкого иглу поднялся высоко и стал вождём своего племени. И говорят, что, пока он жил, народ благоденствовал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса.

1904

Перевод Н. Георгиевской

Вопросы и задания

1. Какова история жизни героя «Сказания о Кише» и в чём секрет его успеха? Почему Киш стал «первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах»? Какой смысл вкладывает автор в финал своего рассказа?
2. Можем ли мы назвать Киша человеком гордым и смелым, честным и трудолюбивым? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
3. Расскажите о герое по предложенному плану.

План

1. Какой перед нами герой? Что он изобрёл и как использовал своё изобретение на охоте?
 2. Как Киш рассказывал об этом своим землякам?
 3. Какова его манера держаться со взрослыми?
 4. Что можно сказать об отношении героя к матери?
 5. Каким, по вашему мнению, вырос Киш?
4. Подготовьте художественный пересказ понравившегося вам эпизода «Сказания о Кише» или развёрнутый ответ на вопрос о том, как автор относится к своему герою (на выбор).

Экслибрис¹ Джека Лондона

¹ *Экслибрис* (лат. ex libris — «из книг») — личный знак, который ставит владелец на книгах своей библиотеки. Здесь: знаменитая повесть Джека Лондона о волке «Белый Клык» послужила темой экслибриса.

**АСТРИД
АННА ЭМИЛИЯ
ЛИНДГРЕН
1907—2002**

В 1958 году шведская писательница Астрид Линдгрэн была награждена медалью Ханса Кристиана Андерсена за многочисленные книги, которые читают дети на всех континентах Земли. Герои этих книг стали для десятков тысяч мальчишек и девчонок одними из самых любимых, а книги, в которых они живут, не залеживаются на полках библиотек.

А. Линдгрэн ведёт читателей в мир своего детства, в обычную жизнь небольшой деревушки, в поле и лес, к природе, к её чистоте и ясности, фантазиям и загадкам. Этот мир она хорошо знала и помнила: родилась Астрид Линдгрэн 14 ноября 1907 года в маленьком городке Виммербю на юге Швеции в семье фермера. Своё детство она бережно хранила в себе, потому что считала его счастливым. Именно оно прежде всего было для писательницы источником вдохновения. Другим источником вдохновения было устное народное творчество. Астрид рано услышала из уст родителей и соседей-крестьян различные волшебные и героические истории, сказки, шутки. Многие из них потом вошли в сюжеты её повестей и рассказов.

Пробовать писать Астрид Линдгрэн начала рано, почти с того времени, как научилась грамоте, а отта-

чивала перо с шестнадцати лет, когда после школы пошла работать журналисткой в местную газету. Затем служила секретарём, а с 1945 по 1970 год — редактором детской литературы в издательстве.

Первая повесть писательницы «Калле Блюмквист играет» вышла в 1946 году. А затем её произведения стали появляться одно за другим: о Пеппи Длинный-чулок и Карлсоне, Расмусе и Бу Вильхельме Ульсоне, Эмиле и многих-многих других.

Произведения А. Линдгрена с успехом идут на многих театральных сценах мира, в том числе и в Московском театре сатиры, где поставлен спектакль про Карлсона. Шведский режиссёр Улле Хелльбум снял на сюжеты её книг семнадцать кинофильмов, герои Линдгрена живут в многочисленных мультфильмах.

Вопросы и задания

1. Какие книги Астрид Линдгрена вы читали? Расскажите об одной из них.
2. Что являлось источником вдохновения для писательницы? Запишите ключевые слова, которые помогут ответить на вопрос.

Минуты творчества

Нарисуйте иллюстрацию к своему любимому произведению А. Линдгрена.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭМИЛЯ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ (Отрывок)

Эмиль из Лённеберги — так все звали одного мальчишку, который жил в этой самой деревне Лённеберге. Был он ужасно озорной и упрямый, не то что ты, верно? Хотя на первый взгляд казался милым и послушным мальчиком, особенно когда спал.

Хочешь, я тебе его опишу? Ясные голубые глаза, круглая мордашка, румяные щёки и копна спутанных волос цвета спелой ржи — ангелок, да и только! Но ты, видно, уже сообразил, что думать так было бы большой ошибкой!

В пять лет он был рослый и крепкий, как молодой бычок. Жил он, как я сказала, в деревне Лённеберге, вернее, не в самой деревне, а на хуторе под названием Катхульт, рядом с Лённебергой, расположенной в округе Смоланд. И выговор у него был самый что ни на есть смоландский, хотя в этом, конечно, его вины не было. Ведь в Смоланде все говорят не так, как в столице. Вот, к примеру, надо Эмилю сказать: «Дайте мне кепку!», как сказал бы ты или любой другой мальчик, а он говорит: «Где мой кепарик?» Была у него такая суконная кепочка с маленьким козырьком, которую как-то привёз ему из города отец. Как он ей тогда обрадовался! Даже когда спать ложился, требовал: «Где мой кепарик?» Маме, конечно, не нравилось, что он спит в суконной кепке, и она прятала её от него. Но он поднимал такой крик, что слышно было на другом конце Лённеберги: «Где мой кепарик?»

Недели три, не меньше, не снимал Эмиль эту кепку ни днём ни ночью. Представляешь, во что она превратилась? Зато добился своего: что хотел, то и делал, — а это было ему важнее всего.

Однажды под Новый год мама решила во что бы то ни стало заставить его съесть тарелку тушёных бобов — они ведь очень полезные, и в них кладут много зелени. Но Эмиль наотрез отказался.

— Ты что, решил вообще не есть зелени?

— Почему? Пожалуйста, хоть сейчас съем, но только настоящую зелень, а не всякое там варево.

И он направился к ёлке, сорвал колючую веточку и принялся её жевать, правда, недолго — очень уж иголки язык кололи.

Теперь ты понимаешь, что за упрямый мальчишка был этот Эмиль? Он хотел всеми командовать — и мамой, и папой, и хутором Катхульт, и даже всей Лённебергой! А вот лённебержцы этого почему-то вовсе не хотели.

— Бедняги Свенсоны с хутора Катхульт! — горестно восклицали они. — У них не мальчишка, а сущее наказание! То ли ещё будет, когда он вырастет!..

Глупые, глупые лённебержцы! Если бы они только знали, кем станет Эмиль, когда вырастет, они бы так не причитали! Ведь Эмиль, когда вырос большой, стал ни много ни мало председателем сельской управы. А если ты не знаешь, что такое председатель сельской управы, то могу тебе сказать, что это самый уважаемый человек в округе. И Эмиль этого добился. Вот так-то!

Но это потом, а пока Эмиль был маленьким и жил с мамой и папой на хуторе Катхульт, близ деревни Лённеберги в округе Смоланд.

Папу его звали Антоном Свенсоном, маму — Альмой Свенсон, и была у него ещё маленькая сестрёнка Ида. Кроме Свенсонов на хуторе жили ещё работник, по имени Альфред, и работница, которую звали Лина.

В те годы на всех хуторах жили для помощи по хозяйству работники и работницы. Работники пахали землю, ухаживали за лошадьми и быками, косили

траву и возили сено, сажали и собирали картошку, а работницы доили коров, мыли посуду, до блеска начищали котлы и кастрюли, нянчили детей и пели песни.

Вот теперь ты знаешь всех жителей хутора Катхульт близ деревни Лённеберги округа Смоланд. Давай-ка их вместе с тобой перечислим: папа Антон, мама Альма, сестрёнка Ида, работник Альфред и работница Лина да ещё две лошади, пара быков, восемь коров, три свиньи, десяток овец, пятнадцать кур, один петух, одна кошка и одна собака. Ну и, конечно, сам Эмиль.

Катхульт очень красивый хутор! Дом, выкрашенный в красный цвет, стоит на пригорке, среди яблонь и сиреневых кустов, вокруг раскинулись поля, луга, пастбища, а вдали видны озеро и большой густой лес. Как спокойно и тихо жилось бы в Катхульте, если бы не Эмиль!

— Ну и озорник! — вздыхала Лина. — Никакого сладу нет с этим мальчишкой. Когда сам не озорничает, то с ним непременно что-нибудь да случится. Сроду таких не видала!

Но мама всегда брала Эмиля под защиту:

— Нечего так на мальчика напускаться! Что уж такого страшного? Сегодня он только разок ущипнул Иду да пролил сливки — вот и всё! Подумаешь! Правда, он ещё гонял кошку вокруг курятника... И всё-таки, Лина, он хороший мальчик.

И правда, Эмиль не был злым. Вот уж чего про него никак не скажешь! Он очень любил и Иду, и кошку. Просто он был вынужден ущипнуть сестрёнку, а то она не отдала бы ему бутерброд с вареньем, а кошку он гонял, чтобы проверить, хорошо ли она прыгает в высоту, только и всего! А эта глупая кошка так и не поняла, что у него самые лучшие намерения, и истошно мяукала.

Итак, 6 марта Эмиль вёл себя прекрасно. Он только один раз ущипнул Иду, немного поиграл с кошкой и пролил перед завтраком сливки. А больше ничего особенного в тот день не произошло.

А теперь я расскажу тебе о других днях из жизни Эмиля, когда случалось куда больше всяких происшествий. Почему, я и сама толком не знаю. То ли Эмиль и вправду не мог удержаться, чтобы не проказничать, как утверждала Лина, то ли он всегда нечаянно попадал в разные истории.

1970

Перевод Л.З. Лунгиной

Вопросы и задания

1. Как относится А. Линдгрен к своему герою? Подтвердите ответ примерами из текста.
2. Повествование пронизано тонким юмором. Он угадывается уже с первых фраз. Найдите в первом абзаце подтверждение сказанному.
3. Охарактеризуйте личность Эмиля по уже сделанным вами наблюдениям.
4. Составьте словесный портрет героя.
5. Есть ли среди ваших знакомых ребята, похожие по характеру на Эмиля? Что у них общего? Чем они отличаются от героя А. Линдгрена?

Советуем прочитать

Знаете ли вы, что происходило с Эмилем дальше? Об этом рассказывается в одиннадцати оставшихся главах. Если вам интересно, прочитайте всю повесть. Подготовьте рассказ об одном из дней Эмиля.

Возвращаясь к теме

1. Какие произведения о детях вы прочитали в 5 классе? С какими познакомились ранее, в начальной школе?
2. Какие мысли и чувства вызывали у вас эти произведения?

После уроков

Какие кинофильмы и мультфильмы на сюжеты произведений А. Линдгрен вы знаете? Подготовьте вопросы для викторины «Герои А. Линдгрен на экране» и проведите эту викторину.

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие три произведения из прочитанных в этом году понравились вам больше других? Почему?
2. Выберите из них одно для развёрнутого ответа и объясните свой выбор.
 - О чём оно? Подберите ключевые слова для ответа.
 - Составьте план (простой или сложный, ещё лучше — цитатный) произведения либо одной главы, если это произведение большого объёма.
 - Если это стихотворение, прочитайте его наизусть, если прозаическое произведение, прочитайте фрагмент из него по законам ораторского искусства, то есть так, как если бы вы стояли на трибуне и обращались к большой аудитории слушателей.
3. Какие произведения, которых не оказалось в вашем учебнике, вы хотели бы в него включить? Объясните свой выбор.
4. Вы познакомились с содержанием различных рубрик учебника. Какие из них помогали вам в процессе изучения материала? Чем конкретно?
5. Образ какого писателя вам запомнился больше других? Что особенно вас заинтересовало в его личности, обстоятельствах жизни и в творчестве?
6. Какая иллюстрация или репродукция картины произвела на вас наиболее сильное впечатление? Почему? Если это произведение живописи, то к какому жанру оно относится?
7. Разгадайте итоговые кроссворды (см. электронные материалы).

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ

И.А. Крылов. Одна басня (по выбору).

А.С. Пушкин. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях (отрывок).

М.Ю. Лермонтов. Бородино (отрывок).

Н.А. Некрасов. Крестьянские дети (отрывок).

Стихотворение XIX века о русской природе (по выбору).

И.А. Бунин. Одно из стихотворений (по выбору).

А.А. Блок. Летний вечер.

С.А. Есенин. Одно из стихотворений (по выбору).

Стихотворение XX века о русской природе (по выбору).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ¹

Античные мифы

Ночь, Луна, Заря и Солнце.

Нарцисс.

Детская Библия

Русское народное творчество

Сказки «Лиса и журавль», «Ворона и рак», «Иван — крестьянский сын и чудо-юдо», «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».

Загадки, частушки, пословицы, поговорки, бывальщины.

¹ В этой рубрике названы произведения, с которыми можно познакомиться летом или в течение учебного года в качестве дополнения к программе.

Литературные сказки

В.Ф. Одоевский, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой (1—2 по выбору).

Братья Гримм, Ш. Перро, Х.К. Андерсен (1—2 по выбору).

Из древнерусской литературы

Домострой. Как детям почитать и беречь отца и мать, и повиноваться им, и утешать их во всём.

Афанасий Никитин. Из «Хождения за три моря».

Из русской литературы XVIII века

М.В. Ломоносов. «Лишь только дневный шум умолк...»

Из русской литературы XIX века

И.А. Крылов. Листы и Корни. Ларчик. Обоз.

А.А. Дельвиг. Русская песня.

Е.А. Баратынский. Водопад.

А.С. Пушкин. Кавказ. Выстрел.

М.Ю. Лермонтов. Ветка Палестины. Пленный рыцарь.

А.В. Кольцов. Осень. Урожай.

Н.В. Гоголь. Заколдованное место.

Н.А. Некрасов. Накануне светлого праздника.

Д.В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик.

И.С. Тургенев. Бежин луг. Из цикла «Записки охотника».

В.М. Гаршин. Сказка о жабе и розе.

А.А. Фет. «Облаком волнистым...». «Печальная берёза...»

И.С. Никитин. Утро. Пахарь.

Я.П. Полонский. Утро.

А.Н. Майков. Весна. «Осенние листья по ветру кружат...»

Ф.И. Тютчев. Утро в горах.

Н.С. Лесков. Привидение в Инженерном замке. Из кадетских воспоминаний.

Из русской литературы XX века

М. Горький. Дети Пармы. Из «Сказок об Италии».

И.А. Бунин. «Шире, грудь, распахнись...». Деревенский нищий. Затишье. «Высоко полный месяц стоит...». «Помню — долгий зимний вечер...»

И.С. Соколов-Микитов. Петька. Зима.

М.М. Пришвин. Моя родина.

А.Т. Твардовский. Лес осенью.

К.М. Симонов. «Майор привёз мальчишку на лафете...»

Е.И. Носов. Варька.

В.П. Астафьев. Зачем я убил коростеля? Белогрудка (по выбору).

В.П. Крапивин. Дети синего Фламинго.

А.Г. Алексин. Самый счастливый день.

В.И. Белов. Скворцы.

В.К. Железников. Чудак из 6 «Б».

Р.П. Погодин. Тишина.

Из зарубежной литературы

В. Скотт. Айвенго.

Ж. Верн. Таинственный остров. Дети капитана Гранта.

М. Рид. Всадник без головы.

А. Конан Дойл. Голубой карбункул.

Дж. Лондон. Мексиканец.

А. Линдгрен. Приключения Калле Блумквиста.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Андерсен Ханс Кристиан — родился в городе Оденсе на острове Фюн (Дания), где и прошло его детство.

Андреев Л.Н. — родился в Орле, где и прошли его детские годы.

Астафьев В.П. — родился в селе Овсянка Красноярского края.

Бажов П.П. — родился в Сысертском заводе близ Екатеринбурга. Автобиографическая повесть о детстве — «Зелёная кобылка».

Блок А.А. — родился в Петербурге. Детские годы провёл в имении Шахматово, располагавшемся в Клинском уезде Московской губернии.

Бунин И.А. — родился в Воронеже. Детские годы прошли в фамильном имении — на хуторе Бутырки Орловской губернии.

Гоголь Н.В. — родился в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии. Детские годы прошли в имении родителей, селе Васильевка (иначе Яновщина) Полтавской губернии.

Дефо Даниель — родился в городе Криплгейт — неподалёку от Лондона.

Есенин С.А. — родился в селе Константинове Кузьминской волости Рязанской губернии, где и прошли его детские годы.

Крылов И.А. — детские годы провёл в Тверской губернии.

Куприн А.И. — родился в городе Наровчат Пензенской губернии. Детские годы прошли в Москве.

Лафонтен Жан де — родился на севере Франции.

Лермонтов М.Ю. — родился в Москве. Детские годы прошли в усадьбе бабушки Е.А. Арсеньевой, селе Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии.

Линдгрэн Астрид Анна Эмилия — родилась в городе Выммербю в Швеции.

Ломоносов М.В. — родился в деревне Денисовке (ныне — село Ломоносово) Двинского уезда Архангельской губернии, где и прошли его детские годы.

Лондон Джек — родился в городе Сан-Франциско, где и прошли его детские годы.

Некрасов Н.А. — родился в селе Синьки (Сеньки) Каменец-Подольской губернии. Детские годы прошли в селе Грешнёве Ярославского уезда, в родовом имении отца.

Носов Е.И. — родился в селе Толмачёве под Курском, где и прошли его детские годы.

Носов Н.Н. — родился в посёлке Ирпень близ Киева, где и прошли его детские годы.

Платонов А.П. — родился в Ямской слободе в окрестностях Воронежа, где и прошли его детские годы.

Пушкин А.С. — родился в Москве, где и прошли его детские годы.

Рони-старший Жозеф — родился в городе Брюсселе.

Сумароков А.П. — родился в Санкт-Петербурге, где и прошли его детские годы.

Твен Марк — родился в городе Флориде, в США. Там же провёл раннее детство, после чего семья переехала в город Ганнибал. Именно этот город был описан им в «Приключениях Тома Сойера».

Толстой Л.Н. — родился в родовом имении Ясная Поляна Крапивенского уезда Тульской губернии, где и прошли его детские годы.

Тредиаковский В.К. — родился в Астрахани, где и прошли его детские годы.

Тургенев И.С. — родился в Орле. Детские годы прошли в селе Спасское-Лутовиново близ города Мценска Орловской губернии, в помещичьей усадьбе.

Чехов А.П. — родился в Таганроге, где и прошли его детские годы.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Автобиография — описание автором собственной жизни.

Аллегория — изображение отвлечённых понятий или свойств через конкретный образ.

Аллитерация — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность.

Анекдот — фольклорный жанр, короткая смешанная история.

Аннотация — краткие сведения о содержании издания, брошюры, статьи.

Антитеза — противопоставление; художественный приём, при котором одно явление, событие, персонаж противопоставляются другому.

Аргумент — основание, довод, приводимый для доказательства чего-либо.

Архаизм — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Ассонанс — повторение в тексте одинаковых гласных, которое служит для создания звукового образа, усиливает выразительность поэтической речи.

Афоризм — законченная и глубокая мысль определённого автора, выраженная в краткой, отточенной форме и получившая широкое распространение.

Баллада — лиро-эпический жанр; в центре повествования — рассказ об историческом или фантастическом событии, как правило, с неожиданным финалом.

Басня — краткий стихотворный или прозаический рассказ нравоучительного характера, имеющий иносказательный смысл. Действующими лицами в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых проявляются человеческие качества и взаимоотношения (басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, И. Крылова и т.д.).

Бойнская повесть — жанр древнерусской литературы, повествование о битвах с врагами и мужестве русских воинов.

Герóй (литературный) — основное действующее лицо литературного произведения.

Ги́пéрбола — чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления.

Гра́дация — художественный приём, при котором внутри предложения однородные выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и т.п.) располагаются в порядке усиления или ослабления признака.

Гро́тэск — предельное преувеличение, основанное на нарушении правдоподобия, сочетании фантастического и реального.

Де́таль художественная — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает читателю представить время и место действия, облик героев, их состояние, характер их мыслей, понять авторское отношение к изображаемому.

Диáлог — разговор двух или нескольких лиц. Одна из форм раскрытия характеров героев.

Дра́ма — произведение, предназначенное для исполнения актёрами на сцене.

Жа́нр — вид художественного произведения со своими особыми признаками. Например: басня, стихотворение, рассказ, поэма, повесть и пр.

Зава́зка — событие, определяющее начало действия, «завязывание конфликта» в литературном произведении; элемент фабулы.

Зага́дка — жанр фольклора; краткое иносказательное описание предмета или явления, предлагаемое для разгадки. Загадки представляют собой свод знаний и понятий народа о мире и о себе, но в своеобразной, «зашифрованной» форме.

За́чѣн — начало в произведениях фольклора (например: «В некотором царстве, в некотором государстве...»).

Зву́копись — система звуковых повторов, подобранных с расчётом на звукоподражание или для усиления звуковой выразительности речи.

Иде́я художественная — основная мысль художественного произведения.

Инве́рсия — стилистическая особенность, необычный порядок слов. Инверсия придаёт фразе особую выразитель-

ность (например: «Один барин служил офицером на Кавказе» — обычный порядок слов; «Служил на Кавказе один барин» — здесь инверсия, инверсионный порядок слов).

Иносказа́ние — выражение, заключающее в себе скрытый смысл.

Инто́нация — выразительное средство звучащей речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Иро́ния — тонкая, скрытая насмешка; художественный приём, при котором притворно утверждается противоположное тому, что на самом деле думает и хочет сказать автор (персонаж).

Коме́дия — вид драмы, в которой характеры, ситуации и действия представлены в смешных формах.

Комме́нта́рий — толкование, разъяснение.

Компо́зиция — расположение и соотнесённость частей, построение художественного произведения, обусловленное его содержанием, идеей и жанром.

Контра́ст — сопоставление противоположных качеств, способствующее их усилению. В отличие от антитезы, контраст может быть скрытым, то есть не обозначенным в тексте словами-антонимами.

Конфли́кт — противоборство, столкновение характеров, идей, взглядов в художественном произведении.

Концо́вка — заключение в стихотворении, повести, сказке, рассказе.

Кри́тика литературная — оценка и истолкование художественных произведений.

Кульмина́ция — момент наивысшего напряжения в развитии действия; элемент фабулы.

Лакони́зм — предельная сжатость, краткость; слово появилось в Древней Спарте, на территории Лаконики.

Леге́нда — рассказ поучительного содержания о необыкновенном, чудесном происшествии, которое воспринимается как достоверное.

Лето́писи — памятники исторической письменности и литературы Древней Руси. Повествование в летописях велось по годам («летам») в хронологической последовательности.

Лири́ческая про́за — прозаическое произведение, эмоционально насыщенное, пронизанное авторским чувством.

Лири́ческий геро́й — образ поэта, лирическое «я» в лирическом произведении (стихотворении).

Литературове́д — специалист, изучающий закономерности литературного процесса или анализирующий творчество одного или нескольких писателей.

Литературове́дение — наука, изучающая особенности художественной литературы, её развития, оценок современниками.

Мета́фора — слово или выражение, употреблённое в переносном значении. В основе такого переносного значения лежит сравнение предметов или явлений по какому-либо признаку. Но, в отличие от сравнения, в метафоре назван только один элемент сопоставления, поэтому её также называют скрытым сравнением.

Миф — древнее народное сказание о богах и героях, о происхождении жизни на земле.

Мифологический сю́жет — сюжет художественного произведения, основанный на мифе.

Мифоло́гия — совокупность, система мифов.

Моноло́г — в художественном произведении речь одного героя, персонажа, обращённая к самому себе или к другим лицам и не зависящая от их реплик (в отличие от диалога).

Мора́ль (в басне) — итог, нравственный вывод, урок. Мораль часто совпадает с авторским отношением к происходящему, его оценкой.

Моти́в — часть сюжета художественного произведения.

Неологизм — новообразованное слово или словосочетание, созданное для обозначения нового предмета, явления, или индивидуальное новообразование слов.

Образ художественный — форма отражения реальности в литературе: мысли автора, облачённые в форму конкретного героя, предмета или явления в художественном произведении.

О́да — торжественное стихотворение, посвящённое какому-нибудь событию или герою.

Олицетворёние — перенесение человеческих черт (или вообще признаков живого существа) на неодушевлённые предметы и явления.

Описание — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер).

Пейзаж — изображение картин природы в художественном произведении.

Персонаж — то же, что литературный герой, чаще второстепенное действующее лицо в художественном произведении.

Повесть — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму, чем рассказ, и меньше, чем роман, она охватывает определённую цепь эпизодов. **Повесть древнерусская** — жанр древнерусской литературы.

Поговорка — краткое устойчивое выражение, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания.

Портрет — изображение внешнего облика героя в художественном произведении.

Пословица — краткое крылатое народное изречение, имеющее поучительный смысл.

Поэма — один из видов лиро-эпических произведений, для которого характерны сюжетность, событийность и выражение автором своих чувств.

Предание — устный рассказ о реальных или вполне возможных событиях прошлого.

Притча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Проза — литературное нестихотворное произведение.

Пролог — элемент фабулы; рассказ о событиях, предвещающих основное действие; рассказ о событиях до завязки.

Прототип — реальный человек, черты которого легли в основу литературного образа.

Псевдоним — вымышленное имя, которое автор использует вместо своего настоящего имени (например: Максим Горький вместо А.М. Пешков).

Публицистика — жанр литературных произведений, в которых рассматриваются актуальные политические, экономические и другие проблемы современности.

Разв'язка — заключительный момент в развитии действия, разрешение конфликта; элемент фабулы.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Расска́зчик — условный образ человека, от лица которого часто ведётся повествование (рассказ) в художественном произведении.

Реце́нзия — один из жанров литературной критики, отзыв на художественное произведение с целью его оценки.

Ритм — повторение каких-либо элементов через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в строке).

Рито́рика — наука о красноречии, об ораторском искусстве.

Риториче́ский вопро́с — образно-выразительное средство, в котором в форме вопроса содержится утверждение. Риторический вопрос не требует ответа, он используется, чтобы усилить эмоциональность, выразительность речи.

Риториче́ское восклицáние — средство художественной речи, восклицательное предложение, усиливающее эмоциональность высказывания. Риторическое восклицание может передавать различные чувства автора: восторг, удивление, огорчение и т.п.

Риториче́ское обра́щение — средство художественной речи, высказывание, в котором в форме обращения к неодушевлённым предметам, явлениям, понятиям и т.д. выражается различное отношение автора к тому, о чём говорится; передаётся торжественность, приподнятость и другие оттенки настроений.

Ри́фма — созвучие окончаний стихотворных строк.

Сати́ра — беспощадное обличение всего старого, исторически обречённого, осмеяние недостатков действительности, человека, его поступков.

Сказ — повествование, имитирующее речь рассказчика (чаще всего — человека из простого народа) и ведущееся от его лица.

Ска́зка — занимательный, поучительный рассказ о необыкновенных, фантастических, вымышленных событиях

и приключениях. Различают сказки фольклорные и литературные; народные сказки делятся на волшебные, бытовые и о животных.

Сравне́ние — образно-выразительное средство, при котором характеристика одного предмета (явления, лица) даётся через сопоставление его с другим предметом (явлением, лицом).

Стихотворе́ние — произведение небольшого объёма, написанное в стихотворной форме, отражает обычно человеческое переживание, вызванное теми или иными жизненными обстоятельствами.

Стихотворе́ние в про́зе — один из видов лирических произведений в прозаической форме (например, стихотворения в прозе И. Тургенева).

Строфа́ — группа строк стихотворного произведения, составляющих единство. Строки в строфе связаны определённым расположением рифм.

Сюже́т — повествование о событиях художественного произведения, выстроенное в соответствии с авторским замыслом.

Тема́ — круг событий и вопросов, составляющих основу произведения; то, о чём писатель говорит в своём творении.

Трагед́ия — драматическое произведение, оканчивающееся гибелью героя или героев.

Тради́ция — опыт прошлых эпох, овладение наследием, установившиеся принципы, правила.

Устное наро́дное твóрчество, или фольклор, — художественная творческая деятельность народа, отражающая его жизнь, воззрения, идеалы. Искусство народа передаётся из уст в уста, от одного поколения к другому. Распространённые жанры фольклора — пословицы и поговорки, сказки, песни, былины, скороговорки, считалки, загадки и др.

Фа́була — события художественного произведения в их логической, причинно-временной последовательности.

Фанта́стика — разновидность художественной литературы, отражающая мир причудливых, нереальных образов, событий, героев.

Фина́л — окончание художественного произведения.

Фольклóр — см. устное народное творчество.

Художественное средство — слово или выражение, употребляемое в переносном значении для создания художественного образа и достижения большей выразительности.

Цита́та — дословная выдержка из текста.

Эзо́пов язы́к (по имени древнегреческого баснописца Эзопа) — особый вид письма, сатирическое иносказание, приёмы шифровки свободной мысли в условиях цензуры.

Экспози́ция — предыстория события или событий, которые лежат в основе художественного произведения; та часть литературного произведения, которая непосредственно предшествует началу основного действия, завязке.

Эпигра́мма — короткое сатирическое стихотворение.

Эпи́граф — короткий текст (часто цитата), помещаемый автором перед основным текстом, выражающий идею, настроение произведения.

Эпизо́д — относительно самостоятельная единица текста, фрагмент произведения.

Эпило́г — заключительная часть художественного произведения, в которой сообщается о дальнейшей судьбе героев после изображённых событий; элемент фабулы.

Эпос — литературный род (наряду с лирикой и драмой), повествование о явлениях, персонажах, их поступках, событиях в жизни.

Эпи́тет — образно-выразительное средство, художественное определение, слово или словосочетание, определяющее лицо, действие или предмет с позиций автора. Отличается от простого определения художественной выразительностью.

Юмор — художественный приём в произведениях литературы, основанный на изображении чего-либо в смешном виде. Юмористический смех — весёлый, доброжелательный.

СПИСОК КНИГ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО РЯДА УЧЕБНИКА (ЧАСТИ I И II)

1. *Дефо Даниель*. Робинзон Крузо. М.: Детгиз, 1949.
2. Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре. М.: Государственное издательство изобразительного искусства, 1953.
3. По щучьему велению: русские народные сказки. М.: Детгиз, 1960.
4. *Пушкин А.С.* Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях. М.: Детгиз, 1963.
5. *Рони-старший Жозеф*. Борьба за огонь. Пещерный лев. М.: Детская литература, 1966.
6. *Толстой Л.Н.* Кавказский пленник. М.: Детская литература, 1974.
7. *Астафьев В.* Конь с розовой гривой. М.: Детская литература, 1975.
8. *Глинка В.М., Помарнацкий А.В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство, 1981.
9. А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Л.: Художник РСФСР, 1985.
10. *Енишерлов В., Лесневский С., Рюмин А.* Александр Блок. Петербург. Шахматово, Москва. М.: Советская Россия, 1986.
11. *Дефо Даниель*. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо. М.: Детская литература, 1986.
12. *Дурасов Г.П.* Каргопольская глиняная игрушка. Л., 1986.
13. А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации. М.: Книга, 1987.
14. Наряд московских фасадов. М.: Московский рабочий, 1987.
15. Музей Есенина в книге. М.: АО «Конрад Пресс»: АО «Х.Г.С.», 1995.
16. *Немировский Е.Л.* Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты. М.: Наука, 2000.
17. *Бабореко А.К.* Бунин. М.: Молодая гвардия, 2004.

Издательство благодарит **Государственный литературный музей** за помощь в составлении иллюстративного ряда и предоставленные изобразительные материалы.

В оформлении спусковых полос разделов учебника использована фотосъёмка декоративного убранства фасадов московских зданий.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Иван Алексеевич Бунин	4
«Густой зелёный ельник у дороги...»	8
В деревне	13
Подснежник	22
Леонид Николаевич Андреев	28
Петька на даче (<i>В сокращении</i>)	33
Александр Иванович Куприн	47
Золотой Петух	49
Александр Александрович Блок	56
Летний вечер	63
«Полный месяц встал над лугом...»	65
Сергей Александрович Есенин	67
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	73
«Поёт зима — аукает...»	74
«Нивы сжаты, рощи голы...»	77
Павел Петрович Бажов	79
Каменный цветок	82
<i>Сказ и сказка</i>	111
Андрей Платонович Платонов	113
Никита	115
Цветок на земле	128

ИЗ ПОЭЗИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Н.И. Рыленков	134
Сестрица Алёнушка	134
Ю.В. Друнина	135
«На носилках, около сарая...»	136
С.С. Орлов	137
«Когда это будет, не знаю...»	137
А.И. Фатьянов	138
Где же вы тепень, друзья-однополчане?	138
В.С. Высоцкий	139
Он не вернулся из боя	140

Николай Николаевич Носов	142
Три охотника	144
Виктор Петрович Астафьев	150
Васюткино озеро	152
Евгений Иванович Носов	183
Как патефон петуха от смерти спас	184

ПИСАТЕЛИ XX ВЕКА О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

В.Ф. Боков. Поклон	194
Н.М. Рубцов. В осеннем лесу	196
Р.Г. Гамзатов. Песня соловья	197
В.И. Белов. Весенняя ночь	198
В.Г. Распутин. Век живи — век люби (<i>Отрывок</i>)	202

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Даниель Дефо	212
Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо (<i>Отрывок</i>)	213
Ханс Кристиан Андерсен	231
Соловей	233
Марк Твен	246
Приключения Тома Сойера (<i>Отрывок</i>)	249
<i>Ирония</i>	278
Жозеф Рони-старший	279
Борьба за Огонь (<i>Главы из книги</i>)	280
Джек Лондон	298
Сказание о Кише	300
Астрид Линдгрен	312
Приключения Эмиля из Лённеберги (<i>Отрывок</i>)	314

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Произведения для заучивания наизусть	320
Произведения для домашнего чтения	320
Детские годы писателей	323
Краткий словарь литературных терминов	325

Учебное издание

ФГОС

Инновационная школа

Меркин Геннадий Самуйлович

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 5 класса общеобразовательных организаций

В двух частях

Часть II

В оформлении обложки использованы — иллюстрация художника
В.А. Милашевского к сказу П.П. Бажова «Хозяйка Медной горы», 1953 г.;
изображение каргопольской глиняной игрушки —
У.И. Бабкина «Полкан», 1960-е гг.

Художественное оформление, макет — *Н.Г. Ордынский*

Руководитель Филологического центра *Е.А. Роженцева*
Редакторы *Е.Ю. Петухова, И.Л. Тимашева, Н.В. Умрюхина*
Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*
Корректор *Г.А. Голубкова*
Вёрстка *Ю.А. Костиной*

Подписано в печать 05.03.19. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура шрифта основного набора — *ИТ* Петербург
(дизайнер электронной версии В.В. Ефимов (1992)
на основе гарнитуры Кудряшовская энциклопедическая
(Н.Н. Кудряшов, З.А. Масленникова (1963)).
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21 + вкл. 0,5.
Тираж 25 000 экз. Изд. № 02021_19. Заказ

ООО «Русское слово — учебник».
115035, Москва, Овчинниковская наб., д. 20, стр. 2.
Тел.: (495) 969-24-54, (499) 689-02-65
(отдел реализации и интернет-магазин).

Вы можете приобрести книги в интернет-магазине:
<http://www.russkoe-slovo.ru> e-mail: zakaz@russlo.ru

ISBN 978-5-533-00813-6

9 785533 008136